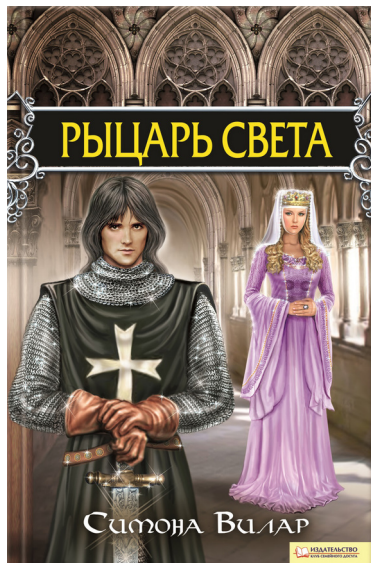

Симона Вилар
Рыцарь света
Серия «Далёкий свет», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6879630

Симона Вилар. Рыцарь света.: ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"»; Харьков; 2012
ISBN 978-966-14-3804-9, 978-966-14-3800-1, 978-966-14-1260-5, 978-5-9910-1546-2,
978-966-14-3802-5, 978-966-14-3803-2

Аннотация

В водовороте интриг, опутывающих средневековую Англию, знатной красавице Милдрэд и безродному бродяге Артуру придется побороться за право быть вместе. Кажется, все против них: законы общества, воля родителей девушки, пристальное внимание к ней королевского сына... и тайна, преследующая Артура. Чужое имя и доспехи рыцаря, которые он незаконно присвоил, могут дорого стоить влюбленным...

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	62
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Симона Вилар

Рыцарь света

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

© Гавриленко Н. Г., 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2011, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2011

ISBN 978-966-14-3800-1 (fb2)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Вилар Симона

В44 Рыцарь света / Симона Вилар. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2011. – 640 с.

ISBN 978-966-14-1260-5 (Украина)

ISBN 978-5-9910-1546-2 (Россия)

От автора

Высокое Средневековье – эпоха яркая, колоритная: возникают рыцарские ордена, устанавливается кодекс рыцарской чести и рождается культ прекрасной дамы, но в этот же период ожесточаются династические споры и в результате кровавых войн и хитроумных интриг перекраивается карта Европы. Для писателя это широкое поле для фантазии, а для историка – увлекательная работа. Роман «Рыцарь света» является продолжением «Леди-послушницы», но написан он мною как вполне самостоятельное произведение.

Главные герои моего романа – молодая пара Артур и Милдрэд. Юноше-сироте, воспитаннику монастыря, надо во что бы то ни стало получить рыцарское звание, дабы стать вровень с его избранницей леди Милдрэд Гронвудской, одной из самых завидных невест Англии. Девушке такого положения невозможно снизить до простолюдина Артура ни по взглядам, ни по социальному статусу. Но сердце юной леди – вопреки законам и условиям – все равно принадлежит ее обаятельному возлюбленному, а потому Милдрэд готова поддержать Артура во всем, только бы однажды иметь право открыто объявить о своем выборе...

Судьбы вымышленных героев я показала на фоне реальных исторических событий. Вместе с ранее написанными книгами «Леди-послушница» и «Поединок соперниц» роман «Рыцарь света» дает представление об Англии первой половины XII века, о сложности взаимоотношений власть имущих потомков завоевателей острова – норманнов, и основного населения – саксов. Причем события происходят во время долгой гражданской войны, когда за трон сражаются две династии – дома Блуа, представителями которого являются узурпировавший трон король Стефан и его наследник Юстас, и их соперники из Анжуйского клана – кузина Стефана Матильда Анжуйская и ее выросший и настроенный добиться победы сын Генрих Плантагенет. Так что участие реальных исторических персонажей в сюжете – вполне оправданный прием для того, чтобы передать дух того времени, столь отличающийся от принятых нами сегодня правил и понятий.

Работая над книгой, я обращалась к документальным источникам и научным трудам, читала художественную литературу о том времени: мне нравилось изучать непростые характеры исторических лиц той далекой эпохи, хотелось составить о них собственное мнение, чтобы показать их живыми людьми, со слабостями и достоинствами. Ведь мои персонажи из прошлого – будь то вымышленные или реальные – такие же, как и мы с вами, пусть и жили они много столетий назад, иначе вели себя, добивались иных целей... Следуя за историей и хронологией, я стремилась сделать свое повествование динамичным, а сюжет – увлекательным, чтобы вы смогли окунуться в то далекое прошлое, ощутить аромат времени и сопереживать героям, которые станут вам понятными и близкими.

С уважением, Симона Вилар

Глава 1

Апрель 1150 года

Ворота закрылись с тягучим скрипом. Трое путников оказались на дороге среди реющего над морем и скалистой пустошью ветра. Они стали подниматься по тропе, уводящей от похожего на груды камней мрачного замка.

– Вот мы и побывали в замке Тинтагель, – тонким фальцетом произнес один из них, стараясь перекрыть шум ветра и грохот волн, бьющихся о скалы. – Ну что, Артур, доволен, что увидел замок, где родился твой легендарный тезка?¹

При этом говоривший стягивал под подбородком завязки облегающей кожаной шапочки, а ветер трепал его выбившиеся рыжие волосы. Он щурился, отчего темные глаза казались щелочками, а очень светлую кожу даже холод не разрумянил, и веснушки на носу выглядели почти черными.

– Ну так как, Артур, – хлопнул он по плечу своего более высокого спутника, – веришь после этого легендам? А вот я не ожидал, что Тинтагель окажется такой дырой, да еще и у самого черта на куличках.

– Отстань от Артура, Рис, – одернул рыжего третий спутник, одетый в линялую бенедиктинскую сутану. – Мы сами согласились приехать сюда и передать послание Херефорда Реджинальду Корнуоллскому. Кто же знал, что граф покинет обжитый Лонсестон и переберется сюда? Здесь даже дорог подходящих нет. Вот и пришлось оставить наш фургон и шлепать среди пустошей в этукую глушь. А этот граф еще и оказался негодным христианином, взял послание и выставил нас за порог. Хорошо хоть покормили. Н-да, неприятливое местечко, клянусь задницей Папы и всеми чертями ада!

Монах ругался почти во весь голос, перекрикивая шум моря и вой ветра. Хотя и в обычной обстановке он был ворчуном. Его лицо, крупное и угрюмое, редко когда освещалось улыбкой. Он носил черную сутану бенедиктинца, но по сути давно уже не был монахом, поскольку предпочитал странствовать по свету, перебиваясь случайными заработками. Но сейчас, в начале апреля, его толстая шерстяная сутана с капюшоном и плотным скапулярием² неплохо ему служила, оберегая от порывов резкого ветра.

Третий спутник, Артур, ничего не ответил. Длинноногий и гибкий, он опередил своих спутников и шел, одной рукой удерживая у горла капюшон плаща, а второй опираясь на окованный металлом длинный шест. Сильный ветер бросал на глаза темные пряди, но, несмотря на мрачное выражение лица, он казался привлекательным: прямые как стрелы брови, правильной формы нос, красиво очерченные губы, выразительные карие глаза. Правда, сейчас взгляд Артура был несколько отрешенным и он, не отзываясь на голоса спутников, глядел только вперед.

– Артур, да не беги ты так! – крикнул ему вдогонку монах. – И если уж Реджинальд Корнуоллский не дал нам приюта, то, может, стоит поискать убежища там. – Он махнул рукой в сторону жавшихся в отдаленной низине хижин.

Артур обернулся и отрицательно покачал головой.

– Послушай, Метью, и ты, Рис, у меня такое чувство, что не стоит нам тут задерживаться. Не понравилось мне, как нас принял граф Корнуоллский. Я ведь ранее уже бывал тут

¹ По легенде, король Артур был рожден в замке Тинтагель в Корнуолле.

² Скапулярий – накидка в монашеском облачении в виде широкой, надеваемой через голову поверх сутаны полосы: один конец скапулярия располагался на груди, другой – на спине.

посланцем, и он вел себя совсем по-другому. А теперь... Забился в эту глушь, принял нас так, словно опасался чего-то, да и послание прочитал украдкой, будто не хозяин в собственном замке и его что-то страшит. И похоже, я понял, что его пугает. Вернее – кто. Видели стоявшего за креслом графа крестоносца? Заметили, как на него оглядывался высокородный Корнуолл? Нет, друзья, чует мое сердце, тут что-то неладно. И чем скорее мы унесем отсюда ноги, тем сохраннее будут головы на наших плечах.

В отличие от спутников он говорил негромко, и ветер унес половину его слов. Но и то, что они слышали, заставило их поторопиться. Артур лучше их разбирался в перипетиях этой многолетней борьбы за трон Англии. В прошлом году он даже сражался за одного из претендентов, Генриха Плантагенета, пока тот не оставил свои попытки и не уехал в Нормандию. Королем же остался Стефан Блуаский.

Некогда сей монарх захватил корону Англии вопреки воле умершего короля Генриха I³. Однако правление его не было мирным. Сначала дочь и наследница покойного монарха вела с ним войну за свои права, потом борьбу продолжил ее подросший за эти годы сын Генрих. И это помимо прочих могущественных лордов, которые становились на сторону то одного претендента, то другого и вели войну на свой страх и риск.

Одним из таких лордов был граф Роджер Херефорд, союзник молодого Генриха. Именно по его поручению прибыла в Корнуолл эта троица, передав тайное послание. Задание было опасное, однако Херефорд хорошо платил. Другое дело, что там, где вершат дела сильные мира сего, простым исполнителям лучше держаться в тени.

Когда посланцы удалились от замка Тинтагель и поднялись на взгорье над морем, ветер резко стих. Подобные перемены погоды не редкость в Корнуолле. И теперь путники шли по тропинке среди цветущих кустов дрока, униженных сверху донизу золотистыми цветами, словно зажженными крохотными свечками. Воздух вокруг стал мягким, наполненным запахами с наскальных пастбищ и ароматом морской соли. Солнце уже садилось, и небо над морем розовело нежными закатными красками.

Рыжий Рис даже запел, так хорошо стало на душе. Артур тоже замедлил шаг и, откинув капюшон, потрянул своими длинными черными волосами. Только Метью по-прежнему ворчал: дескать, уже вечереет, к ночи они все одно никуда не попадут, так не лучше ли поискать где-то укрытия, пока неверная корнуоллская погода опять не преподнесла новый сюрприз. Да и тучи на востоке ему совсем не нравятся.

Туча настигла их скорее, чем они могли ожидать, и вновь заревел ветер. Путники уже удалились с побережья и брели через вересковую пустошь, вокруг которой росли одинокие нагие деревья, принявшие причудливые, вымученные на непрестанном ветру позы. Порой среди верещатников виднелись странные каменные столбы, казавшиеся на фоне неба сломанными зубами сказочного чудовища.

Быстро темнело. И с темнотой усиливался ветер, вскоре превратившийся в настоящий шквал. Уже трудно было что-либо разглядеть, а потом пошел ливень, холодный и пронизывающий.

Шедший впереди Артур едва не упал, ощутив под ногой пустоту. При вспышке молнии он заметил, что стоит на краю оврага, по дну которого к морю течет бурный поток.

– Надо где-то укрыться! – крикнул Артур и начал осторожно спускаться.

В овраге ветер не так набрасывался на путников, но пробираться в темноте было весьма рискованно. И тут при вспышке очередной молнии Артур разглядел в стороне от бурлящего потока нависавшую над землей широкую скалу, под которой можно было укрыться. Кое-как

³ Генрих I по прозвищу Боклерк – король Англии в 1100–1135 гг. После своей смерти оставил трон единственной дочери Матильде, бывшей замужем за графом Жоффруа Анжуйским. Но престол успел захватить племянник Генриха Стефан Блуаский. Их соперничество за трон послужило поводом к долгой гражданской войне в Англии.

добравшись туда, они обнаружили, что среди углублений в камнях было немало нанесенных ветром веток. Значит, им удастся развести костер и обсушиться. Именно это они и сделали.

– Все же Господь нас любит, если вовремя послал такое убежище, – весело заметил Рис.

Они сгруппировались возле небольшого костерка, поворачиваясь к огню то одним боком, то другим. Когда грохот стихии усилился, монах Метью определил, что дождь перешел в град.

– Вы только поглядите, что творится! – Он показал спутникам одну из градин, величиной с голубиное яйцо. – Наверное, его милости Реджинальду Корнуоллскому сейчас сладко почивать на меховых покрывалах, небось и думать забыл об отправленных в ночь посланцах графа Херефорда.

– С чего бы это он нас вспоминал? Выгнал – и сразу забыл. Так, Артур?

Юноша не отвечал. Присев у огня, он смотрел на языки пламени, отражавшиеся в его темных глазах, как в слезах. А может, это и были слезы?

Его приятели переглянулись.

– И когда его попустит? – вздохнул Рис. – Пора бы уже смириться. Клянусь истинной верой, эта синеглазая саксонка околдовала нашего Артура.

– Да и он хорош. Надо же, влюбился в благородную! Сколько раз я ему твердил, что гронвудская леди не для него. А он все места себе не находит.

Они негромко переговаривались, стоя под навесом скалы, их голоса заглушал рев стихии и шум протекавшего неподалеку ручья. Но Артур словно забыл о них. Он вспоминал.

Прошлым летом, вернувшись с Рисом и Метью после очередного задания в славный город Шрусбери, он встретил девушку, которая завладела его сердцем. Милдрэд звали ее. Леди Милдрэд Гронвудская, прекрасная саксонка, которая пребывала в обители Святой Марии Шрусберийской, пока шли переговоры насчет ее будущего брака с графом Роджером Херефордским. Что могло связывать бродягу Артура и невесту графа? Разве что необъяснимое чувство, какое вдруг нахлынет, подарит надежду, заставит мечтать и замирать в предвкушении счастья. Или от невозможности счастья...

Но тогда ни Артур, ни Милдрэд особо не задумывались, просто искали встреч, стремились быть вместе, ловили каждый миг краткого счастья... Краткого... Ибо хотя свадьба Милдрэд с графом Херефордом не состоялась, все равно наследница столь огромного состояния, земель и подвластных людей не могла стать женой безродного бродяги Артура. Она сама сказала ему об этом, как и дала понять, что у них есть небольшая лазейка для сближения. Артур может попытаться счастья на войне, поступив в войско Генриха Плантагенета. И если он отличится, то однажды сможет стать рыцарем. Тогда, возможно, его причислят к благородному сословию и леди Милдрэд сама попросит за него своего отца, барона Гронвудского; она будет умолять его позволить им обручиться.

Сначала судьба как будто благоволила влюбленным. В той страшной разорительной войне, какую против короля вел Генрих, Артур смог выслужиться, и разговоры о его посвящении в рыцари и впрямь велись. Но неожиданно Генрих вынужден был все оставить и уехать. Для Артура и Милдрэд это означало крах всех надежд. Теперь юная леди должна была оставить Артура, и он в отчаянии упрекал ее, решив, что она недостаточно сильно любит его. И все же Милдрэд доказала свою любовь, когда спасла жизнь Артура ценой обручения с нелюбимым саксонским таном⁴ Эдмундом.

Юноша упросил свою милую отложить венчание. Он надеялся добраться до Генриха Плантагенета, который покровительствовал ему и обещал рыцарскую цепь и шпоры. Девушка заверила Артура, что готова ждать, и он через штормовое зимнее море отправился

⁴ Тан – землевладелец среди саксонского населения.

к Плантагенету в Нормандию. Сначала он прибыл в Руан, где, по слухам, Генрих после смерти отца вступал в права герцога и должен был принимать оммаж⁵ от вассалов. Но оказалось, что принц уже принял присягу и уехал. Артур проведал, куда он двинулся, и поспешил в Турень. В чужой стране, никого не зная, не имея связей, он все же достаточно быстро прибыл в столицу края, город Тур, но только для того, чтобы узнать, что неугомонный Плантагенет покинул графство и отправился на Рождество в Париж. Артуру пришлось тоже поехать туда, и хотя он видел Генриха, когда тот вместе с королевской четой праздновал Рождество в аббатстве Сен-Дени, пробиться к нему не смог. Слишком много людей окружали новоявленного герцога Нормандского, вокруг него вращались самые именитые вельможи; к тому же намечался отъезд французского короля и королевы в Витри, и не успел Артур опомниться, как узнал, что французские монархи отбыли в Витри, а Генрих тут же последовал за ними. Некогда юный Плантагенет уверял, что страстно любит королеву Франции, поэтому готов следовать за ней куда угодно. И это несмотря на то, что Элеонора примирилась с королем Людовиком и ждала от него ребенка.

Артур постарался опять нагнать их, но, увы, поспевать за королевской кавалькадой ему, иноземцу без средств и связей, было очень трудно. Но он не сдавался, вновь и вновь месил грязь на разбитых дорогах под холодными зимними дождями. Напрасно. Ибо теперь все вокруг говорили, что Генрих чем-то разгневал французского короля, разругался с ним и уехал в графство Мен, чтобы судиться с непокорным братом Жоффруа.

Это была какая-то нескончаемая гонка. Деньги Артура таяли, время шло, и он понимал, что, пока он тут гоняется за неугомонным Плантагенетом, время уходит и его милую могут выдать за другого.

В начале весны Артур вернулся в Англию. Он был в полном отчаянии, когда прибыл в город Шрусбери, к своей покровительнице аббатисе Бенедикте. Эта женщина всегда принимала участие в судьбе Артура и знала, что он мечтает получить руку Милдрэд Гронвудской. Но когда он, усталый, отчаявшийся и опустошенный, просто пал матушке Бенедикте в ноги и поведал о всех своих горестях, она утешила его, пообещав посодействовать. Как? Он не узнал, ибо вскоре после встречи с ним его покровительница отбыла в неизвестном направлении, никому ничего не сказав.

Итак, юноша опять остался ни с чем. Метью и Рис, друзья Артура, советовали ему забыть саксонку. Не судьба, их брак невозможен, нереален – убеждали они его. Потом Метью напомнил, что некогда граф Херефордский покровительствовал Артуру, а потому, может, у него на службе их приятель чего-то и добьется.

Действительно, некогда Роджер Херефорд благосклонно относился к юноше, даже обещал посодействовать его возвышению. И вообще, их троица ранее пользовалась покровительством графа и он их ценил, поскольку они выполняли для него самые щекотливые поручения. Так почему бы вновь не пойти к нему в услужение? Однако когда они прибыли ко двору графа, ранее благоволивший Артуру Херефорд больше не проявлял к нему прежней милости. Граф не забыл, что одной из причин разрыва их с Милдрэд Гронвудской помолвки как раз и был этот обаятельный бродяга.

Артур тоже понимал, почему лорд держится столь холодно, и впал в полное уныние. Милдрэд ждала... А он ничего не мог сделать, чтобы добиться права предстать перед ней и получить надежду расторгнуть ее помолвку с таном Эдмундом Этелингом, как называли того саксы⁶. И хотя при расставании девушка пообещала держаться сколько сможет... Но теперь даже самому Артуру ее обещание казалось маловероятным. Она – послушная дочь

⁵ Оммаж – вассальная присяга сеньору.

⁶ Этелинг – прозвище, означавшее на старосаксонском «принц королевских кровей».

своих родителей, а они при всей своей любви к ней вряд ли станут долго потворствовать прихотям заневестившейся красавицы.

А потом граф Херефорд вызвал их троицу к себе, приказал отправиться в Корнуолл и лично в руки передать тамошнему правителю особое тайное послание. При этом сказал, что щедро их наградит. Но Артур уже не верил. И если отправился в такую даль, то только потому, что бездействие изводило его, а Рису и Метью нужны были деньги.

В итоге они справились с поручением без всяких происшествий. Менее чем за неделю они добрались до столицы Корнуолла Лонсестона, и только тут у них произошло первое недоразумение. Выяснилось, что его милость куда-то отбыл, и никто не мог сказать куда.

– Что за привычка уезжать, даже не поставив в известность о своем местонахождении! – рассердился Артур. – Сначала уехала мать Бенедикта, теперь этот сводный брат императрицы словно растворился в туманах своего полуострова⁷. Слушайте, друзья, может, бросим все это и отдадим послание Херефорда кому-нибудь из людей короля Стефана?

– Не похоже, чтобы ты, парень, согласился бы изменить покровительствующему тебе лорду, – рассудительно заметил Метью. – Да и не будем мы служить Стефану, против которого не так давно сражались. Давно ли казни избежал?

Да, три с лишним месяца назад Артура едва не повесили. Тогда его спасла Милдрэд Гронвудская. И она его ждет... Возможно, им и вправду более повезет у графа Корнуоллского и тот отметит столь рьяных посланцев?

Вскоре они выяснили, что граф Реджинальд укрылся в полуразрушенном, неудобном Тинтагеле, сумели к нему добраться, но, как оказалось, ни о какой милости с его стороны не могло быть и речи. Их просто выставили вон.

– Артур, ты что, заснул или гредишь? – Метью потряс задумавшегося парня за плечо. – Слышишь? Сюда кто-то едет.

Юноша медленно поднял голову, откинул упавшие на глаза пряди. Кто-то едет? Что с того? Они тут в укрытии, их вряд ли заметят, кто бы это ни был.

Но все же во время безвластия любая встреча в пустынной местности могла таить в себе опасность. Поэтому Метью спешно затоптал угли костра, и они с Артуром укрылись за большим валуном под навесом скалы, откуда за дорогой уже наблюдал Рис.

Стояла глухая ночь. После пронесшегося ненастья стало так тихо, что казалось, будто даже вечно дующие над корнуоллским плоскогорьем ветры ушли на покой. Небо очистилось, луна тускло светила сквозь тучи, вычерчивая неровные края оврага, где притаились путники. Рядом по камням шумел бурный поток, но все же чуткое ухо Риса уловило перестук копыт, звон металла, отдаленное ржание лошади.

– Едут человека четыре, если не больше, – определил он. – Путь держат от Тинтагеля и, кажется, едут по той же тропке, по которой шли мы.

– Другой же тут нет, – заметил Артур.

– И чего им не спится? – буркнул Метью и поежился. Он бы уже давно почивал, если бы мог согреться во влажной сутане.

Не то чтобы приятели чего-то опасались. У Риса и Метью были дубинки и длинные ножи, а у Артура – окованный металлом шест, которым он умел ловко отбиваться. Бродячая жизнь приучила друзей не только к опасностям, но к осторожности.

Вскоре наверху оврага мелькнул отсвет огня. Всадники ехали на местных пони, освещая путь факелами; все были в шлемах и накидках, под которыми поблескивали нашитые на дубленую кожу доспехов бляхи. Под одним из них был крупный светлый жере-

⁷ Граф Реджинальд Корнуоллский был внебрачным сыном короля Генриха I и приходился сводным братом его законнорожденной дочери императрице Матильде.

бец, да и одет мужчина был как рыцарь: его длинная черная котта⁸ не скрывала кольчуги, видны были стальные наплечники, поблескивали, словно чешуя, длинные рукава. Рыцарь был без шлема (тот висел сбоку, притороченный к седлу), его голову покрывал кольчужный капюшон, оставляя открытым лицо. Другие, простые солдаты, были в округлых цервельерах⁹ поверх плотных шерстяных капюшонов.

– Это тот самый рыцарь-крестоносец, который бы с Корнуоллом, – заметил Рис, но Метью лишь шикнул на него. При этом оглянулся туда, где за камнем слабо мерцали угли костра. Вряд ли его заметят, но запах дыма могут почувствовать. С другой стороны, чего им опасаться, когда они сами были сегодня в Тинтагеле и этот рыцарь видел их? Но Артур ведь не зря сказал, что в замке что-то неладно, да и граф вел себя с этим рыцарем как-то странно, словно зависел от него или... опасался.

Конники стали спускаться по крутому склону. Их оказалось семеро, факелы были в руках первого и третьего; рыцарь ехал вторым, его черная котта ниспадала складками, плащ был откинут, и в отсветах пламени виднелся большой белый крест на груди. Спускались они осторожно, лошади недовольно ржали на крутой тропинке. В какой-то миг рыцарь отвлекся, успокаивая своего храпящего жеребца, и его спутники быстро обменялись какими-то знаками.

– Мы точно доберемся к утру в Лонсестон? – спросил крестоносец.

– На рассвете будем там, – ответили ему с заметным корнуоллским выговором.

– Хорошо. Я бы хотел как можно скорее отплыть на континент.

– Ваша воля, сэр.

И при этом они опять незаметно обменялись знаками.

Затаившиеся за камнем приятели переглянулись. Было в происходившем что-то странное.

Первый из всадников уже спустился к ручью. Его лохматый пони заупрямился, не желая вступать в бурливший поток. Но в этом месте были уложены валуны, по которым можно было перебраться на другую сторону, и всадник спешил, взяв пони под уздцы. При этом он оглянулся, и один из ехавших за крестоносцем солдат подал ему какой-то знак. Похоже, рыцарь что-то заметил в падавшей от факела тени.

– Что такое?

Ему ответили, чтобы он тоже сошел с лошади. Дно ручья каменистое и неровное, животных лучше вести в поводу, а сами они могут перебраться по камням.

Артур и его приятели находились совсем недалеко от начавшего переправу крестоносца и его провожатых. Они видели, как первый корнуоллец, освещая путь факелом, стал переходить по камням, увлекая за собой фыркающего пони. Потом спешил и ступил на камень рыцарь. Пламя факела осветило его обвитую кольчужным чулком ногу, звякнула шпора. Его огромный конь оказался послушнее пони, он только потряс гривастой головой, но покорно двинулся следом.

И тут стало видно, как один из всадников осторожно вынул тесак и, пришпорив лошадь, сделал быстрый замах. Его пони прыгнул в ручей, взметнув фонтан брызг, а воин с силой ударил крестоносца. Нападавший явно был не самым умелым воином, поскольку его удар пришелся на покрытое стальными пластинами плечо крестоносца. Лязгнул металл, острое тесака скользнуло к шее, но рыцаря спасло стальное плетение кольчужного капюшона с оплечьем. И все же он пошатнулся, но при этом успел проскочить под мордой своего коня, спрыгнул с камня в ручей, и в его руке оказался длинный меч. Теперь, стоя почти по пояс в воде, он не рассуждал, а ударил туда, куда смог дотянуться, – и поразил лошадь

⁸ Котта – безрукавная туника, какую носили поверх доспеха.

⁹ Цервельер – железная каска, защищающая верх черепа и лоб.

напавшего. Та взвилась на дыбы, рухнула, и, пока всадник барахтался под ней, выныривая из шумящей воды, крестоносец быстро нанес ему разящий удар. В то же мгновение шедший впереди проводник воспользовался тем, что крестоносец стоял к нему спиной, и быстро нанес ему удар тесаком в спину. Рыцарь громко вскрикнул, но даже не повернулся корпусом, а только стремительно направил меч острием к нападшему и сделал ловкий выпад. Проводник закричал, рухнул в ручей, и оброненный им факел тут же погас в потоке. Испуганный пони рванулся в сторону, сбив крестоносца; тот упал, но успел подняться. Теперь на него напали уже четверо оставшихся убийц.

Сейчас только один факел освещал происходящее, но и этого мечущегося света хватало, чтобы видеть, как рыцарь-крестоносец, стоя в воде, умело отбивается от наседавших на него мужчин и при этом сам наносит удары. Он смог отбить атаку одного из нападавших, резанул по ноге другого. И так резанул, что солдат стал орать, опрокинулся, упал с лошади; мелькнул обрубок его ноги, брызнула темная кровь. Когда раненого уносило течением, он продолжал дико кричать, но вскоре его вопли заглушил шум воды. Крестоносец продолжал в одиночку сражаться с убийцами и отбивался настолько ловко, что было ясно: это отменный воин. Даже будучи раненым, сбиваемый с ног бурным потоком, он умудрялся теснить противников.

– Если рыцарь выберется из ручья, – негромко шепнул Рис, – я готов поспорить, что он победит.

Артур промолчал. Ему не нравилось, когда несколько человек нападают на одного, но какое это имело отношение к ним? Здесь происходило нечто, о чем им не следовало знать. Ночь, глухое место, люди графа Корнуолла убивают гостя своего лорда. Но вот справятся ли они? Их осталось трое против раненого рыцаря, хотя Рис, возможно, и прав – этот крестоносец наверняка одолеет их.

В какой-то миг крестоносец отбил выпады троих конников и, когда они отступили, постарался пересечь поток и выбраться на другой берег ручья. Его конь поспешил следом, загородив собой хозяина. И тут один из всадников вонзил в шею коня меч. Огромный боевой конь взвился, пронзительно заржал и с шумом упал в воду.

Рыцарь закричал. И вместо того чтобы выбраться на сушу, кинулся назад.

– Проклятие! Вы убили моего верного Плуэ!

Он переживал из-за коня, когда надо было спастись самому. Ибо теперь его окружили трое конников, они атаковали все разом, и крестоносец едва успевал отражать удары и уворачиваться. Его движения затрудняли стремительные воды, но он бился с таким неистовством, что всадникам пришлось отступить. Внезапно они переменили тактику, убрали свои короткие тесаки и взялись за копья. Теперь они могли колоть его, даже не приближаясь. Рыцарь отчаянно закричал.

– Так, надоело мне все это, – сказал Артур. – Пора!

Он вскочил на камень, за которым они укрывались, и кинулся туда, где происходила схватка. Согласны или нет были Метью и Рис, но они тут же поспешили следом.

Размахнувшись, Артур опустил тяжелый конец шеста на одного из всадников, и тот беззвучно рухнул. И пока Артур отскакивал от его разворачивающейся храпящей лошади, Метью что есть силы ударил по колену другого всадника. Тот взвыл и невольно склонился, а монах, обрушив на стальной цервельер противника следующий удар, оглушил его, а потом быстро добил парочкой сокрушительных ударов в висок. Оставшийся всадник с факелом, увидев, что к рыцарю подоспела подмога, попытался ускакать, но на него сверху со скалы прыгнул Рис, спихнул с лошади, а пока корнуоллец поднимался, к нему кинулся Артур. Он быстро повалил мужчину на землю и полоснул по горлу ножом.

Когда оглянулся, то увидел, что израненный крестоносец, пошатываясь, по-прежнему размахивает мечом, подступая к поспешившему было к нему Метью. Упавший факел давал

слишком мало света, чтобы рыцарь мог рассмотреть, кто перед ним, а может, уже ничего не соображал, не слышал слов Метью, кричавшего, что они не люди графа. Артуру пришлось вмешаться. Перепрыгивая по темным камням переправы, он дотянулся длинным концом окованного шеста до крестоносца, оглушил его мощным ударом, и тот рухнул, а затем стал медленно всплывать. Метью тут же подхватил рыцаря под мышки, вытащил из воды.

Артур поднял слабо трепыхавшийся факел, взмахнул им, оживляя пламя, и огляделся. Кругом тела, фыркающие и мечущиеся вдоль ручья кони, оглушенный рыцарь. Вот в какую передрагу они попали.

Метью уложил бесчувственного крестоносца под навесом скалы, Рис кинулся ловить лошадей, а Артур стал разводить огонь. Когда костерок разгорелся, Метью уже обнажил голову рыцаря, побрызгал ему в лицо водой. Это был еще нестарый мужчина, с породистым привлекательным лицом и спутанными черными волосами. Он на миг приоткрыл темные глаза, поглядел на них, будто хотел что-то сказать, но потом голова его бессильно откинулась, а из уголка рта потекла темная струйка крови.

Вернулся Рис, таща за поводья лошадей, стал их привязывать. При этом говорил, что хорошо, что он подсуетился, а то один из этих пони уже потрусил по дороге на Тинтагель, а им сейчас совсем нежелательно, чтобы граф проведал о том, что в его планы кто-то вмешался.

– Да и лошадки нам достались трофейные. – Рис огладил одного из коренастых корнуоллских пони. – Жаль, что коня рыцаря убили. Роскошная была животинка.

И он поглядел туда, где к камням переправы прибило труп белого коня крестоносца. Потом, подумав, пошел к нему, стал отвязывать тюки у седла и закрытый цилиндрический шлем.

Рыцарь все не приходил в себя, а на губах его по-прежнему выступала кровавая пена.

– Плохо дело, – заметил монах. – Артур, помоги мне раздеть его. А ты, Рис, будь настороже. Мало ли кого еще принесет нелегкая из замка.

Они стали расшнуровывать на боку рыцаря котту. Она была из прекрасного черного сукна, на груди был нашит большой белый крест. Плащ у рыцаря был тоже черный, с роскошной бархатной подкладкой.

– Что у него за облачение? – спросил Метью. – Чем-то напоминает одеяние тамплиеров.

– Это рыцарь ордена госпитальеров, или иоаннитов, как их еще называют, – пояснил Артур. – Я встречал таких на континенте. Это тут, в Англии, обосновались только храмовники, а госпитальеров можно встретить и в Париже, и в Анжу. Тамошняя знать покровительствует этому ордену не меньше, чем наши вельможи храмовникам.

Они наконец сняли с рыцаря котту, и Метью сокрушенно покачал головой, увидев, что в нескольких местах сквозь кольчугу рыцаря сочится кровь. Когда они попытались стянуть ее и приподняли госпитальера, тот застонал и открыл глаза. При этом рыцарь закашлялся и из его рта полетела кровавая слюна. Но смотрел он теперь осмысленно.

– Кто вы?

– Мы друзья, – отозвался Артур. – На вас напали люди лорда Корнуолла, мы случайно оказались рядом и решили вмешаться. Ну а теперь, сэр, лежите спокойно. Наш брат Метью – отменный врачеватель, и он окажет вам помощь.

Однако рыцарь вдруг забеспокоился, стал озираться, пока его взгляд не упал на лежащую неподалеку чересседельную суму и шлем. Он протянул к ним руку, и Артур подал ему шлем и суму. Не обратив на шлем никакого внимания, рыцарь попытался ослабить завязки сумы. Но тут его стал душить кашель, он задышался, стонал, сплевывал кровь, но каждый раз отводил руку брата Метью, когда тот хотел напоить его. Сплюнув сгусток крови, рыцарь тяжело произнес:

– Оставьте, брат. Я госпитальер и разбираюсь во врачевании. Поэтому знаю, что меня уже не спасти. Похоже, задет какой-то жизненно важный орган, и...

Последовал новый приступ кашля, столь сильный, что крестоносец едва не подавился хлынувшей изо рта кровью. Но все же он вновь попытался привстать, продолжил возиться с сумой, пока не упал. Артур и Метью переглянулись, и монах выразительно повел бровями в сторону сумы. Но тут рыцарь заговорил уже более спокойно:

– Я узнал вас. Вы посланы к Корнуоллу от графа Херефорда. И я благословляю Небеса, что именно вы оказались сейчас со мной. Ибо теперь... Это дело моей чести, без этого душа моя не найдет успокоения. И я прошу вас... Заклинаю именем Девы Марии... Сожгите эту суму!

Артур какой-то миг переглядывался с Метью, потом взял суму и повернулся к костру. Взметнулись искры, и стало темнее, когда он положил ее в огонь.

– Слава Богу!.. – выдохнул госпитальер.

Артур заслонял собой костер, но рыцарь, голову которого уложил себе на колени монах, продолжал наблюдать, как пламя корежит кожаный мешок.

– А теперь, брат, – поднял рыцарь глаза, – я вам исповедуюсь.

– Я не священник, – поспешил сказать Метью.

Рыцарь слабо улыбнулся.

– Счастье, что хотя бы монах рядом. Выслушайте же мою исповедь. Мое имя – Артур ле Бретон.

– Артур? – переспросил Метью.

– Да. Это имя распространено в графстве Бретань, где я родился. А вот прозвище ле Бретон мне дали уже в ордене Святого Иоанна. Мое родовое имя совсем иное, но я отрекся от семьи, когда вступил в братство иоаннитов. С тех пор я стал Артуром ле Бретоном. Нашему ордену в графствах Анжу и Мэн весьма покровительствует императрица Матильда. Она вызвала меня и велела отправиться в Англию. Я ранее никогда не бывал на острове, и неважно, в чем состояла моя миссия... Но теперь мне надо только исповедаться. Мое время вышло.

Тут он умолк и перевел взгляд на Артура. Юноша понял и побрел прочь.

Он разыскал на вершине обрыва Риса. Там дул ветер, почти незаметный в овраге, тучи разошлись, месяц освещал окрестности достаточно ясно. Рис подпрыгивал на холодном ветру, слушая Артура, который сообщил, что рыцарь, оказавшийся его бретонским тезкой, впервые в Англии и что здесь ему придется умереть. Услышав, что Метью исповедует крестоносца, Рис только хмыкнул. Его куда более волновало, что подумают в Тинтагеле, если в ближайшее время никто из посланных с госпитальером убийц не вернется в замок. В любой миг могут появиться другие посланцы Корнуолла, и, если их обнаружат тут с умирающим рыцарем... Поэтому им лучше как можно скорее закопать трупы людей графа, забросать камнями тела убитых лошадей, а самим сматываться, пока не поздно.

Это была здравая мысль, и они тут же занялись похоронами. В стороне, под скалой, по-прежнему горел костерок, был виден силуэт склоненного над рыцарем Метью: монах приложил ко лбу Артура ле Бретона небольшой крестик и бормотал в уже оглохшие уши рыцаря отходную молитву. Когда он поднялся на склон, Артур и Рис заканчивали работу: закопав тела воинов, теперь они заваливали камнями трупы лошадей. За всеми этими похоронными делами они провозились довольно долго, небо уже начало сереть, но, осмотрев свою работу, остались довольны. И если когда-нибудь какой-то пастух, бродя со своими овцами, и сможет обнаружить под каменистой насыпью останки людей и животных, то произойдет это нескоро. Крестоносца они погребли отдельно, закопав и привалив сверху огромным камнем. Правда, предварительно сняли с него рыцарское облачение, чтобы никто не мог опознать тело. Метью на этом особенно настаивал. Говорил, что чем дольше граф Корнуолл не будет

знать, куда пропал посланец императрицы, тем сохраннее будут их головы и тем тише будет вести себя сам лорд Реджинальд.

При этом Метью выглядел так, словно он знал нечто такое, что позволяло ему приказывать своим приятелям. Артур относился к этому спокойно, а вот Рис стал нервничать.

– Ты хочешь известить меня, Метью? Не забывай, что ты изгнанный из Шрусберийской обители монах, а вовсе не рукоположенный священник. И то, что ты принял исповедь умирающего, вовсе не дает тебе права что-то скрывать от нас. Я правильно говорю, Артур?

Юноша молчал. Они сели на доставшихся им лошадей и потрусили по выходящей вдоль Корнуоллского хребта тропе. Дорога была вполне сносной, они ехали быстро и к полудню уже разглядели башни Лонсестона. Тут было решено разделиться: Метью должен был забрать их возок из местной обители, а Рис и Артур, объехав город, ожидать приятеля на дороге к Экзетеру.

Подобное решение исходило от самого Метью. Этот монах был самым здравомыслящим, и обычно друзья всегда поддерживали его. Но теперь Рис, уязвленный значимым видом Метью, опять стал жаловаться, что тот ведет себя так, как будто что-то узнал, но таится от них. Разве они имели тайны друг от друга?

Артур какое-то время молчал, но потом, когда они остановились среди нагромождения скальных обломков за Лонсестонем, юноша снял с лошади чересседельную суму, весьма объемную после того, как туда уложили снаряжение рыцаря, и извлек из нее небольшой кожаный футляр.

– Думаю, все дело в этом, – произнес Артур, показав его Рису.

Рис удивленно выгнул брови. Он сразу узнал футляр, который именно они и доставили лорду Корнуоллу. Но тогда он выглядел не таким помятым и забрызганным и его обвивал шнурок со свисающей печатью Роджера Херефордского.

– Я ничего не понимаю, – растерялся Рис. – Откуда он у тебя, если вчера мы вручили его графу.

– А тот передал футляр иоанниту. И уж поверь, дружище, послание это таково, что мы весьма рисковали жизнью, доставляя его. Как рисковали и те, кто поставил тут свои подписи.

При этом Артур невозмутимо раскрыл футляр и извлек из него свиток, испещренный многими подписями и печатями на разноцветном воске.

– Столько имен, – хмыкнул Артур. – Столько подписей и печатей – и рыцари, и бароны, и священнослужители, и высокородные лорды... И все они клянутся встать на сторону Генриха Плантагенета при первой же возможности. И тут не только имена известных союзников анжуйского принца, но и немало неожиданных подписей: Арундел, Оксфорд, даже родной брат короля Генри Винчестерский. Даже Корнуолл, ранее не желавший вмешиваться в ссору претендентов за трон, и тот поставил свою подпись.

– Откуда у тебя это послание? – почти взвизгнул Рис. И умолк. Похоже, он наконец начал догадываться.

Артур заметил это и согласно кивнул.

– Ты прав, дружище. Реджинальд Корнуоллский поставил под ним свою подпись с печатью и вручил его посланцу императрицы. А Артур ле Бретон – мир его праху! – просил меня сжечь его вещи и, соответственно, это послание. Он не хотел, чтобы кто-либо пострадал. И уж поверь мне, если подобный список заведомых врагов короля попадет к Стефану, вся Англия умоется кровью. Ибо он никого не пощадит. И будет по-своему прав. При чем сможет ссылаться на этот документ, когда начнет карать отступников.

Он объяснил оторопелому Рису, что после военной кампании прошлого года, несмотря на то что Генрих уехал и оставленные без своего предводителя лорды были вынуждены признать власть Стефана, многие вельможи и церковники возмущались действиями Стефана, особенно после того, как король взял на вооружение тактику «выжженной земли». Рис и сам

видел, что тогда творилось в Англии: по приказу короля сжигались целые деревни, жителей убивали, а урожай уничтожали, дабы он не достался противнику. Пострадали и монастыри: замки разрушили, а все их защитники были безжалостно казнены. И все это сделал король Англии. Но короли так себя не ведут – это тактика завоевателей. Подобной жестокостью Стефан и отвернул от себя многих лордов, ранее готовых стоять за него горой. Похоже, даже пытавшийся оставаться до этого в стороне граф Корнуолл был возмущен действиями монарха, и теперь его подпись и печать стояли в документе, в списке людей, на которых Плантагенет сможет рассчитывать, когда продолжит борьбу со Стефаном.

Вот почему они прислали к графу Корнуоллу своего человека – госпитальера Артура ле Бретона. На первый взгляд, было похоже на то, что орденские братья не вмешиваются в дела сильных мира сего, но на деле они тщательно за всем следят и принимают живейшее участие. Поэтому Артур ле Бретон и привез подобный документ с воззванием Матильды к английским лордам. Если они подпишутся, то ее сын вскоре сможет опять приехать в Англию, а связанные клятвенными обязательствами лорды и их вассалы выступят на его стороне. Вообще-то ловко придумано. Но и опасно. Ибо попади такой документ к Стефану...

– Судя по всему, наш трусоватый Корнуолл понял, что вляпался в неприятную историю. Но с ним был госпитальер, а он непростой парень, ты сам видел. Милорд Реджинальд побаивался его, не смел ему перечить, тем более что его имя тоже значилось в документе. Но вот когда документ был передан Артуру ле Бретону и тот готовился отправиться на континент... тогда Корнуолл и решил, что лучше избавиться как от компрометирующего его списка, так и от самого посланца. Он отправил с госпитальером убийц, ну и... Дальше ты сам все знаешь. Славный все же был парень, этот крестоносец. Уже умирающий, он, конечно, понимал, кто приказал его убить, но прежде всего настаивал, чтобы сожгли документ, уличающий сторонников его госпожи. А вот я... Скажем так: мне стало не менее любопытно, чем тебе при взгляде на зазнавшуюся физиономию Метью. И когда я заметил в суме госпитальера знакомый футляр, то успел выхватить его, прежде чем бросил остальные пожитки рыцаря в огонь. Что, нехорошо грабить умирающего?

Рис только моргнул несколько раз.

– Зачем ты взял этот документ, Артур? Он может навлечь на нас беду.

Произнеся эти слова, он едва не впал в истерику. Да понимает ли Артур, чем им это грозит? Если Корнуолл что-то заподозрит, он пошлет за ними гонцов, устроит на них настоящую охоту...

– Как мы докажем, что ничего не ведаем про этого проклятого Артура ле Бретона?

– А какое мы имеем отношение к госпитальеру? – Артур оторвал от себя цепляющегося Риса. – Мы покинули Тинтагель еще засветло, мы понятия не имели, что граф приказал убить своего гостя из Франции. Приободришься, приятель! Да, я взял послание... хотя и сам не ведаю, на кой черт оно мне понадобилось. Ну ладно, потом решу. Что же касается исчезнувшего для всех госпитальера... Мало ли что могло с ним приключиться по дороге? Возможно, он сам разделался с убийцами и ускакал подальше от владений его милости Корнуолла, унесся куда глаза глядят, скрылся, чтобы переждать опасность. Мог отплыть во Францию, мог просто утонуть при переправе через Канал¹⁰. А что послание у нас, никто не узнает. Зато теперь Корнуолл напуган до смерти. И никакой погони он не вышлет. Наоборот, спрячется у себя в Тинтагеле и будет молиться, чтобы его самого не припугнули пропавшим документом.

– Но ведь мы были последними, кто покидал Тинтагель! – волновался Рис.

– Что с того? Мы выполнили свое поручение и теперь возвращаемся к Херефорду.

¹⁰ Канал, или Английский канал – название Ла-Манша.

Рис какое-то время размышлял, но постепенно успокоился. И когда из своего убежища за скалами они увидели двигавшийся по дороге возок брата Метью, Рис даже пошутил: пускай теперь толстый бенедиктинец важничает, что кое-что прознал, ему на это плевать, он сам в курсе событий!

Когда они уже садились на лошадей, Рис неожиданно сказал:

– Все же хорошо, Артур, что ты проведал эту историю. По крайней мере, это отвлечет тебя от твоей бесконечной тоски по саксонке Милдрэд.

Глава 2

Лучше бы Рис так не говорил. Ибо Артуру вдруг стало безразлично, что в его суме за плечами свиток, который может перевернуть всю Англию и погубить множество людей. В том числе и его самого. А вот мысль о том, что Милдрэд все еще бесконечно далека, породила в его душе холодное неприятное чувство, в каком было и разочарование в себе самом, и тоска по любимой, и тихое отчаяние, с которым он ничего не мог поделать.

Рис ничего не сказал подъехавшему Метью, но согласился, когда тот предложил им как можно скорее убраться из владений Реджинальда Корнуолла. Для пущей безопасности они съехали с проложенной еще римлянами дороги, свернули на так называемый Аббатский тракт и долго ехали, петляя по унылой коричнево-серой местности среди вереска и колышимого ветром папоротника. Они понимали, что если граф вышлет погоню и начнет наводить какие-либо справки, то их могут выдать только корнуоллские пони. Стоило бы от них поскорее избавиться, но рачительный Метью отказался от предложения Риса сбить животных в ближайшей из усадеб. Нет, они это сделают в Экзетере, где живет много людей и трудно напасть на след, даже если посланцы графа начнут расспрашивать, откуда эти лошади.

– А как мы поступим с доспехами и оружием рыцаря? – спросил Метью. – Покойный госпитальер был прекрасно обмундирован, за такую кольчугу мы можем получить целое состояние. Но и с головой выдать себя. Ибо если корнуоллские пони в этих краях не диво, то такой выделки кольчужная рубашка, да еще меч и этот похожий на бочку закрытый шлем... Как с ними быть? Эй, Артур, ты слышишь, что я говорю, или опять грезишь о саксонке?

Артур не отвечал. У него на душе было так же серо и безрадостно, как и на окружающих их пустошах. Ни тепла, ни солнца... ни лучика надежды.

Правда, когда они подъехали к Экзетеру, столице Девонширского графства, погода несколько смягчилась. Беспросветные до самого горизонта облака развеялись, и город предстал перед ними в мягких отблесках заката. На фоне темных небес он казался почти багряным из-за выстроенных из местного красного песчаника зданий, а возвышавшийся над городом замок Ружмон со своими зубчатыми башнями и мощными красными стенами производил грозное впечатление. Это была первая нормандская цитадель, некогда возведенная в Англии Вильгельмом Завоевателем, который, как поговаривали, сам мерил шагами землю для обозначения ее размеров.

Когда путники подъехали к деревянному мосту через речку Эск, Метью отложил вожжи, предоставив лошадям самим тащить возок, и с удовольствием потянулся своим большим тучным телом.

– Ну вот, сейчас снимем флигель у той же вдовы, что и в прошлый раз, поужинаем, а затем обсудим, как быть. Хотя что там обсуждать: продадим пони и поедем в Херефорд, чтобы отчитаться и получить полагающуюся плату. Неплохо мы заработали, клянусь заповедями святого Бенедикта.

Метью всегда был очень расчетлив, оживал, когда дело касалось денег. Он растормошил не только Риса, но и Артура, говоря, что сон и отдых совсем не помешают нахохлившемуся, как сыч, парню.

Артур огляделся. Невдалеке от моста, в гавани, располагалось немало добротных судов. Это место называлось Уотергейт – водные ворота, откуда открывался доступ к пристани и заходившим с моря в реку Эск кораблям. После зимы там сейчас кипела работа, стелился дым от просмолки, сновали люди, слышался стук молотков. Несколько человек стояли на причале, обсуждая оснастку нового судна, и вид одного из них заставил Артура вздрогнуть. Этот мужчина, судя по всему, был судовладельцем, ибо выделялся среди окружаю-

щих своей богатой одеждой: опушенный светлой лисой плащ, расшитый капюшон, а сбоку свисал меч в бархатных ножнах с серебряной обкладкой. Явно из рыцарского сословия, но при этом невысокий, плотный, короткошей. Разговаривая, он повернулся, и стало видно его лицо – молодое, полное, с мягким, утопающим в пухлых щеках носом и маленькими глазками под рыжеватыми бровями. Он лишь скользнул взглядом по Артуру, проехавшему мимо него по мосту, но темноволосый незнакомец в дорожной накидке его не заинтересовал. А вот Артур не мог отвести от него глаз. В отличие от полного рыцаря он сразу узнал его и едва не закрипел зубами от досады. Эдмунд Этелинг, жених его Милдрэд. Тот, кому она сказала «да», чтобы Артура не предали казни.

Они уже расплатились у городских ворот и собирались проехать, когда Артур спешился и бросил приятелям повод лошади, сообщив, что придет позже. Сам же, пройдя вдоль берега и свернув к причалам Уотергейта, стал наблюдать за Этелингом. Пока его не отвлек подкативший к нему на тележке безногий калека.

– Подайте Христа ради, добрый юноша! Если Господь явил вам свое милосердие, не откажите в милости и обездоленному калеке.

Артур скосил на него глаза. После многолетних войн в Англии было немало таких бедолаг, пострадавших в стычках вельмож. Этот же чем-то неуловимо походил на бывшего солдата: что-то в его выступающем подбородке, сердитых глазах и худых, но все еще широких плечах указывало на то, что некогда и он хотел поправить свои дела в набегах и разорении, но, видать, не повезло. Что ж, бывает.

– За кого ты воевал, приятель? – спросил Артур.

– За императрицу. Но она далеко, а я вот теперь побираюсь. Так как, добрый господин, есть у вас милосердие?

– И ты с тех пор подвизаешься тут, в Экзетере?

– А куда еще мне было податься? Тут немало сторонников императрицы, мне здесь сочувствуют и прикармливают.

– А этот господин, – Артур указал в сторону Эдмунда, – он тоже сторонник Анжу?

– Этот? О, этот сражался как раз за Стефана. Даже не за него, а за принца Юстаса. Небось знаете, сколько саксов встало на сторону королевского сына, когда он пообещал им привилегии, как у норманнов. Однако, мой добрый господин, – хитро прищурился калека, – я со вчерашнего дня не имел во рту ни крошки, а вы тут со своими расспросами... и никакого милосердия!

Артур усмехнулся.

– Ладно, приятель, я сам сражался отнюдь не за Стефана Блуаского. Так что... если ты не против откусать со мной, а заодно потешить меня новостями, то... Где тут неподалеку корчма?

Таковая оказалась поблизости. Заведение было грязным, дымным и продуваемым всеми ветрами, но из окошка виднелись причалы и стоявший там Этелинг. Жених Милдрэд... или уже муж? Артуру надо было это выяснить.

Довольный кормежкой калека с готовностью поведал, что Эдмунд Этелинг – один из самых богатых и именитых людей в округе, даже местные нормандские бароны вынуждены считаться с ним. Ведь в Этелинге течет кровь прежних саксонских королей, к тому же он весьма возвысился в прошлогоднюю военную кампанию. Мог бы и дальше служить принцу Юстасу, но по натуре он человек мягкий, скромный и невоинственный. Он сам ведет хозяйство, не нанимая управляющего, поэтому вернулся в Девоншир, разводит тут своих свиней, пасет овец, торгует шерстью, а еще неплохой доход Этелингу приносят его оловянные рудники, и он даже вывозит олово в Нормандию. Так что человек он небедный и вполне может позволить себе отправиться на большой турнир, который состоится в июне в Лондоне. Об этом турнире сейчас много говорят, ведь известно, что король устраивает его по слу-

чаю бракосочетания своего младшего сына Вильгельма с юной Изабеллой де Варен. Однако и Этелинг тоже собирается сыграть в Лондоне свадьбу. Тан не скрывает, что его избранница из Денло¹¹, дочь одного из тамошних баронов, и они должны обвенчаться сразу по окончании рыцарских игрищ.

Артур выставил говорливому калеке еще кувшинчик пива и вышел. Теперь он знал, что Милдрэд все еще держится своего обещания и сумела уговорить отца отложить свадьбу почти на полгода. А что смог сделать за это время Артур? Ничего. Зачем же он так настаивал, раз не смог справиться? И все, что он может, это явиться к отцу Милдрэд и заявить, что тот сделает свою дочь несчастной, если разлучит их. Какое нелепое требование, какая самонадеянность! Благородный Эдгар Гронвудский, должно быть, просто рассмеется ему в лицо!

Погруженный в свои горькие мысли, Артур отправился в дом, где должны были остановиться его приятели.

– Долгонько же тебя не было, – сказал Рис, открывая дверь небольшого флигеля под самой городской стеной. – А тут Метью едва не поколотил меня, когда я намекнул, что знаю, что в том проклятом документе.

Разумеется, Рис не удержался и поведал монаху о том, что сделал Артур. И теперь Метью, сидевший на низком табурете, словно нахохлившийся филин, тут же стал порываться на Артура, что тот согрешил, раз осмелился обокрасть умирающего рыцаря.

Юноша молча протянул ему футляр с посланием.

– На, сожги и успокойся.

– И ты не побоялся бродить с ним по Экзетеру? Да любой воришка мог его у тебя стянуть, и тогда бы наши головы не стоили и ломаного пенса!

Метью был просто не в духе и поэтому решил, что его приятеля так уж легко облапошить. Артур ничего не сказал монаху, молча растянулся на лежанке под бревенчатой стеной. Сейчас их с Милдрэд будущее было для него важнее целого королевства. Да и Метью он неплохо знал; тот, получив футляр с документом, долго вертел его в руках, но все же не стал жечь, бормотал что-то сокрушенно. Артура его негромкое бормотание усыпило не хуже маковой настойки.

Ему приснилась Милдрэд. Она была такой, как в их последнюю встречу: в светлом свободном одеянии, с распущенными по плечам волосами, отливающими лунным светом. Ее прозрачные глаза ярко блестели. Она смотрела из окна высокого дома, но вдруг неожиданно оказалась рядом и спросила:

– Ты стал рыцарем? Мы сможем быть вместе?

– Да, моя прекрасная леди.

Судя по всему, это было сказано Артуром, хотя он понимал, что молчит, что уста его будто облиты свинцом и он не может их разомкнуть.

А Милдрэд словно прошла сквозь него. Вот только что она стояла перед ним, а теперь уже в стороне, и к ней приближается чей-то силуэт в черном. Миг – и они обнялись: девушка в светлом и темный рыцарь. Он не мог видеть лица этого рыцаря, ибо его полностью скрывал закрытый цилиндрический шлем. Артуру хотелось кинуться, вырвать ее из объятий незнакомца, но он лишь стоял и смотрел.

– Я рада, что ты это сделал, – услышал Артур голос Милдрэд, столь узнаваемый, что он предугадал даже ее легкий негромкий смех.

Да, она была счастлива и обнимала своего рыцаря в черном. Но Артур все же успел заметить, что у того на груди нашит большой белый крест. Госпитальер? Артур из Бретани... или как там его? Артур ле Бретон?

¹¹ Денло – земли на востоке Англии, некогда подвластные завоевателям-викингам, т. н. область датского права в IX–XI вв.

Юноша гневно окликнул его по имени. Как смеет этот орденский брат, этот рыцарь... уже умерший рыцарь! Как он смел обнимать его возлюбленную?

Артур бросился на крестоносца. Он так и не понял, куда пропала Милдрэд, и все бил и бил рыцаря. Но эти удары не нанесли тому никакого вреда. Тогда Артур решил снять с него шлем. Рыцарь не препятствовал, шлем легко снялся, и Артур увидел его лицо. Увидел себя! Себя в облачении госпитальера, себя, имевшего право обнимать Милдрэд Гронвудскую!

Юноша очнулся, сел на лежанке.

– Ты долго спал, – услышал он рядом голос Риса.

Рыжий валлиец что-то помешивал в котелке над огнем, дверь была открыта, и в домик врывались потоки яркого дневного света.

– Метью велел не трогать тебя. А сам он отправился продавать корнуоллских пони.

Артур молча взял у него черпак, окунул его в котелок и попробовал бобовую похлебку. Слушал Риса, говорившего о том, что с продажей доспехов госпитальера пока лучше повременить.

– Такое тут будет в диковинку, привлечет внимание. Погляди-ка, Артур! – Рис откинул покрывало на соседней лежанке. – Я с самого утра протирал их, пронизывал в колечки шерстяную нить и полировал. Мало что мне доставляло такое удовольствие, как эта работа! Смотри, еще и полдела не сделано, а как кольчуга сияет!

Артур приблизился, просунул руки под спаянный из мелких двойных колечек доспех, приподнял. Кольчуга была великолепна! Мягкая, как ткань, переливающаяся, она напоминала чешую дракона. Неудивительно, что Артур ле Бретон продержался в ней так долго, хотя его рубили тесакми и кололи копьями.

Словно зачарованный, Артур потянулся к мечу. Меч! Оружие и знак рыцаря. Он легко выскользнул из ножен простой черной кожи, едва Артур взялся за крестообразную рукоять. Меч был длинный, атласно-серый, с широким бороздчатым клинком. Оценил Артур и рукоять, безо всяких украшений, но обтянутую кожей акулы, шероховатую и не позволявшую скользить в руке. Еще был пояс из наборных, украшенных черненой эмалью пластин, а также шлем, полностью закрытый, вороненой стали, с узкими, с обводкой из бронзы прорезями для глаз и множеством отверстий для дыхания в нижней его части.

Артур никогда еще так внимательно не разглядывал вооружение, причем был удивлен тем, что во сне видел его точно таким же, даже этот шлем он уже держал в руках... И под ним было его лицо. Не знак ли это?

К кольчуге прилагались кольчужные чулки. В них обычно затягивали ногу и сзади завязывали на множество прочных шнурков. Сейчас чулок был разложен полностью, и когда Артур приладил его к своей ноге и попытался завязать, даже Рис заметил, что он ему как раз впору. Да, Артур был такого же роста, что и погибший крестоносец, почти такой же комплекции... и звали его так же – Артур.

Заинтересованный Рис стал помогать приятно облачаться и даже присвистнул, когда и кольчуга тоже оказалась Артуру впору, да и выглядел он в доспехах крестоносца так, словно те были предназначены именно для него.

Тут на пороге появился Метью. Увидев, чем заняты его друзья, он резко захлопнул дверь.

– Похоже, корнуоллские ветры совсем выветрили ум из ваших голов! – Он постучал себя кулаком по лбу. – Я только и думаю, как избавить нас от малейших подозрений, а они тут играть в ряженных затеяли.

Но отведав бобовой похлебки и пива, Метью успокоился. Он был доволен, что удалось выгодно сбыть лошадей, закупить продуктов в дорогу и что теперь они могли ехать без остановок до самого Херефорда.

– А что ты сделал с документом? – спросил Артур, с явным сожалением снимая и упаковывая в суму доспехи госпитальера.

Монах молча жевал. Значит, ничего не сделал, понял Артур. К тому же Метью сейчас куда больше интересовало другое: стоит ли им сообщать отправившему их с заданием Херефорду о событиях в корнуоллских пустошах?

– Ничего не надо сообщать! – сразу же ответил Артур. – Мы отвезли послание и больше ни о чем не ведаем. Однако... Было бы неплохо выяснить, что наш лорд знает про этого госпитальера ле Бретона. Знаком ли с ним, видел ли его, да и вообще, с кем встречался посланец императрицы, кто о нем слышал? Для меня очень важно разобраться в этом.

– С какой стати? – спросил монах.

И тогда Артур поделился с приятелями своим планом. Если в Англии мало кто знает посланца императрицы... то, может, Артуру имеет смысл выдать себя за этого рыцаря-крестоносца и под его именем предстать перед родителями Милдрэд? Ведь это его шанс: если он явится как опоясанный рыцарь, он получит право просить ее руки, ибо станет ей ровней!

– Ты обезумел! – воскликнул Метью.

Однако Артур не унимался. Ле Бретон – это всего лишь прозвище. Никто не знает настоящего имени госпитальера, следовательно, его не станут искать. А он, Артур, под личиной иоаннита вполне может появиться в Лондоне.

Артур говорил горячо и убедительно, и в итоге Метью решил, что план не так уж плох. Он задумался, а потом сказал:

– Вот что, парень, ле Бретона действительно мало кто знает, а те, кто с ним встречался, скорее предпочтут сделать вид, будто не ведают о таком. Больше я ничего не могу добавить, дабы не нарушать таинства исповеди, однако то, что вряд ли кому-нибудь взбредет в голову оспаривать, что ты не Артур ле Бретон, верно. Меня смущает иное: если известные нам английские храмовники не имеют права вступать в брак, то разве это допустимо в ордене Святого Иоанна?

– Нет. Но я могу выйти из ордена. И тогда брак с Милдрэд не будет для меня чем-то невозможным.

Метью опять погрузился в размышления. Он сидел, склонившись над очагом, широко расставив колени, и по привычке перебирал деревянные четки.

– А ты что, без саксонки совсем не можешь?

Артур не ответил, а Рис за его спиной жестом показал Метью, что даже спрашивать не стоит о таком. И монах сокрушенно вздохнул.

– Что ж, рискни. Но вот тебе совет: езжай в Уэльс к своему другу Гаю де Шамперу. Он хоть и объявлен в Англии вне закона, но, будучи опоясанным рыцарем, лучше нас разбирается во всех тонкостях рыцарских положений и сможет тебе помочь. Ну а мы с Рисом поедem к графу Херефордскому и отчитаемся перед ним.

Артур благодарно пожал Метью плечо. А тот вдруг сказал:

– Только, ради Бога, заberi у меня этот треклятый документ, он словно жжет меня.

Путь в Уэльс занял у Артура не более недели, но по дороге он все же решил наведаться в Шрусбери. Была у него надежда, что мать Бенедикта уже вернулась, и он хотел с ней посоветоваться. Однако настоятельницы по-прежнему не оказалось на месте, и это озадачило юношу. К тому же мать Бенедикта, в миру Риган де Шампер, приходилась родной сестрой Черному Волку и могла поведать Артуру, где его искать. Но с этой проблемой он справился и сам: в прошлом году Гай де Шампер женился на принцессе Гвенллиан, дочери правителя кантрефа Поуис¹², и, как узнал юноша, ныне проживал с молодой женой в соб-

¹² Кантреф – территориальный округ в Уэльсе, равный сотне поселений; Поуис – приграничная к Англии валлийская

ственной усадьбе близ городка Пул. Артур хорошо знал те места и прибыл в имение Черного Волка еще засветло.

Усадьба располагалась в лесистой местности, на берегу реки Северн – самой длинной английской реки, берущей начало в горах Уэльса. Чтобы подъехать к ней, надо было миновать перекинутый через реку деревянный мост. Уже на переправе Артур заметил людей Гая, помахал им, но был несколько озадачен, когда они, прекратив работу, с каким-то особым интересом уставились на него и стали перешептываться. Когда же он въехал в широкие ворота усадьбы, его поразила необычная тишина. Ни привычного оживления, ни снующих во дворе слуг. Тихо.

Широкая лестница вела на второй этаж большого господского дома. Это было внушительное, по местным меркам, строение с огибавшей дом галереей на резных подпорах, с высокой дерновой кровлей и расположенными поодаль хозяйственными службами. Богатое поместье для Уэльса, но женатый на дочери Мадога Гай мог позволить себе такое, и именно тут он собирался продолжить свой род, ибо, пока Англией правил король Стефан, у объявленного вне закона Черного Волка не было надежды на возвращение. От настоятельности Бенедикты Артур знал, что леди Гвенллиан еще в начале этого года родила Гаю сына. Причем аббатиса сокрушалась по этому поводу, так как по одной известной ей причине вбила себе в голову, что ее любимец Артур – сын Гая. Когда Артур рос, ему нравилось слушать эти речи, представляя, что он и есть родной сын прославленного разбойника. Но когда позже он познакомился с самим Черным Волком, когда влюбился в него со всей подростковой верой, что это его отец, Гай мягко пояснил: такое невозможно. Его не было в Англии, когда Артур родился и был подброшен под двери шрусберийской обители.

И все же они были очень похожи внешне, и, когда мужчина и юноша сблизились и подружились, многие стали поговаривать, что эти двое – отец и сын. В итоге однажды сэр Гай довольно резко заметил парню, чтобы тот не бахвалился их родством, ибо он считает, что они чужие, и не желает, чтобы безвестный подкидыш навязывался им с Бенедиктой в родню.

Это было больно. И все же Артур продолжал любить и почитать этого человека. И когда однажды Черный Волк попал в беду, он, не задумываясь, пришел ему на выручку и спас от предстоящей казни. С тех пор Гай де Шампер был его должником. Именно на это и рассчитывал Артур, приехав сюда и надеясь, что Черный Волк не посмеет ему отказать.

И вот он тут, а вокруг пустота, лишь где-то на заднем дворе, в кузне, раздаются удары молота, в земле роются куры да старый слуга разгребает вилами навоз у ворот конюшни.

– Куда все подевались, Ианто? – обратился к нему Артур на валлийском.

– Хозяин на выпасах, объезжает лошадей, а леди Гвенллиан...

Тут старик умолк, потому что в галерее появилась сама госпожа. Артур, завидев ее, сразу заулыбался, но улыбка застыла на губах, когда он заметил, что Гвенллиан в трауре. Да и смотрела она на него с явной неприязнью и, едва юноша двинулся к ней, вопреки всем законам валлийского гостеприимства резко отвернулась и ушла в дом.

– Не удивляйся ее грубости, Артур, – пробормотал старый Ианто. – Пару седмиц назад умер маленький Мадог ап Гай, и господа тяжело переживают его кончину.

– Сын Гая умер? Бедный малыш...

Ианто сокрушенно потряс слипшимися лохмами.

– И то горе. Леди Гвенллиан рожала тяжело, едва сама не преставилась, а повитуха еще сказала, что вряд ли у них с Гаем будут еще дети.

Артур помрачнел. За что же Небо так немилосердно к его другу Гаю? Всю жизнь он был волком-одиночкой, и вот наконец у него все устроилось. Но теперь...

земля. В описываемый период там правил валлийский принц Мадог ап Меридид (?–1160).

А старый слуга вдруг добавил:

– Все тогда говорили, что хорошо, что у него хоть ты есть. Ну... многие ведь так думают.

Артур смолчал. Теперь ему стал понятен интерес челяди к его приезду, да и Гвенллиан наверняка решила, что бастард ее мужа прибыл требовать своей доли наследства. Ведь в Уэльсе при отсутствии законных сыновей наследство можно оставить незаконнорожденному отпрыску.

И как теперь Артуру являться к Гаю? Но черт побери! Если у Гая свои проблемы, то у Артура свои! Так что пусть выслушает его, что бы там ни болтали за их спиной.

Даже не перекусив, Артур отправился на выпасы. Он еще издали увидел Гая. Тот объезжал крепкого каурого двухлетку. И хотя диковатый жеребчик рвался и брыкался, Гай сидел на нем цепко, рвал ему мундштуком рот, натягивая поводья, сжимал потные бока сильными коленями.

Артур забрался на изгородь загона и издали наблюдал за Черным Волком. Тот, в одной пропотевшей рубаше, растрепанный, с налетом темной щетины на щеках, но сильный, ловкий, уверенный, был поистине воплощением силы. И хотя в его упрямых попытках покорить строптивое животное чувствовалось стремление отвлечься от горя, Артур сам не заметил, как заулыбался. Черт побери, он был рад встрече с этим человеком!

Если глянуть со стороны, то было понятно, отчего люди говорили, что они родня: оба были гибкими, но широкоплечими, оба отличались высоким ростом, что выделяло их среди невысоких, коренастых валлийцев. В движениях Гая, как и у Артура, таилась некая животная грация, у обоих были длинные черные волосы, ровные темные брови и такие же темные глаза с густыми ресницами. Даже носы у них были похожи – правильной формы, прямые, с красиво очерченными ноздрами.

Гай давно заметил сидевшего на перекладине Артура, но никак не показал этого. И коня он оставил только после того, как тот, весь в мыле и поту, остановился и позволил своему новому господину спешиться, даже принял из его рук торопливо принесенную кем-то из слуг морковку.

– Поводи его шагом до захода солнца, не давай воды до полуночи, – приказал Гай своему подручному. И только после этого повернулся к Артуру.

Юноша прихватил переброшенную через изгородь овчинную накидку рыцаря и направился к нему.

– Возьми, а то вон какой ветер.

Гай молча оделся, не сводя с Артура глаз. А тот вдруг увидел, что горе оставило на рыцаре свой след: его лицо было осунувшимся, а под глазами залегли тени. Обычно очень аккуратный, всегда следивший за своей внешностью, Гай сейчас даже не поправил растрепавшиеся волосы, в которых Артур с болью заметил несколько длинных седых прядей.

– Сочувствую твоему горю, – негромко произнес Артур и пожал Гаю плечо.

Они всегда держались приветливо, без церемоний, и Гай ответил крепким пожатием. Затем он развернулся и пошел прочь. Артур двинулся за ним следом.

– Нам надо поговорить, сэр.

– Так срочно?

– Да. Стал бы я вас иначе тревожить.

Они устроились на склоне холма, среди лилового вереска. Неподалеку от них, внизу, шумел между каменных осыпей ручей, и под его звонкое журчание Артур поведал Гаю все. И про то, как Милдрэд Гронвудская отказалась от брака с Херефордом и умолила Артура увезти ее из замка графа. И что у Артура появилась возможность возвыситься, и что Милдрэд сама подсказала ему этот путь в надежде, что однажды они станут ровней и она сможет представить Артура родителям как своего избранника. Да, они полюбили друг друга,

это была чистая любовь, и Артур всеми силами старался стать достойным своей леди. У них даже появился шанс, когда Артур стал приближенным Генриха Плантагенета, но все изменилось, едва тот уехал из Англии. А Милдрэд вынуждена была обручиться с богатым таном из Девоншира. Да, она стала его невестой... но не женой! Она пообещала отложить венчание и сдержала слово. Но в начале этого лета в Лондоне состоится большой турнир, куда приедет и Милдрэд с родителями, и ее жених Эдмунд Этелинг. И если Артур к тому времени ничего не добьется, если останется человеком без роду-племени, то Милдрэд уже не сможет оттягивать венчание.

– Она будет несчастна в этом браке, поймите, – втолковывал юноша, заметив, что Гай сидит с безразличным видом, и мелькание форели в ручье между камней интересует его куда больше, чем то, о чем говорил Артур.

Но оказалось, что Гай все понял.

– Я сочувствую твоей несчастной любви, парень. Но добиваться женщины, которая гораздо выше тебя по положению, не самая выигрышная затея. Уж поверь мне. А все твои попытки возвыситься при Плантагенете, конечно, заслуживают уважения, однако ты не на того поставил. Этот Анжуйский клан... Матильда, ее сынок Генрих... Они видят только свою цель, им нет дела до простых смертных вроде нас с тобой. Говоришь, юный Плантагенет обещал сделать тебя рыцарем? Так что же ты хочешь от меня? Езжай к нему, добивайся с ним встречи, умоляй, выслуживайся.

– Я пробовал, но...

И Артур рассказал все, что с ним приключилось. И постепенно перешел к тому, чему он стал свидетелем в Корнуолле.

Теперь Гай слушал внимательно.

– Госпитальер. Хм... Они хорошо зарекомендовали себя в Святой земле, знаю, что в Италии и Испании они пользуются известной репутацией и их уважают не меньше, чем храмовников. Да и во Франции они добились ощутимого влияния. И это не очень нравится тамплиерам, которые видят в возвышении еще одного ордена своих соперников. Между этими двумя орденами немало противоречий, и думаю, что, прибыв в Англию, этот твой тезка из Бретани весьма рисковал. Но, с другой стороны, попадись рыцарь-иоаннит людям короля Стефана, его вряд ли бы осмелились задержать или обыскать. Говоришь, его направила императрица?

– Да, так он сказал перед смертью.

Гай потер запястьем скулу, усмехнулся.

– Она всегда была разумницей, эта рыжая Матильда. И даже глупости совершала с блеском. По сути, ей было плевать на своего поручителя и его судьбу. Но если он должен был что-то передать ей... Ты не знаешь, о чем речь?

Артур поколебался минуту, а потом протянул рыцарю футляр со свитком.

И Гай, ознакомившись с его содержанием, впервые вышел из своего отрешенного состояния. Он был поражен и взволнован. И тогда Артур решился спросить:

– Могу ли я рассчитывать на рыцарские шпоры, если доставлю это послание вместо госпитальера? Или же наоборот: я отвезу это послание королю и потребую награды за то, что перехватил донесение у вражеского лазутчика.

– Нет у тебя никакой чести, мальчишка! – вспыхнул Гай. Он поднялся, посмотрел сверху вниз на Артура, и в глазах его загорелся огонь. – Ты – ничтожество и плут. Мне горько, что я много лет считал тебя другом, если ты в угоду своим корыстным целям готов погубить столько людей!

– Высокородных людей! – тоже перешел на крик Артур. – Ах, ах, блистательные лорды, лучшая кровь Англии! Вельможи, которые по своей воле созывают войска, а потом без зазрения совести бросают своих людей на произвол судьбы. Сколько бродяг сейчас в Англии?

Сколько оставшихся без надзора наемников? Сколько калек клянчат ныне подаяние, а их бывшие господа даже не хотят о них знать. Ах, какое благородство! Я готов описаться от уважения к этим неподражаемым милордам.

Гай внимательно слушал его, потом опять сел, плотнее запахнул овчинную накидку.

– Не все так просто, Артур. Каждый лорд – правитель в своей земле, за каждым стоят подчиненные, о которых он должен заботиться. И если Стефан не справляется, то лорды имеют право выступить за более достойного претендента.

– Вашими устами да мед пить, сэр Гай. Выходит, все они настоящие благодетели, которые только и делают, что думают о благе подданных?

– В чем-то именно так. Но с другой стороны... мы живем под их властью. И если не хотим на них равняться, то должны заботиться о себе сами.

– Этого я и хочу – позаботиться о себе и своей судьбе. Поэтому... Отдайте мне письмо! – Он резко вырвал его из рук Гая и, свернув, спрятал в футляр. – Либо я постараюсь получить за этот список награду от того, кто согласится принять мои условия, либо...

– Либо тебя просто прикончат, чтобы не путался под ногами, а твоя милая вынуждена будет стать женой иного. И если мое слово для тебя хоть что-то значит, откажись от этого плана. Ради Бога, парень, неужели нет ничего лучше, чем так рисковать собой?

– Есть, – тихо отозвался юноша.

Он все еще не решался сказать Гаю, что готов выдать себя за другого и предстать перед Милдрэд и ее родней.

– Говори, – сказал Черный Волк, видя, как у Артура заблестели глаза, как он побледнел и нервно откинул с лица пряди растрепанных ветром волос. – Говори, малыш, раз уж у тебя на душе наболело.

Его интонация теперь изменилась, в голосе чувствовалось участие. Но лучше бы Гай по-прежнему оставался холоден, тогда Артуру легче было бы рассказать о жульничестве, которое он задумал ради прекрасных глаз саксонки.

Видя его замешательство, Гай заговорил первым:

– Некогда я тоже хотел возвыситься, быстро и сразу. У меня была надежда, что императрица Матильда вспомнит о моей службе у нее, вспомнит, что я был одним из ее приближенных рыцарей, даже принимал ее сторону во время их ссор с супругом Жоффруа Анжуйским. В итоге по его приказу я был изгнан, за мою голову назначили награду и я оставил императрицу. А когда узнал, что она начала войну за свои права в Англии... О, как мне хотелось поскакать к ней, преклонить колена у ее ног... Но так просто я не мог этого сделать. Матильда была владычицей и воительницей, у нее было воинство, ее преданные лорды, а я... Ведь ей наверняка было известно, что я скрываюсь в Уэльсе и стал, по сути, разбойником... и нищим. Увы, с такой славой не явишься к наследнице английской короны. Приняв меня, она бы только повредила своей репутации. И я решил примкнуть к ее войскам только после того, как они двинулись на Линкольн. Ты ведь слышан о тех событиях? И знаешь, что туда пошли валлийцы из Поуиса во главе с принцем Мадогом. С ними был и я со своим собственным отрядом. И хотя битва тогда окончилась победой, даже Стефан Блуаский оказался в плену, но...

Гай умолк и опустил голову. Налетевший порыв ветра растрепал его темные, с проседью волосы, взволновал мех накидки.

– Я знаю, – негромко произнес Артур. – Все рассказывали, что валлийцы тогда вышли из повиновения.

– Не то слово! – вскинулся Гай. – Они учинили в захваченном Линкольне настоящую резню. Никто, в том числе и я, не мог совладать с этой бандой распоясавшихся в своей вседозволенности дикарей. После того, что произошло, я не посмел явиться к Матильде. Поэтому я уехал. Решил, что, видимо, нам не суждено больше встретиться. Однако потом

моя госпожа Матильда попала в беду. Это было через год по истечении событий в Линкольне. К тому времени короля уже освободили из плена и он жаждал реванша, поэтому смог осадить императрицу в Оксфорде, где она, будучи отрезана от своих союзников, уже ни от кого не ждала помощи. Вот тогда-то я помчался к ней. Хотел ли я возвыситься? Скажем так: и это тоже. Но главное для меня было выручить из беды лучшую даму на свете! И я пробрался сквозь лагерь осаждавших, проник в башню, представился ее людям и попросил отвести меня к Матильде. А она... Она была мне рада, клянусь честью! Я же был счастлив вновь увидеть свою госпожу. Очень счастлив... Я на все был готов ради нее. В тот год была лютая снежная зима, осаждающие на таком холоде не очень хорошо себя чувствовали и не очень следили за Оксфордским замком, где с толикой верных людей засела императрица. Поэтому я предложил Матильде и ее охранникам дерзкий, но выполнимый план: облачиться в белые одежды и темной безлунной ночью спуститься по веревке из башни. Скажи мне, парень, много ли ты знаешь женщин, способных на такое?

Артур слегка улыбнулся. Глаза его стали мечтательными... Грозовая ночь, шквалы обрушивающейся с небес воды, и они с Милдрэд спускаются по веревке со стены замка Форгейт в Шрусбери.

– Ну, кое-кого и я знаю.

Однако Гай не заметил, как он произнес это, ибо сам был во власти воспоминаний. Да, он все помнил: безлунную ночь, мороз и снег, а он с императрицей и парой ее людей спускаются по веревке на лед, покрывший замерзшую Темзу. Вокруг был мрак, но не плотный, а такой, какой бывает среди снега, когда все кажется призрачным и нечетким. И Гай провел Матильду через лагерь неприятеля, накрыв ее своим белым плащом, они прошли мимо палаток ее врагов, миновали охранников, не слишком внимательных и коротающих время, греясь подле разведенных костров. У дальней рощи беглецов ожидали люди Гая с лошадьми. Матильда сразу решила, куда они направятся: в Уоллингфорд, огромную крепость на Темзе, расположенную всего в десяти милях от Оксфорда. Гаю тогда это казалось разумным: Уоллингфорд – неприступная цитадель, в которой распоряжается верный сторонник императрицы Брайан Фиц Каунт.

Но то, что для самого Гая это решение было ошибкой, он понял, когда они въехали во двор Уоллингфорда и императрица прямо с коня рухнула в объятия Брайана Фиц Каунта. Они стали целоваться. А сэр Гай стоял и смотрел на них, не в силах вымолвить ни слова...

– А чего вы ожидали, сэр? – иронично заметил Артур. – Слухи, что между Матильдой и этим Брайаном из Уоллингфорда что-то есть, ходили давно. Я был тогда ребенком, но помню те разговоры. А что? Муж ее далеко, он оставил ее на произвол судьбы, а сэр Брайан – один из ее самых верных сторонников. Уж не рассчитывали же вы, что леди Матильда влюбится в вас из одной только благодарности? Но она хоть отблагодарила вас? Эй, Волк? Вы слышите меня?

Он спросил, потому что Гай сидел с каким-то отрешенным видом, но когда Артур повторил вопрос, все же заставил себя ответить. Благодарность Матильды? Да, конечно же. Правда, когда она вспомнила о Гае, тот был уже далеко. Ибо он уехал из Уоллингфорда сразу, как только доставил туда императрицу. Возможно, это было неразумно, поскольку в награду за спасение он вновь был бы принят ко двору, влился бы в английское рыцарство и его разбойное прошлое было бы забыто. Но он ускакал и даже после того, как его догнали люди Матильды и стали просить вернуться, отказался. А Матильда, которая будто знала, что он не вернется, велела передать ему кошель с монетами. Правда, монеты те были не бог весть какими. Артур припомнил, как Гай передавал их ему, когда он сопровождал леди Милдрэд.

– Странно все это, – задумчиво пробормотал Артур. – Вы говорили об императрице как о даме сердца. Да вы плут, сэр, раз возмечтали о самой Матильде Анжуйской!

Гай поднялся и пошел прочь. И когда Артур догнал его, снова заговорил о том, что он решительно не советует Артуру ввязываться в интриги с этим документом. Лучше свиток вообще уничтожить или спрятать подальше и забыть о нем.

– Хорошо, я так и поступлю. Более того, я отдам вам его на хранение. Годится? И за это... Сэр, не могли бы вы меня обучить рыцарскому бою, чтобы я смог принять участие в лондонском турнире и подняться до звания опоясанного рыцаря?

– Ну вот! – Гай резко повернулся к нему. – Один план лучше другого. Мальчик мой, опомнись! На турнирах не добиваются рыцарского звания. На турнир прибывают уже опоясанные рыцари.

– Вот я и хотел выдать себя за одного из них.

И Артур поведал о своем плане. Ведь они сохранили доспехи похороненного ими госпитальера, а у сэра Гая есть некогда подаренный Артуру конь. И вот теперь, когда у него есть оружие и лошадь, не мог бы Гай обучить Артура премудростям конного боя, чтобы он мог сражаться наравне с иными рыцарями. Да, он намерен под именем Артура ле Бретона явиться на лондонский турнир, выступить там, и, когда Милдрэд представит его своим родителям, у тех даже подозрения не возникнет, что он простолюдин и не достоин их дочери.

– Ты говоришь глупости, парень, – жестко оборвал его Гай.

Он остановился на вершине холма, тяжело дыша после крутого подъема.

– Ты хочешь развлечься и покрасоваться на турнире перед своей леди, но учти, на турнирах есть герольды, которые строго отслеживают участников поединков, к ним не допускают никого из простолюдинов, а знатность рыцарей требует подтверждения и обсуждения. И если откроется, что ты самозванец, тебя ждут прилюдная порка, колодки и глумление толпы. Как после такого ты взглянешь в глаза леди Милдрэд? К тому же... Да ты и жизни лишиться можешь!

– Да что мне моя жизнь!.. Без нее...

Гай замолчал и посмотрел на Артура, лицо которого заливала бледность. И столько муки было в глазах парня, столько надежды и одновременно столько отчаяния, что Гай не вынес его взора. Он вдруг шагнул к нему и прижал к себе, похлопав по плечу. В другое время Артур растерялся бы, но сейчас ему было все равно. Если Гай ему не поможет, то что значит вся их долгая дружба?

Он резко вырвался из объятий рыцаря.

Когда они вернулись в усадьбу, лицо леди Гвенллиан исказилось от гнева. Но Гай ее понимал: потеря ребенка, горькое предсказание, что она больше не сможет иметь детей, да еще все эти слухи, что Артур его внебрачный сын. Однако Гай никогда не считал Артура сыном и об этом же сказал жене, когда она стала выговаривать ему за Артура. Но она не унималась. Выпала, что все вокруг только и твердят, что этот бродяга прибыл как раз вовремя, чтобы его объявили наследником.

Одно ее немного утешало: Артур сидел в самом дальнем углу за деревянной подпорой, почти не обращая внимания на происходившее, и был молчалив и мрачен. Потом к нему пробрался старый Ианто, что-то сказал, и юноша удалился. Но не успела Гвенллиан обрадоваться, как тот вернулся вместе с Рисом и Метью. Ну вот, теперь опять вся эта троица в сборе, опять будут хлебать их овсянку, есть их хлеб. А прокормить такого, как Метью... да с десятков неприхотливых валлийцев едят меньше, чем этот прожорливый бродяга-монах.

Но Метью не только ел, но и сообщал последние новости. И новости были неожиданными: оказывается, большинство вчерашних противников Стефана вдруг пожелали с ним примириться и выразили желание отправиться в Лондон, дабы присутствовать на свадьбе принца Вильяма и поглядеть на рыцарские состязания.

– С чего бы это они вдруг все вместе пожелали изменить Плантагенету? – удивился Артур. – Что, даже Херефорд готов поехать в Лондон? Ведь он глава английской баронской оппозиции против короля.

– Я сказал только то, что сказал, – пережевывая кусок баранины, пробурчал Метью. – Когда мы с Рисом были в замке милорда, туда прибыл какой-то гонец, а уже вечером милорд Роджер Херефордский объявил, что готов пойти на мировую со Стефаном.

А тут еще и Рис вмешался:

– Скажи же ему, Метью! Ну да ладно, я сам. Дело в том, что на ливрее прибывшего к Херефорду гонца был герб графа Корнуолла. И после этого граф вызвал нас и спросил, не случилось ли чего-либо странного, когда мы были в тех краях. Ну, мы-то, понятное дело, только плечами пожимали, и нас оставили в покое.

– А еще Херефорд спрашивал, почему ты не явился, – добавил монах. – Ну а мы сослались, что у тебя свои дела есть.

Слушавший рядом Гай положил руку на плечо юноши.

– Вот видишь, Артур, как опасно вмешиваться в дела сильных мира сего. Сегодня они готовы на одно, завтра – уже на другое. Это называется политика. И если этот Артур ле Бретон в чем-то замешан...

– Конечно, замешан, – подал голос Метью и вытер блестящие от жира губы. – Мы узнали кое о чем, когда подпоили брата Херефорда, молодого Вальтера Фиц Миля. И он сказал, что этот госпитальер ездил по замкам, встречался с лордами и церковниками, о чем-то с ними говорил, но... его лица никто не видел. Рыцарь действовал очень осторожно, видимо, он ловкий парень, клянусь бородой Христовой!

– Но если его толком никто не знает... то что помешает мне явиться под его личиной?

– Забудь! – резко произнес Гай.

Артур повернулся к нему, глаза его блестели.

– Ну уж нет! Да и необязательно мне на весь Лондон кричать, что я и есть Артур ле Бретон. Я представлюсь просто госпитальером, и даже герольды не посмеют считать меня недостойным участия в рыцарских состязаниях, ибо в сей орден принимают только людей из благородных семейств. А имя... Да будет вам известно, что я недавно был во Франции и узнал, насколько там популярно нынче являться на турниры инкогнито. О, сэр, взгляните, какое вооружение мне досталось от погибшего рыцаря! – Он достал мешок с вооружением крестоносца. – Вы только посмотрите, какой отменный шлем! И весь закрытый. Кто узнает меня под этим стальным горшком?

– Это не горшок, – строго произнес Гай. – Подобный шлем называют топхельм – великий шлем. Их изобрели в Палестине, ибо они хорошо защищают от стрел из лука и арбалета, с какими имеют привычку внезапно нападать на христиан сарацины. Но сейчас подобные шлемы стали носить и у нас. Да, для турнира такой шлем был бы великолепен...

– Вот видите! – Артур сверкнул глазами, уже предвкушая, что Гай готов поддержать его задумку.

Но лицо рыцаря будто окаменело.

Огонь в глазах Артура медленно погас. И он лишь криво усмехнулся, когда Гай заявил, что не станет ему помогать уже потому, что не намерен потворствовать лжи, так как основной целью этого бродяги было ложным путем заполучить у его друзей из Гронвуда их единственную дочь.

– Если Милдрэд не будет против, вам-то что?

– А если будет?

Артур с силой отбросил топхельм в сторону, едва не задев бродившую между столами курицу, и та с кудяхтаньем бросилась прочь, развеселив возившихся по хозяйству домочадцев. Они не знали нормандской речи, на какой велась беседа господина и этих троих, хотя

и поняли, что те решают что-то серьезное. Уж Гвенллиан не сомневалась, что Артур убеждает ее мужа выделить ему наследство. Но и она не отказала себе в удовольствии разглядеть необычный шлем, вокруг которого собрались челядинцы. Они оттирали блестящий металл от куриного помета, в котором тот измазался, пока катился по полу.

Артур же смотрел на Гая, и глаза его вновь горели.

– Мои отношения с Милдрэд – моя забота, сэр! Ваше дело – поддержать меня. И вы... вы – мой должник, Волк! Или вы забыли, как некогда я спас вас от казни? За все это время я ни разу не напомнил вам об этом, никогда ничего не просил. Теперь же прошу. Но... клянусь светлым именем Бога, если вы не проявите себя как друг... Я все равно поеду в Лондон. Не знаю, что меня там ждет без вашей помощи, но в одном я уверен: я больше никогда не назову вас своим другом и вы больше никогда меня не увидите.

Гай побледнел. Он и сам не ожидал, как больно ему станет от этих слов. Да и кто ему Артур? Никто. Но при мысли, что тот затаит обиду и они никогда не свидятся, Гаю показалось, что он может потерять кого-то бесконечно дорогого.

– Я подумаю, Артур. Дай мне время.

– Пару дней, не больше, сэр! – жестко процедил сквозь зубы Артур.

Гай никогда еще не видел его таким разъяренным.

Юноша резко повернулся, забрал у слуг шлем и быстро вышел из дома.

– Вот горячая голова! – молвил Рис, глядя ему вслед. – А вам бы, сэр, и впрямь стоило понять, что он не отступит и что только вы можете ему помочь. Да, Гро? – И валлиец потрепал по загривку своего маленького лохматого пса.

А через день в усадьбу Гая неожиданно прибыла аббатиса Бенедикта.

Рис как раз сидел на мосту над рекой и удил рыбу, когда дремавший подле него Гро вдруг встрепенулся, зашелся лаем, а потом, радостно поскуливая, помчался к приближающейся на муле аббатисе. Рис тоже поспешил навстречу, стал отвечать на вопросы. Да, они оба тут, и Гай, и Артур.

Правда, они увидели этих столь похожих мужчин, когда те, стоя у дверей конюшни, отчаянно ругались: Гай говорил, что хоть он, как и обещал, отдаст парню коня, Артур все равно никудышный наездник, а юноша уверял, что эти сведения давно устарели и на службе у Плантагенета он давно уже поднаторел в этой нехитрой науке. Причем юноша был в таком гневе, что даже отпихнул принявшегося скакать возле него пса.

– Отстань, Гро!

Но тут он обернулся и увидел Риса, ведущего под уздцы мула, на котором восседала аббатиса. Уставшая, в запыленной, помятой сутане, она так и просияла при взгляде на него и Гая. И хотя мужчины обрадовались ее приезду, они, будучи разгоряченными, просто молча смотрели, как она спешила и идет к ним неуверенной после долгой поездки верхом походкой и протягивает руки. Лицо ее при этом было одновременно и счастливым, и мокрым от поливших его слез.

– Артур, мальчик мой! Гай!.. Хвала Небесам! Как же я рада вас видеть. Вас обоих!.. Вместе!..

Им пришлось поддержать ее, ибо казалось, что Бенедикта вот-вот упадет. Она почти повисла на них, рыдая и повторяя их имена.

Как же это было непохоже на всегда сдержанную и достойную настоятельницу Бенедикту! Несмотря на свое плотное телосложение, небольшой рост и грубые черты лица, она всегда умела держаться с таким достоинством, что казалась внушительной. Теперь же она походила на простолюдинку, которая не стыдилась проявлять чувства при людях, висла на мужчинах и даже голосила, подвывая. Они пытались ее успокоить, о чем-то спросить, но она то прятала опухшее от слез лицо на груди брата, то кидалась на шею своему любимому воспитаннику.

– Да что случилось, ради всего святого? – Гай даже слегка потрянул сестру, заставляя ее опомниться.

Бенедикта подняла к нему лицо. Вся привлекательность их рода досталась именно ее брату Гаю, но у них были одинаково красивые глаза – темно-карие, почти черные, в обрамлении густых загнутых ресниц. Такие же глаза были и у Артура. И сейчас три пары почти одинаковых темных глаз по очереди смотрели друг на друга.

Наконец аббатиса сумела совладать с собой, вытерла краем черного монашеского покрывала глаза, поправила крест на белом апостольнике¹³.

– Все в порядке, мои дорогие. Просто я долго пробыла в пути, устала и все такое...

Она действительно выглядела утомленной. Гай отвел ее в дом, но Бенедикта стала поклевывать носом, уже когда ела овсянку. Ее уложили тут же, на лавке у стены, так как отдельные покои имелись только у хозяина усадьбы и его супруги. Но Бенедикту не тревожили шум и голоса в усадьбе, и она сладко проспала до самого вечера.

Артур большую часть дня провел возле коня; он оглядел его, проехался, а когда поставил в стойло и прошел в дом, то оказалось, что Черный Волк с Бенедиктой покинули усадьбу. На вопрос, где они, Гвенллиан сухо ответила, что брату и сестре понадобилось переговорить наедине и они ушли, ибо к вечеру с лугов и пастбищ в дом сошлось немало народа.

В зале дома действительно былолюдно и дымно от пылавших в очагах поленьев; гости ели, разговаривали, по рукам ходил мех с медовухой, слышался перезвон арфы. Все это раздражало Гвенллиан. Ее горе, боль утраты никого, похоже, не волновали. Даже Гай с приездом Артура как будто ожил. А теперь еще и сестрица его пожаловала. И они покинули усадьбу, несмотря на то что к вечеру пошел дождь.

Леди Гвенллиан послала за ними служанку, но та вскоре вернулась, сообщив, что хозяин и преподобная мать все еще стоят на мостике над рекой. Причем шепотом сообщила хозяйке, что выглядят они как-то странно: господин словно бы опечален, даже склонил голову на плечо аббатисы, а она его утешает.

Гвенллиан закусила губу, а потом зло окликнула проходившего мимо ее хозяйского места Артура.

– Эй, ты! Что, твоя покровительница явилась уговаривать моего мужа, чтобы он выступил на собрании кантрефа и огласил тебя наследником? Слетелись хищники: сначала ты, потом эта святоша. Ишь как нацелились на наше добро!

Артур помрачнел. Неужели это та самая милая хохотушка Гвенллиан, которая ранее радовалась его приездам, и они вместе так забавно шутили?

– У вас еще будут дети, миледи, верьте в это. К тому же у Гая, как вы знаете, есть две внебрачные дочери, которым явно что-то перепадет от его щедрот, как бы вы ни стремились удержать в своих маленьких ручках ваше богатство. Я же на него не претендую. И я не родня Гаю.

Но тут на пороге появился сам Черный Волк, подошел и вопреки тому, что только что сказал его юной супруге Артур, стремительно обнял юношу.

– Мой мальчик... Мой... Артур.

Растерявшийся Артур только глядел через его плечо на искаженное гневом лицо Гвенллиан. Она резко отвернулась и ушла наверх, где громко стукнула дверью.

Но Артур, пораженный видом Гая, уже забыл о ней. А тот смотрел на него, как никогда ранее. Лицо его было взволнованным, грудь бурно вздымалась, а глаза, казалось, ощупывали лицо юноши, будто он впервые как следует его разглядел, будто хотел изучить и навсегда запомнить. И при этом... Артур был потрясен, заметив, что всегда такие холодные глаза

¹³ Апостольник – часть монашеского облачения женщин; облегающий голову капюшон, соединенный с пелериной. Апостольник носился под головным покрывалом.

Гая блестели слезой. Невероятно, Черный Волк плакал! А за ним стояла его сестра, нервно теребила в руках четки и тоже заливалась слезами.

– Что происходит? Может, и мне есть повод заплакать?

Гай засмеялся сквозь слезы, сильно хлопнул Артура по плечу.

– Такой же, как всегда. Он ведь славный у нас, да, Риган?

Аббатиса шагнула вперед, достала из рукава какую-то вещицу, ярко блеснувшую в свете горевшего у входа факела, и Артур увидел крошечный, усеянный мелкими алмазами крестик. Медленно и как-то торжественно мать Бенедикта надела его на Артура.

– Носи его, мой милый, он твой. Он всегда был твоим, только я не решалась его тебе отдать.

– Кажется, я наконец повзрослел, раз мне доверили носить такую изысканную вещицу, – заметил Артур, разглядывая тонкую работу.

– Да, ты совсем взрослый, Артур, – как-то задумчиво произнес Гай. – Двадцать два года. По сути я мог бы и догадаться... О Господи, если ты хочешь наказать нас за грехи наши, то воистину делаешь слепыми, глухими и неразумными.

– Аминь, – озадаченно произнес Артур.

Гай серьезно смотрел на него и говорил негромко, причем непонятно было, обращается ли он к Артуру или к самому себе. Он сказал, что счастлив, что узнал Артура еще мальчишкой, что видел его проказы и шалости, наблюдал, как он растет, учится, счастлив, что они так много времени провели вместе. И что он сам учил этого мальчика – учил разбираться в людях, учил быть мужчиной, владеть оружием.

– Может, ты и конному бою меня обучишь? – напомнил Артур.

Черный Волк расхохотался – громко и счастливо. Челядинцы, дивясь, стали переглядываться, так как в последнее время видели своего господина понурым и замкнутым.

– Конечно, научу, парень! Кто же еще, если не я? И сделаю все, чтобы ты как можно скорее смог стать настоящим рыцарем. Слышишь меня? Мы добьемся с тобой рыцарского пояса. И уж никак не упустим твою прекрасную саксонку из Гронвуда.

Артур не верил своим ушам. Но все же постарался воспользоваться моментом, пока Черный Волк был настроен так благодушно, и спросил, когда они начнут обучение. Ведь до турнира осталось не так уж много времени.

Гай с улыбкой посмотрел на сестру.

– Что скажете, преподобная мать? Разве он вам кое-кого не напоминает?

Она не ответила, что Артур напоминает ей брата. И всегда напоминал. Но говорить юноше о том, что она узнала во Франции и о чем поведала Гаю, еще рано. Брат сам попросил ее обождать: ему было стыдно, что ранее так решительно отрекался от сына. Да и заводить речь о его матери пока рановато. Если вообще имеет смысл когда-либо говорить о родившей его женщине.

Глава 3

– Я отдам это тебе, Риган, – сказал Гай де Шампер, протягивая сестре кожаный футляр с опасным документом. – Храни его в тайне, моя милая, и никогда не читай. Поверь, тебе самой лучше не ведать, что там написано. Надеюсь, твое женское любопытство не заставит тебя вскрыть его? О, думаю, что не заставит, – усмехнулся он, видя, как аббатиса, машинально пряча свиток в суму, при этом продолжает смотреть туда, где на изумрудной от зелени долины гонял своего вороного Артур.

Бенедикта выглядела счастливой, и, казалось, кроме успехов ее дорогого мальчика, женщину ничего больше не волновало. Но это и впрямь было красивое зрелище: вороной, с белой звездочкой на лбу жеребец резво скакал, выбрасывая ноги и потряхивая гривой, в свете солнца была видна упругая мощь его атласно переливающихся мускулов, а на нем, чуть покачиваясь в седле, сидел стройный всадник в свободной светлой рубахе и с отлетающими при скачке длинными черными волосами.

– Надо заставить его поездить без седла, – задумчиво произнес Гай. Отметил он и другое: юноша по старинке старался править лошастью удилами, хотя Гай лично занимался выездкой вороного, и тот вполне мог слушаться нажима коленями. – Да, мне надо будет еще поработать с ним. Рыцарю незачем цепляться за удила, ему нужны свободные руки, чтобы держать оружие. Вот этим мы с парнем и займемся. Этим и многим другим. Поэтому какое-то время мы проживем там. – Он указал на небольшой домик в конце долины и добавил: – Там нам никто не помешает.

Бенедикта внимательно посмотрела на брата.

– Неужели у вас с Гвенллиан все так плохо?

Гай чуть повел плечом.

– Ее можно понять. Да я и сам не находил места, пока ты не поведала, что Артур – мой сын. А Гвенллиан нечем утешиться. К тому же она заметила, что парень сейчас для меня все. Хотя... Что там говорить, она и моих дочерей не жаловала. Моей старшей Кейлин пора собирать приданое, а Гвенллиан цепляется за любое покрывало, какое я хочу отдать девочке. А недавно, когда малышка Нест хворала, жена не хотела, чтобы я даже съездил ее проведать. А тут еще и Артур... Ко всему прочему ее неистовый, как у всех валлийцев, характер...

– Она ревнует, – сказала Бенедикта и сурово поджала губы. Для нее любой, кто мог бросить на ее родного племянника хотя бы косой взгляд, казался едва ли не исчадием ада.

Внезапно она ахнула, потому что конь Артура, несколько тяжело взяв барьер из жердей, едва не ткнулся носом в землю и парень чуть было не вылетел из седла. Однако лошадь и всадник каким-то чудом избежали падения.

Бенедикта испуганно запричитала, но Гай резко заметил: если она так переживает за мальчишку, то лучше бы приобщила его к ремеслу бродячего менестреля или отдала в монахи – там было бы спокойнее. Но тогда Артур должен забыть про такой трофей, как Милдрэд Гронвудская.

Аббатиса вздохнула.

– Господь свидетель, я всегда считала, что они с этой девушкой пара. Гай, пообещай мне, что поспособствуешь их союзу. Я понимаю, что Милдрэд уже помолвлена и это налагает на нее обязательства не намного меньшие, чем сам брак. Но разве может кто-то сравниться с нашим Артуром?

Гай улыбнулся.

– Слышал бы он тебя сейчас – руки бы кинулся целовать.

Но Артур их не слышал, он лишь на миг подскакал, чтобы чмокнуть Бенедикту в щеку, и опять погнал своего вороного Султана к дальнему краю долины. Он назвал жеребца Султаном по совету Гая, который объяснил, что крестоносцам свойственно давать лошадям такие вот восточные клички, а Артур теперь должен полностью преобразиться в рыцаря, к тому же госпитальера.

Позже он говорил парню:

– Сражаться верхом на коне – отличительная черта рыцаря. Они одно целое с конем, да и животное должно получать удовольствие от вашей скачки не меньше тебя. А ну, поехали!

И они понеслись – опытный наездник Гай и только входивший в раж от единения с лошадью Артур. И как же нравилось юноше скакать с Гаем, когда встречный ветер оглаживает щеки, грива коня хлещет по луке седла, а дробный топот копыт сливается со свистом ветра!

Когда они вернулись, Рис и Метью уже скрутили из травы некое подобие снопов и установили их на воткнутых вдоль низины шестах. Гай вручил Артуру меч и велел на полном скаку рубить их. Он остался доволен, когда парень прекрасно справился с заданием. Что ж, похоже, его сыну и впрямь пришлось повоевать и кое-какого опыта он набрался.

Вечером, когда они устроились на расстеленных у костра овчинах и Метью захлопотал над варевом в котелке, Гай начал рассказывать юноше о Святой земле. Если парень будет изображать из себя крестоносца, то нужно, чтобы у него были знания о Леванте¹⁴.

Юноша внимательно слушал, пытаясь представить эти далекие земли. Он запоминал названия таких княжеств, как Триполи, Антиохейское, Эдесское, изумлялся мощи и красоте великого града Иерусалима, где бьют удивительные фонтаны, оставшиеся после римского водопровода, какой починили арабы. Он узнал о развалинах храма царя Соломона, где ныне расположена резиденция ордена тамплиеров, выслушал, когда и кем был основан орден Святого Иоанна Иерусалимского. Изначально иоанниты заботились о постое прибывавших в Иерусалим пилигримах, но постепенно стали предоставлять им и охрану, так что теперь они разделились на лекарей, среди которых могли служить и женщины, и на вооруженных рыцарей. Причем между госпитальерами и храмовниками особой любви не наблюдалось, и это объяснялось тем, что тамплиеры вначале были как бы под покровительством и властью ордена Святого Иоанна, но сумели отделиться, забрав у иоаннитов часть их владений для своего ордена. Соперничают рыцари и за влияние в Европе. Ну да Гай уже говорил про это.

Рассказывая, Гай неизменно переходил на французский язык, который отличался от англо-нормандского, и на этом же языке заставлял отвечать и юношу.

– Поверь, чтобы тебя приняли за госпитальера, ты должен держаться и говорить, как иноземец. А то, что у тебя будет акцент... так ты ведь родом из графства Бретонь, вот на это и можешь ссылаться.

На следующий день они опять устраивали тренировки; Гай заставлял Артура ездить на Султана без седла и поводьев, пока не удостоверился, что сын вполне может править конем при помощи колен и наклона корпуса. После этого по наказу Гая Метью и Рис установили так называемый квинтин – вращающийся на шарнирах деревянный столб с поперечной перекладиной. На одном конце этой перекладины был подвешен на веревке мешок с песком, на другом укрепили небольшой щит. Артуру надо было на полном ходу попасть по этому щиту копьём и ускакать, пока перекладина не повернулась и его не сбило мешком. В первый день у него не очень-то получалось, и тяжелый мешок так бил его, что он выпадал из седла,

¹⁴ Левант – общее название стран восточной части Средиземноморья, где в описываемый период располагалось Иерусалимское королевство.

а один раз удар был настолько сильный, что Султан покачнулся под ним и рухнул, при падении придавив юноше ступню. Артур даже взвыл от боли.

Хорошо, что рядом был Метью, он осмотрел его ногу, вправил вывихнутый палец, но сказал, что Артур вряд ли сможет продолжать учения, пока не поправится. Однако парень не желал тратить время попусту, отлеживаясь в доме, и уже на другой день вновь был в седле, не придавая значения боли, продолжал учиться, гонял Султана и штурмовал опасный квинтин.

По вечерам, несмотря на усталость, он настойчиво учился говорить по-французски и как-то попросил Гая рассказать ему о родителях Милдрэд. Со слов Черного Волка выходило, что это милейшие люди. Юношу это обнадеживало. И когда остальные отправлялись отдыхать, Артур еще подолгу лежал на войлоке у костра, смотрел на звезды. Они были такими ясными и такими далекими. Далекий свет... Как и его Милдрэд. Но Артур всей душой рвался к своей желанной звезде, мечтал о встрече и о том, что он сможет разрушить разделяющую их сословную преграду. И тогда он вновь прижмет ее к себе, запустит руки в ее серебристые кудри, ощутит вкус ее сладких губ, заглянет в ее лукавые, как у игривого котенка, лучистые глаза... О, какое это будет счастье! Ведь ему не нужна никакая иная, кроме нее. Даже приносившие им в эту долину провизию хорошенькие валлийки, постоянно заигрывавшие с Артуром, казались ему такими обычными и простенькими в сравнении с его саксонской принцессой. И он добьется ее! Гай пообещал помочь ему в этом! Кстати, а с какой радости он вдруг так переменялся? Ну да неважно. Главное, что Черный Волк на его стороне.

На другой день опять были учения. Гай пояснял:

– Когда направляешь копье, старайся, чтобы оно не качалось, дай ему точку опоры. Во время скачки следи за нужной длиной копья: если оставишь длинный конец, удар будет слабый. Возьмешь так, что оно будет короче, будешь в опасности. А теперь отправляйся на исходную позицию, и – вперед!

Артур прищипоривал коня, неся, бил в щит на шесте и быстро отъезжал, чтобы при развороте его не сбил тяжелый мешок. Юноша даже радостно кричал от восторга, чувствуя, что все увереннее ведет себя при ударе.

Гай глядел на юношу светящимися от гордости глазами.

– Способный парень, весь в меня, – бормотал он, пряча в усы улыбку.

К вечеру Артур полностью выдыхался, но Гай не давал ему расслабиться, опять поучал, что-то советовал. Черный Волк не сомневался, что на турнире в Лондоне будут и тамплиеры, которых не может не заинтересовать появление рыцаря соперничающего ордена, однако Артуру нужно постараться избегать подобных встреч. Да и вообще, ему лучше держаться в стороне от всех и особо не выделяться. Пусть уж за госпитальера Артура все будут решать и обговаривать его оруженосцы, роль которых надлежало выполнять Метью и Рису.

Кроме того, Гай неоднократно беседовал с Артуром о роде де Шамперов, и это озадачивало Артура. Ну зачем ему, скажем, знать, когда первые де Шамперы прибыли в Англию, кто из них получил земли на границе с Уэльсом и чем они отличились? Правда, рассказывал Гай с воодушевлением, и даже Метью и Рис внимали каждому его слову. Артур тоже слушал, но, уставший за день, он просто хотел отдохнуть, помечтать о предстоящей встрече с Милдрэд. Однако Гай настойчиво вырывал его из царства грез, заставлял повторять, что деда Черного Волка звали Юон де Шампер, что он женился на валлийке Тринихид верх Эйнид, что отца тоже звали Гай, а мать была из благородной нормандской семьи Бертевелле и звалась Роэза.

За этими разговорами и учениями как-то незаметно пролетел сырой ветреный апрель, наступил май. По утрам долину еще окутывал туман, но когда поднималось солнце, все вокруг начинало сиять. Склоны долины пестрели цветами, среди холмов начинали свою

перекличку кукушки, а по вечерам на дальних выпасах блеяли овцы. Мир был прекрасен, однако у Артура не было времени любоваться этой красотой. Он продолжал тренировки, и ссадины и ушибы у него не проходили. Гай приказывал делать все меньше и меньше щит на квинтине, и, хотя Артур уже ловко попадал в него, наставник теперь требовал, чтобы он выбирал на щите только одно определенное место и бил именно в него. Изобретал рыцарь и иные способы, чтобы выработать у юноши ловкость: то подвешивал на бечевке кольцо, и Артур должен был на полном скаку попасть в него копьём, то юному всаднику предлагалось с ходу разбить само копьё о деревянный столб квинтина, но так, чтобы от силы удара его не откинуло на круп лошади. Гай пояснял: чем сильнее выпад, чем на большее количество частей разлетится копьё, тем более удачным будет признан удар. И он вновь и вновь отправлял Риса и Метью изготавливать из ясеневого древка турнирные копьё, а местному оружейнику заказал щит – деревянный, каплевидной формы, обитый плотной кожей, с крепким металлическим умбоном¹⁵.

В промежутках между тренировками Гай рассказывал о правилах рыцарских состязаний. Объяснил, что, когда рыцари выезжают один против другого на конной сшибке, это называется «хейстильд», но есть еще и общий бой поединщиков, когда они собираются группами, и это по-французски звучит как «моле». С его слов выходило, что «моле» мало чем отличались от настоящей битвы, хотя и были ограничены рядом правил, дабы избежать увечий или гибели. Ранее, когда Гай сам принимал участие в турнирах «моле», правил было куда меньше, все выглядело почти как в настоящем бою, но Гай справился.

Артур хитро усмехался.

– Послушать стариков, только в их время все было достойным восхищения.

И тут же получил подзатыльник от Гая.

– Кто это старик? Я? Ну что ж, завтра ты узнаешь, на что способен этот старик. Ибо завтра я выведу против тебя в конной сшибке. Время пришло. На тренировках ты наносил хорошие удары, но теперь получишь отпор.

Артур понял, что имел в виду Черный Волк, когда рыцарь нанес ему встречный удар. Причем сам усидел в седле, а Артур был опрокинут на круп Султана и, как он ни старался удержаться, пока конь доскакал до конца поля, все же сполз и покатился по траве. Однако обескуражен не был. Снял шлем и, улыбаясь, посмотрел на Гая.

– Ну, сэр!.. Ну, волчище валлийский!.. На меня будто башня наскочила.

Но Гай, наоборот, помрачнел и тут же завалил Артура советами: главное – сконцентрироваться на направленное в тебя копьё, не бояться закрывать глаза перед ударом, когда уже выбрал цель, – иначе щепы от разлетевшегося копьё могут попасть в глаза. И копьё надо опускать в последний момент. Если опустить слишком рано, оно начинает ходить вниз-вверх. И еще перед ударом важно слиться с конем: конь, копьё и всадник при ударе должны стать как бы одним снарядом. Поэтому надо следить не только за копьём, но и уметь управлять лошастью, чтобы не дать животному шарахнуться или встать на дыбы. На турнирах менее постыдным считалось упасть вместе с конем, чем потерять над ним управление.

И он опять повелел Артуру идти на сшибку.

Юноша и не ожидал, что это будет настолько сложно, утомительно и болезненно. Треск от копий раздавался такой, что, казалось, трещат кости. Поначалу это пугало Артура, но потом он перестал обращать внимание на какие бы то ни было звуки. Зато когда они с Гаем после учений разделись и стали мыться в ручье, юноша увидел, что все его тело покрыто синяками.

– Ну что, не передумал еще учиться? Стоит ли твоя саксонка, чтобы ради нее идти на все это?

¹⁵ Умбон – металлическое крепление в центре щита.

– Стоит! – Артур упрямо мотнул головой и тут же поморщился от боли. И все же решительно добавил: – Когда кому-то отдаешь свое сердце, то отдаешь его навсегда.

Гай отер мокрое лицо и внимательно поглядел на юношу.

– Я понимаю.

Он развернулся и пошел прочь. Да, его сын был такой же, как и он сам когда-то. Гаю ведь тоже всю жизнь нужна была только одна... та, которой он некогда без остатка отдал свое сердце. А другие... Они просто другие. С ними можно жить и даже испытывать какое-то удовлетворение. Но лишь одна оставила неизгладимый след в его душе. Им не судилось быть вместе, но она родила Гаю сына. Какой еще подарок он мог желать от судьбы? И он сделает из парня рыцаря, это его долг!

К началу лета Гай де Шампер считал, что его ученик уже готов к турниру. Особенно он убедился в этом, когда Артур стал регулярно выбивать его из седла. В последний раз это не прошло бесследно, и рыцарю пришлось пару дней отлеживаться. Артур даже испугался, но сам Гай был доволен.

– Теперь не стыдно выставлять тебя в поединках, клянусь честью! Но все же ты – горячая голова, и мне будет спокойнее, если я тоже поеду в Лондон и стану приглядывать за тобой. Да и представить Артура ле Бретона судьям-распорядителям должен знающий человек.

– Но не опасно ли вам появляться в Лондоне? – заметил Артур. – Вы ведь объявлены вне закона.

– Ну, если тебе не опасно появиться там под видом госпитальера, то и я могу выйти под чужим именем. Не думаю, что за проведенные мной в Уэльсе годы имя Гая де Шампера настолько уж было в ходу и меня кто-нибудь помнит. Так что мы едем вместе!

То, что в Англии все только и говорят о предстоящем турнире, они поняли уже в дороге. И хотя мнимый госпитальер и его спутники избегали главных трактов, большое лондонское состязание обсуждали даже в небольших селениях и отдаленных монастырях. Причем монахи едва ли не первыми уверяли, что этот турнир наконец-то сплотит всех рыцарей и вельмож Англии. А ведь обычно Церковь выступала против столь жестоких и азартных игр: считалось, что христианским воинам необязательно рисковать на турнирах и что лучше бы они проявили свою доблесть в Святой земле, сражаясь с сарацинами. Но в этот раз все было по-другому; нынче король Стефан согласился на перемирие со своими вчерашними врагами, да и они с готовностью ехали в Лондон. И если что-то и удивляло Артура и его приятелей, так это странное единодушие, с каким поспешили к королю все его вчерашние противники, совсем недавно охотно поставившие свои подписи под неким документом, о котором им самим надо было забыть, раз о нем забыли изменники.

Пока путники были в дороге, они только и слышали о том, что теперь никто не захочет воевать, что вновь оживет торговля и люди перестанут прятаться от любого проезжающего мимо отряда. Год сулил надежду. Турнир казался праздником. Измученная войнами, ограбленная, обессиленная Англия оживала.

Такое же воодушевление царило и в Лондоне.

Ранее Артур никогда не бывал в столице. Теперь же он прибыл сюда на зафрахтованном близ Оксфорда судне, стоял на носу корабля и с интересом озирал окрестности.

Темная лента широкой Темзы, по которой сновало множество барок и лодок, уходила далеко вперед; ее берега соединяли несколько паромов, действовавших с тех пор, как сгорел большой деревянный мост через реку. На правом берегу виднелись высокие, устремленные к небу башни Вестминстерского аббатства, блестели на солнце крытые свинцовыми плитками кровли королевского дворца с его многочисленными окнами, башенками и флюгерами.

От Вестминстера вдоль берега, среди раскинувшихся садов, виднелись крепкие, похожие на замки дворцы знати, а далее можно было различить Сити, древнюю колыбель Лондона, окруженную старыми, еще римскими стенами, кое-где уже разрушенными или подлатанными, а где и возведенными заново и сверкавшими белизной свежей каменной кладки.

По мере приближения к Сити оживление на берегу усиливалось: гарцевали на прекрасных лошадях верховые, гордо следовали отряды стражей, слуги несли портшезы с дамами или духовными лицами. Вдоль спускавшихся к реке пристаней двигались толпы людей, слышался многоголосый гомон, рев труб, крики, скрип канатов, взрывы смеха. Над городом, над огромным скоплением домов поднимались столбы дыма, а над крышами, словно каменные монолиты над вереском, возвышались башни и кровли церквей и монастырей. С реки был виден главный собор города Сент-Пол, весь укутанный строительными лесами: несколько лет назад он сгорел, что случилось с ним уже не впервые, и лондонцы с присущим им упорством в очередной раз возводили свою самую главную церковь на прежнем месте.

Кормчий в ладье переговаривался с матросами, решая, где им лучше пристать, когда сзади раздался рев трубы. Капитан налег на рулевое весло, сворачивая в сторону и позволяя проплыть широкой барке какого-то вельможи. От резкого крена лодку качнуло, и Артур едва успел ухватиться за канат, а затем принялся успокаивать взволнованно забившего копытами по палубе вороного Султана. При этом он оглянулся, и лицо его помрачнело.

– Принц Юстас!

Старший сын короля Стефана стоял на носу барки, его голову привычно покрывал большой черный капюшон, сзади ниспадал широкий бордовый плащ, сверкала на плечах дорогая цепь с подвесками. Когда баржа стала причаливать к одной из пристаней, принц повернулся к расположенному по центру барки шатру, что-то сказал, и один из его людей вывел оттуда закутанную в покрывала женщину. Юстас взял ее за руку, стал увлекать к сходням. Со стороны казалось, что он ее почти тащил.

– Его высочество Юстас взял с собой на турнир свою супругу Констанцию Французскую, – пояснил Артуру капитан. – Я ведь сам из Оксфорда, там все знают, что принцесса несколько лет томила в заключении и, говорят, совсем помешалась. Но ныне в Лондон придут послы от ее брата короля Франции, вот Стефан и приказал сыну привезти супругу.

Гай заметил, какими глазами Артур смотрит на Юстаса, и негромко спросил:

– Он может узнать тебя?

Юноша отрицательно покачал головой.

– Но ведь в Лондоне будет и Милдрэд. А его высочество проявлял к девушке совсем нездоровый интерес.

Гай не забыл, как год назад Юстас насильно забрал саксонку из монастыря Святой Марии Шрусберийской. И если бы Артур вовремя не помог ей бежать...

– Успокойся, парень. Не забывай, что леди Милдрэд придет со своими родителями, весьма значительными людьми, замечу. Да и не посмеет Юстас проявлять свой нрав там, где собралось столько народа. Так что лучше смотри, чтобы ты сам не встретил кого-то, кто может узнать тебя. Поэтому будет лучше, если мы расположимся вон там. – Он указал на противоположный от лондонского Сити берег. – Это Саутворк. И пусть это лишь предместье, которое куда беднее самого Лондона, однако там для нас меньше вероятности с кем-либо столкнуться. Ну а зарегистрироваться на участие в турнире мы сможем и в Саутворке.

Гай оказался прав. Когда они подошли к мощной, как глыба, старой саксонской церкви Марии Заречной, там уже стояли несколько рыцарей, а под галереей церкви писцы выводили длинными перьями имена, девизы и родословную участников.

Когда же Артур и его спутники приблизились, один из писцов с уважением поглядел на темное с белым крестом одеяние Артура и осведомился:

– Из Святой земли, сэр?

Мнимый госпитальер кивнул. Гай со стороны наблюдал, как держится юноша. В одеянии крестоносца, в сопровождении двух оруженосцев, один из которых вел его вороного белолобого коня, он выглядел как истинный рыцарь.

Оставив парня отвечать на вопросы распорядителей турнира, Гай отправился на поиски подходящего жилья. Он почти час бродил между домами, пока не отыскал для них небольшой флигель с конюшней при монастыре Святого Олафа. Гай выплатил задаток за жилье, при этом стараясь говорить с валлийским акцентом. И хотя прошло уже больше двадцати лет, как он в последний раз был тут, Гай помнил, что осторожность превыше всего. В который раз он вопрошал себя, не разумнее ли было бы постараться разыскать в Лондоне Эдгара? Однако рыцарь не знал, как к нему после стольких лет отнесется слывающий едва ли не другом короля гронвудский барон.

Погруженный в размышления, Гай вернулся на подворье церкви Марии Заречной и заметил, что рядом с лошадьми остался только Метью.

– А где Артур? – озираясь, спросил рыцарь.

Метью вздохнул и почесал свой зад. За долгие годы ношения сутаны он отвык от мужского одеяния. И теперь все время жаловался, что кожаные штаны то жмут ему, то спадают.

– Думаете, в моих силах было удержать парня, когда он только и думает о встрече с саксонкой? Вот и отправился на ее поиски. Я велел Рису пойти с ним и приглядеть. Но думаю, что и от Риса сейчас мало пользы – этому тоже хочется поглазеть на столицу. Так что если, как сказал Артур, они вернутся после повечерия, то и это уже будет хорошо.

Гай опешил. Какое безрассудство! Он стал ругать Метью, говорил, что рассчитывал на него, зная, что тот рассудителен и может повлиять на Артура. Да и что за блажь – пытаться отыскать девушку в незнакомом городе, особенно когда тут такое скопище народа! И это при том, что сейчас в Лондоне находятся графы Херефорд и Глочестер, с ними их свита, да и мало ли кто может узнать парня в одеянии госпитальера с белым крестом!

– Не орите вы на меня, – отмахнулся Метью. – Артура не удержишь, когда ему вожжа под хвост попадает. Вот и со мной он повел себя так, словно и впрямь рыцарь, а я его слуга и должен в рот ему глядеть, ожидая приказов. Да будет вам известно, что я едва не дал ему по шее. Удержало лишь то, что люди вокруг, а их бы позабавила стычка между крестоносцем и его человеком. Так что Артура было не удержать. Он даже Гро с собой взял, рассчитывая разыскать Милдрэд, а нюх у этого терьера, как у ищейки. Может, они и найдут саксонку. Нам же пока лучше подкрепиться с дороги, раз все равно придется ждать до вечера.

Тем временем Артур и Рис спустились к Темзе, где лодочники у причалов ожидали пассажиров и привычно выкрикивали: «Эй, кому на восток?» или «Кому на запад?» Мнимый госпитальер нанял лодку и велел переправить их туда, где обычно селятся прибывшие на турнир рыцари со своими домочадцами.

– Ну, тогда вам надо в Сити, – не раздумывая, отозвался лодочник. – Там кого только нет. Правда, и разыскать нужного человека не так-то просто.

То, что этот малый был прав, Артур с Рисом поняли, когда оказались среди шумных, полных гомона улочек Сити. Город был наводнен не только приезжими, но и торговцами, солдатами, шлюхами, мастеровыми – короче, всеми, кто мог извлечь выгоду от такого скопления народа. И пока приятели пробирались в толчее, они несколько раз теряли друг друга, а Рису даже пришлось взять Гро на руки, чтобы маленького пса не задавили в толпе. Потом к Артуру пристал какой-то подвыпивший рыцарь; он тыкал пальцем в его грудь с белым крестом и все твердил, что тоже бывал в Святой земле, где был ранен и где его вылечили братья ордена Святого Иоанна. При этом рыцарю непременно хотелось угостить госпитальера, он был невероятно навязчив, и в итоге Артур просто усадил его в какую-то бочку с водой и поспешил скрыться, пока тот, громко кряхтя, выбирался из нее.

Риса все это забавляло. Он с интересом рассматривал незнакомый город, отметил, что большинство зданий тут были каменными в отличие от привычных ему деревянных каркасных домов под тростниковыми крышами. Артур пояснил: в многолюдном Лондоне столь часто случались пожары, во время которых выгорала половина Сити, что жителям велели строиться из более огнестойкого материала, причем снижали налог для тех, кто селился в каменных строениях. А так как лондонцы весьма богаты, то многие и впрямь предпочли строить более прочные каменные дома – и престижно, и выгодно. Да и вообще, лондонцы, получившие от нормандских королей столько свобод и привилегий, вели себя более независимо, чем жители иных городов, и на прибывших из глуши рыцарей с их домочадцами смотрели едва ли не с насмешкой. Но при этом не забывали приветливо завлекать гостей то в оружейную лавку, то в кабачок, то посмотреть уже готовую на продажу одежду, самую модную, с замысловатыми фестонами¹⁶, шелковистой шнуровкой, а то и с тесьмой из блестящей константинопольской парчи – не чета тем грубым домотканым туникам, какие производились в сельских поместьях.

Бродя в этом кипучем людском водовороте, Артур все время поглядывал по сторонам. Но его привлекали не мастерские оружейников или шорные лавки, а люди, вернее женщины. Вдруг одна из них окажется его саксонкой? И он задерживал взгляд на силуэтах закутанных в легкие вуали девушек, разглядывал модниц у торговых лавок, бросал взоры на личики выглядывавших из окошек красавиц. А так как Артур с его горделивой осанкой, красивым лицом, да еще облаченный в необычную для здешних мест черную тунику с большим белым крестом, тоже привлекал внимание дам, то его порой даже игриво затрагивали. Он отвечал с изысканной сдержанностью рыцаря-крестоносца и проходил дальше: увы, никто из окружающих дам и девиц не был его возлюбленной. И Артур начал понимать, что его надежды отыскать Милдрэд были всего лишь наивной надеждой влюбленного.

Через какое-то время они с Рисом зашли перекусить в небольшой трактир. Артур заказал яичницу и пиво, которое оказалось весьма недурственным. К тому же у хозяина заведения Артур стал выпрашивать, как им пройти к дому ордена Храма.

– Вы, благородный сэр, хотите пройти к старой прецептории в Холборне или к новой церкви у Западных ворот? – уточнил трактирщик.

Артур был озадачен.

– А где они обычно располагают своих гостей?

На это трактирщик не мог ответить ничего конкретного. Ну что ж, придется продолжить поиски.

Рис слушал этот разговор, угощая Гро кусками жирной яичницы. Но едва трактирщик отошел, негромко заметил Артуру:

– Неужели ты забыл, что говорил тебе Гай? Мнимый госпитальер должен избегать встречи с храмовниками.

– Все я помню, – отмахнулся Артур. – Однако знаю и то, что Эдгар Гронвудский дружен с тамплиерами. Поэтому не исключено, что он мог обосноваться в Лондоне именно под их покровительством.

– Ты считаешь, что такой вельможа, как барон Эдгар, нуждается в чьем-то покровительстве? Или думаешь, что леди Милдрэд поведала отцу, как ее домогался сын короля?

Артур покачал головой. Нет, он не думал, что Милдрэд сообщила родным о Юстасе: вряд ли она хотела рассорить их с королем, сообщив о домогательствах принца. Да и узнай родители подробности, вряд ли бы они решились на поездку. Но откуда у него самого уверенность, что они и впрямь приедут? Из разговора с каким-то нищим, уверявшим, что Эдмунд

¹⁶ Фестоны – зубчатая кайма по краю одеяния.

Этелинг едет на свадьбу в Лондон? Но именно это заставляло Артура переживать и торопиться.

Прецепторию в Холборне они отыскивали, когда солнце уже стало скатываться к горизонту и в церквях ударили в колокола. Оказалось, что орден Храма занимал весьма значительный участок: длинная каменная стена скрывала внутренние постройки, сады, церковь и даже кладбище. Но ворота были закрыты, хотя вокруг и крутились нищие, каких обычно прикармливали орденские братья. Артур дал одному из нищих монету, расспросив, кто из мирских гостей поселился у тамплиеров. Ответы его не обнадежили: оказалось, что в странноприимном доме тамплиеров не было никого, кто хоть отдаленно напоминал саксонского барона с семьей. Зато Артур выяснил, что под защитой тамплиеров устроился молодой граф Глочестер, недавний соперник короля. А так как встреча с ним не устраивала друзей, они сразу же поспешили прочь.

Рис уже начал ныть: мол, давай вернемся, все эти поиски зря, да и Гро уже притомился. Пес и впрямь больше не сновал вокруг, а плелся за ними шаг в шаг, почти натываясь на обтянутые толстыми шерстяными чулками ноги Риса. Артур сказал, что сначала они посетят новый Темпл у реки. Даже если они снова ничего не узнают, то все равно там, у пристаней, смогут нанять лодку и переправятся обратно в Саутворк.

Новый храм тамплиеров они заметили издали: весь еще в строительных лесах, он имел непривычную для Англии форму – не крестообразную, обычную для церквей, которые тут возводили, а имевшую вид круглой башни. И хотя от нее отходил длинный прямоугольный неф с уже возведенным рядом стрельчатых окон, все же основное внимание привлекала именно ее круглая ротонда.

Неподалеку от входа в храм Артур заметил трех тамплиеров в белых одеждах с алыми крестами. При появлении иоаннита они разом повернулись. Проклятие! И что ему теперь? Подхватить полы своей длинной котты и бежать? Да какого черта! И Артур решительно двинулся в сторону тамплиеров.

– Слава Иисусу Христу! – произнес он, прижав руку к груди.

– Во веки веков, – отозвались те.

Они выглядели еще нестарыми, хотя у каждого была длинная борода и коротко постриженные волосы. Голову одного из них венчала шапочка с плоским верхом, и он первый заговорил с Артуром:

– Что привело вас, собрат по вере, в английскую столицу?

– То же, что и других рыцарей. Турнир.

Они переглянулись.

– Это все?

– Разве этого мало? Весть о лондонском турнире дошла и до Парижа.

– Вы из Парижа, сэр?

В первый миг Артур ощутил лишь удовлетворение, оттого что эти гордые тамплиеры называли его «сэр», обратившись к нему как к рыцарю. Это придало ему уверенности.

– Я из Бретани.

– И ваш туркополье знает, что вы прибыли в Лондон на рыцарские игрища?

Артур лихорадочно вспоминал, кто такой этот туркополье? Кажется, так величают главу госпитальеров в туркополиях – домах ордена иоаннитов в Европе.

– Я прибыл не как представитель своего ордена, – осторожно подбирая слова, начал он. – Я знаю, что лондонский турнир сейчас служит для примирения враждующих партий, и буду принимать в нем участие инкогнито. Поэтому прошу вас не ставить меня в неловкое положение и не вынуждать отвечать там, где мне надлежит молчать.

Но они не унимались.

– Давно ли рыцари ордена Святого Иоанна настолько отделились от своего основного дела – врачевания и охраны страждущих пилигримов, – чтобы развлекаться на воинских игрищах?

– Не ожидал, что собратья по вере встретят меня упреками. – Артур гордо выпрямился. – И разве английские тамплиеры отказали себе в удовольствии состязаться на турнире?

Похоже, он попал в точку, ибо храмовники явно смутились. Они тоже стали говорить, что этот турнир особый, что даже высшие священнослужители Англии – примас Теобальд Кентерберийский и епископ Винчестерский Генри – взялись поддержать его и почтить своим присутствием. К тому же у местных рыцарей ордена Храма есть приглашение самого Стефана, и они не могли отказать королю.

И тут один из тамплиеров указал на крутившегося под ногами Артура Гро и спросил:

– Как вышло, что рыцарь-иоаннит взял с собой собаку? Разве эти животные не считаются у госпитальеров нечестивыми?¹⁷

– Это пес моего оруженосца. – Артур кивнул в сторону Риса, который даже приосанился в своей кожаной куртке с нашитыми бляхами. – А для меня это просто Божья тварь, какая имеет такое же право жить под солнцем, как и все созданное нашим Творцом.

– Аминь.

Возникла неловкая пауза. Они смотрели друг на друга, и Артур надеялся, что справляется со своей ролью госпитальера с достоинством и спокойствием, каких в его душе не было и в помине.

Старший храмовник, выдержав паузу, произнес:

– Раз уж вы тут, то я готов предоставить вам пристанище в нашем Темпле. Мое имя Осто де Сент-Омер, я командор английских тамплиеров.

Артур поспешил поклониться, понимая, что ему теперь будет непросто отказаться от приглашения. И пока он размышлял, как бы повежливее улизнуть, один из тамплиеров указал на Гро.

– Вы только поглядите на собаку!

В самом деле, до этого смиренно сидевший подле Риса Гро вдруг стал метаться, уткнувшись носом в землю, а потом со всех ног кинулся в церковь Темпла.

– Гро! – крикнул Рис и бросился следом.

– Возмутительно! – воскликнул кто-то из тамплиеров, и они поспешили за валлийцем и собакой.

Артур тоже решил войти.

В церкви было достаточно светло, так как еще не застекленные сводчатые окна пропускали вечерний свет, в розоватых лучах которого плыли завитки густого ладана. И хотя кругом еще были леса и груды щебня, сюда уже пришло довольно много прихожан из мирян. Вот среди них и пробирался за своевольным псом Рис. И конечно же, вышла некоторая заминка, когда валлиец кого-то толкнул, кого-то потеснил; прихожане стали озиаться, некоторые нахмурились, другие даже заулыбались, найдя в происшествии некое развлечение во время долгой службы.

А вот тамплиеры не скрывали своего возмущения, и Артур предпочел благоразумно отойти, скрывшись за одной из каменных колонн. Отсюда он видел, что Рис пробрался почти к самому алтарю, где шустрый Гро и обнаружил того, к кому привел его острый нюх. Вернее, ту. Ибо пес стал прыгать вокруг прихожанки в легком голубом плаще и белой вуали.

¹⁷ Как-то в ордене госпитальеров во время службы в честь Иоанна Крестителя громко залаял пес, и священник от испуга уронил мраморный крест. Крест, ударившись о каменный пол, раскололся, и в тот же день город начали штурмовать турки – Божий гнев не заставил себя ждать. С того времени собак госпитальеры считали мерзкими животными.

Она склонилась, потом присела на корточки, лаская прильнувшего к ней Гро, но рядом уже оказался Рис, схватил собаку и хотел уйти, как вдруг прихожанка громко и взволнованно окликнула его по имени.

Рис вроде бы кивнул, но не задержался, а поспешил к выходу. Леди оглянулась. Артур замер. Перед ним была она. Его звезда, его далекий свет, Милдрэд Гронвудская!

Артуру показалось, что он и дышать перестал, лишь чувствовал, как оглушительно бьется сердце. Он видел, что девушка, не осмелившись покинуть храм, по-прежнему озирается, смотрит на выход. Затем стоявшая подле нее женщина сделала Милдрэд замечание, и она замерла, покорно опустившись со всеми на колени. Но даже в ее коленопреклоненной позе чувствовалась напряженность.

Артур почти не следил за ходом богослужения, хотя тоже преклонил колени и молитвенно сложил руки. Он был в смятении. Милдрэд тут! Он нашел ее! Ему хотелось зарыдать, его сердце переполняла отчаянная, невыразимая любовь к девушке.

И все же Артур постарался взять себя в руки, остался в своем укрытии за колонной и стал приглядываться к спутникам Милдрэд. Увы, он увидел слева от нее тучную, косолапую фигуру Эдмунда Этелинга. Женишок, разрази его гром! И нарядный какой – в длинной желтой тунике и малиновом, переброшенном через плечо бархатном плаще, в сверкающем камнями обруче на кучерявых рыжеватых волосах. С другой стороны от девушки стояла ее спутница, явно достойная леди в богатом одеянии и накинутой на саксонский манер шали. Был и еще один мужчина, высокий, представительный, в богатом венце на ниспадавших на плечи светло-каштановых волосах.

Итак, Милдрэд прибыла в Лондон с родителями для встречи с женихом. И хотя Артур наконец нашел ее, ему еще предстоит немало постараться, чтобы получить право приблизиться к ней.

Наконец под сводами прозвучало:

– *Ite, missa est condo*¹⁸.

Прихожане задвигались, направляясь к выходу. Артур из-за колонны видел, как Милдрэд тоже хотела выйти, даже опередила своих спутников. Ему надо было окликнуть ее, но он не осмелился, ибо к спутникам девушки подошли тамплиеры и стали что-то любезно говорить им. Милдрэд тоже пришлось остановиться, хотя она не участвовала в разговоре и стояла, кусая губы и нервно теребя шнуровку рукавов у запястий.

Артур мог только смотреть из-за колонны. Но, вероятно, в его взгляде было нечто такое, отчего девушка повернулась. И увидела его. Ее глаза вспыхнули, как две свечи.

Этот рыцарь... весь в черном, с откинутыми со лба длинными темными волосами и горящим взором... Артур!

Это было бесконечное мгновение. И такое короткое!..

– Душечка, вы идете? – приблизившись к выходу, окликнул ее тан Эдмунд.

Тамплиеры и родители Милдрэд уже вышли, а она, казалось, не могла сдвинуться с места. Но вздрогнула от оклика жениха, повернула к нему застывшее лицо – столь же белое, как и ее легкое головное покрывало. Только ее голубые глаза ярко сияли, как звезды.

– Я... Идите без меня, Эдмунд. Я вас догоню.

Она повернулась и направилась к алтарю, где служители начали убирать в ризницу священные сосуды. Там она опустилась на колени, словно желала еще помолиться.

Эдмунд какое-то время потоптался на месте, потом вышел. Артур смотрел на коленопреклоненную фигурку своей милой. Она не шевелилась, пока последний служитель не скрылся за дверью ризницы.

¹⁸ Идите, месса окончена (лат.).

В тот же миг Милдрэд стремительно поднялась – как крылья взлетели полы ее длинной вуали. Она почти бегом кинулась за колонны, где в полумраке стоял Артур. Он подхватил ее, прижал, и оба замерли, будто все еще не верили в такое счастье. Сердца их стучали так близко, и им казалось, что в мире нет ничего, кроме этих объятий, дыхания, пульсации крови.

Наконец Милдрэд подняла голову, и Артур тут же накрыл губами ее сочный, как согретье ягоды, рот. Он целовал ее страстно, отчаянно и все не мог остановиться. Девушка с готовностью отвечала. О, она была все той же, все еще его Милдрэд! Да ради нее он бы и мир, и небо перевернул!

У входа раздались чьи-то негромкие шаги. Молодые люди замерли, прильнули к колонне, сдерживая дыхание. Но вошедший постоял немного и вышел. Они даже не знали, кто это был.

– Послушай, кошечка моя...

– Как славно, что ты все еще зовешь меня так! И, Артур... Ты стал рыцарем! Ты... О, ты великолепен!

Артур мягко отстранился.

– Выслушай меня! Где мы можем встретиться? Нам надо поговорить.

Да, их могли заметить в любой миг, а между ними еще ничего не было решено.

– Где мне тебя найти, котенок?

Она быстро оглянулась на выход.

– Мы остановились в резиденции епископа Винчестерского в Монтфичере. Это на Стренде по пути к Вестминстеру.

– Я найду.

– Хорошо, я буду ждать. Завтра венчание принца Вильгельма и леди Изабеллы. Мы приглашены на торжество, и я не смогу не присутствовать. Однако я постараюсь улизнуть со свадебного пира и после вечерней мессы буду прогуливаться по Стренду между Монтфичером и соседним Байнард Кастлом. Там у дороги растут большие ивы.

– Я приду.

Он отпустил ее, но она вновь потянулась к нему, прижалась.

– О Боже, все это так непросто! Я ведь помолвлена, да и дата венчания уже объявлена. Как нам быть, Артур?

– Нет ничего невозможного, если мы будем заодно. Завтра спокойно обсудим все... Если я смогу быть спокойным рядом с тобой! – добавил он, не сводя глаз с ее манящих улыбающихся губ.

Милдрэд видела его взор и, уже не владея собой, опять прильнула к Артуру. Но тут у входа в храм раздались шаги, легкий перезвон кольчуги, и молодые люди отпрянули друг от друга. Девушка накинула на лицо тонкую вуаль и поспешила к выходу. Однако замешкалась, когда дорогу ей преградил высокий тамплиер. Он лишь мельком глянул на нее и отступил. А потом стоял и ждал, когда появится иоаннит.

Артур помедлил немного и вышел. Изысканно поклонился командору тамплиеров.

– Благодарю за предложение стать гостем вашего ордена, мессир, – по-французски произнес Артур, надеясь, что голос его звучит достаточно ровно. – Но, увы, я вынужден отклонить ваше предложение.

– Я понял, – сухо отозвался тот.

Артур даже не мог вспомнить его имени, но посмотрел с вызовом. Если этот рыцарь-монах начнет чесать языком... Но, говорят, тамплиеры не болтливы.

Рыцарь и впрямь не промолвил ни слова, когда Артур выходил.

Близ церкви Темпла уже не было ни Милдрэд, ни ее спутников. Да и не стоило их высматривать под надзором храмовников. Артур махнул ожидавшему его Рису, и они стали спускаться к набережной – им уже давно надо было вернуться к Гаю с Метью, поведать

обо всем, посоветоваться. Столько всего... А душа просто пела! И мир казался ласковым, мерцающим, дивным!

Артур был счастлив. Милдрэд ждала его, она его любит! Юноша чувствовал себя легко, как летний ветер над Темзой.

Уже сидя в лодке, он притянул к себе Гро и чмокнул пса в мокрый нос.

– Ты хорошая собака, Гро! Ты самая лучшая в мире собака!

Глава 4

Наставницей при Милдрэд Гронвудской была почтенная мистрис Клер. Происходившая из небогатой нормандской семьи, она отличалась хорошими манерами, искренне любила свою воспитанницу, хотя и была с ней в меру строга – как и полагается наставнице. Причем с годами уже мало кто вспоминал, что сия достойная матрона в свою бытность молодой и незамужней отличалась весьма вольным нравом. Но это осталось в прошлом. Зато у мистрис Клер всегда был свой взгляд на происходящее. Переубедить ее обычно было трудно, так что матушка юной Милдрэд, благородная Гита Гронвудская, в конце концов перестала пенять наставнице за то, что та с самого начала невзлюбила жениха своей воспитанницы Эдмунда Этелинга.

– Твое дело молчать, Клер, – сказала ей баронесса Гита. – Это решение самой Милдрэд. Тан Эдмунд оказал нашей дочери услугу во время прошлогодней войны, она ему признательна и хорошо к нему относится. Ну а моему мужу Эдмунд давно пришелся по душе. К тому же ты не сможешь не признать, что для Милдрэд он станет добрым и снисходительным супругом. Разве ты не видишь, как он заботлив и предупредителен с нашей девочкой?

Что тут было возразить? Богатый жених, землевладелец, хозяин оловянных рудников, да и кровь в нем течет благородная. И все же Клер недовольно ворчала, что вовсе не такой увалень должен был стать женихом гронвудской наследницы. Пусть он и рядится щеголем, но все равно ни тебе достойной внешности, ни полагающейся благородной стати. И такому достанется Милдрэд? Эта изысканная красавица с роскошными белокурыми волосами и осанкой, как у королевны! С прозрачными лазурными глазами и губками, как лепестки розы! О, Клер от всей души желала для своей девочки кого-то более достойного.

Поэтому она и была так взволнована, когда узнала, что у Милдрэд есть на примете еще один жених. И какой! Клер даже перестала ворчать на подопечную, отказавшуюся идти на свадебный пир королевского сына, когда увидела, с каким красавцем она встречалась.

– Вот это рыцарь так рыцарь! – не сдержалась она, как только Милдрэд распростилась с обворожительным незнакомцем и под руку с Клер направилась в резиденцию епископа. – Что же ты молчала о нем, деточка? Это ведь не какой-то косолапый сакс из глуши, когда за версту видно: мужлан!

– Так тебе мой Артур понравился, Клер? – едва ли не подпрыгивая от счастья, спросила Милдрэд. – О, он лучше всех! И я так люблю его!

– Мудрено не полюбить такого. Но как теперь быть с Эдмундом? Ведь уже все решено насчет вашей свадьбы.

Милдрэд пожала плечами.

– Отец принял Эдмунда, когда я попросила его об этом. И он не станет меня неволить, если я кинусь ему в ноги и упрошу расторгнуть нашу помолвку.

Она сказала это беспечно, но сама помрачнела.

Такой же задумчивой Милдрэд оставалась и когда они подошли к воротам укрепления особняка Монтфичер. Этот замок был построен еще при Вильгельме Завоевателе, в духе, какой тогда был принят: окруженный мощной стеной и рвом, он стоял на берегу Темзы как неприступная цитадель. Каменные башни, узкие, как бойницы, окна, низкие закругленные арки сводов, толстые, окованные железными решетками двери – все указывало на то, что при его строительстве перво-наперво думали об обороне, а не об удобствах. И все же в этот приезд епископ Генри Винчестерский выбрал Монтфичер своей резиденцией. Хотя и постарался придать этому суровому строению некий изысканный лоск: повсюду по углам расставили на треногах изящные курильницы, разгонявшие стылый запах ароматом курившихся трав, подфакельники начистили до блеска, грубые плиты пола покрыли

свежим тростником, вдоль стен расставили украшенную резьбой мебель. Так что старый замок стал казаться вполне приемлемым обиталищем как для любящего комфорт епископа, так и для приглашенных им гостей – гронвудской четы и их дочери.

Родители Милдрэд были польщены подобным приглашением своего давнего покровителя, пришедшегося родным братом королю Стефану. Особенно если учесть, сколько народу прибыло в Лондон. Знать едва ли не дралась за каждое более-менее приличествующее их положению жилище, поэтому барон Эдгар и леди Гита считали внимание епископа Генри особой милостью. Что же до Милдрэд, то у нее были свои догадки внезапного расположения его преподобия, но она предпочитала помалкивать.

Да, не все было просто в жизни Милдрэд, считавшейся одной из первых невест Англии и так удивившей всех, отказав в руке могущественному графу Херефорду, но дав согласие стать невестой малоизвестного тана из Девоншира. Саксы, что от них ожидать, говорили об этом союзе знатные нормандцы, потомки тех, кто некогда огнем и мечом завоевал Англию. А вот саксонское население, прослышав, что Милдрэд Гронвудская и Эдмунд Этелинг, эти потомки прежних саксонских королей, готовы пожениться, были просто в восторге. К тому же Эдмунд Этелинг сейчас был в почете еще и потому, что отличился в прошлом году, сражаясь за принца Юстаса. Да и сам Юстас среди саксов пользовался популярностью, особенно после того, как позволил им собирать отряды, которым неизменно покровительствовал.

Но о сыне короля Стефана Милдрэд сейчас меньше всего хотелось думать. И все же, поднявшись в свои покои в Монтфичере, оглядев мощную кладку выходящего в сад оконной бойницы, девушка отметила, как хорошо, что этот замок так укреплен. Да и епископ Генри позаботится о том, чтобы принц Юстас не доставил ей хлопот. Юстас... Милдрэд передернуло при воспоминании, как некогда он глядел на нее глазами голодного волка.

Девушка постаралась отвлечься от неприятных мыслей, жестом отпустила служанок и, сев подле узкого окошка, стала расплетать свои длинные светлые косы.

Итак, то, что ей сообщил Артур... О, все еще было далеко не просто. Ведь несмотря на его рыцарское облачение, оказалось, что ее возлюбленный так и не стал по-настоящему благородным человеком и даже в Лондон прибыл под чужим именем. Артур не скрыл от нее ничего, но пояснил, что пока это единственное, что может их сблизить.

По сути это было обманом. Но Милдрэд уже поняла: без Артура она словно бы и не живет. Сколько раз за прошедшие полгода она предавалась отчаянию, сколько раз пыталась смириться, что останется с Эдмундом... Пока жениха не было рядом, она еще как-то терпела эту неизбежную тоску, но вот он приехал... и девушка поняла, что ей трудно даже находиться подле него. Им не о чем было говорить, ее раздражало его смущение и неуклюжие попытки ухаживания. Милдрэд заметила, что, если Эдмунд бывал на подпитии, он держался более уверенно, но и становился более настырным. Он ее утомлял. И этот его смех!.. Лучше бы он никогда не смеялся, ибо, когда он так громко ржал, тонко и визгливо, девушка еле сдерживалась, чтобы не зажать себе уши... или Эдмунду рот.

Но все же она помнила о своем долге, помнила о данном слове. Отец говорил, что Эдмунд неплох, что он сражался за короля, а нынче даже решил принять участие в рыцарских состязаниях. Но когда отец говорил все это, у Милдрэд появлялось ощущение, будто он уговаривает ее найти в женихе что-то приятное.

Другое дело мать. Она понимала, что Милдрэд несчастна.

– Ты сама его выбрала, вспомни. А любящий и покладистый муж – это не так и плохо для семейной жизни. Чувства же придут с годами, когда вы свыкнетесь и узнаете друг друга получше.

Милдрэд согласно кивала. Ведь и впрямь, именно Эдмунд привез ее к родителям в Гронвуд-Кастл, сопровождая через разоренную войной Англию. Тогда она сказала отцу

и матери, что предпочла Эдмунда Этелинга, дабы не стать женой графа Херефорда, семья которого видела в ней только саксонку и относилась к ней враждебно. И родители приняли доводы дочери, хотя и заподозрили, что с ее обручением с Этелингом не все ладно, когда она стала упрашивать их отложить венчание на полгода. И это в ее восемнадцать, когда она уже считалась заневестившейся, ибо большинство ее ровесниц уже были просватаны, стали женами и хозяйками в своих поместьях. Но Эдгар с Гитой любили свое единственное дитя и уступили Милдрэд. Они часто говорили, что не станут неволить дочь в выборе супруга, однако лишь в том случае, если ее избранник будет человек достойный и подходящий ей по происхождению. Ибо за Милдрэд давалось немало земель, на которых жили подвластные ей люди, и необходимо было, чтобы ее мужем был человек, который станет им добрым хозяином и господином.

Безродный простолюдин Артур не мог считаться таким. Вот если бы он был из благородного сословия... И он предстал перед ней в таком облике, хотя и признался, что это всего лишь обман. Что ей было делать? Отказаться от него? О, это было выше ее сил! К тому же Артур сказал, что сделает все, чтобы отличиться на турнире. Пусть родные Милдрэд увидят, что он достоин называться рыцарем. Ему был необходим успех, дабы о нем говорили и он прославился. Артур уверял, что готов к подобному испытанию. Хвастунишка Артур! Однако Милдрэд знала, что он и впрямь умелый воин и что в этом бродяге благородства поболее, чем кое в ком высокорожденном, но на деле оказавшемся подлым и хитрым. Опасным.

Был уже поздний вечер, когда Милдрэд услышала, как вернулись родители и епископ Генри. Похоже, отец и епископ были немного навеселе, громко разговаривали, смеялись. В какой-то миг прозвучал и голос матушки, уговаривавшей мужа идти отдыхать. Потом стало тихо. Но Милдрэд все еще не спалось, она ворочалась и вспоминала сегодняшнее свидание с Артуром, да и губы ее сладко ныли после их бесчисленных поцелуев. А еще Артур сообщил девушке, что им неожиданно вызвался помочь Гай де Шампер. Надо же, Черный Волк оставил свое логово в Уэльсе, чтобы похлопотать за Артура перед ее родными! Очень мило с его стороны. Особенно если вспомнить, как ранее он выговаривал девушке за ее увлечение неравным ей по положению Артуром. Что же изменилось за это время? Ах, неважно! Главное, что Артур тут и они любят друг друга! И ради этого она готова даже солгать родным. Ибо и отец, и мама не смогут не оценить ее Артура. Такого способного, такого смелого, такого... любящего ее. Ведь желают же родители ей счастья, в конце концов!..

Ну а Эдмунд? Что Эдмунд? Она сумеет разорвать с ним помолвку, даже сама скажет Этелингу, что не желает видеть в нем спутника жизни. Конечно, это не совсем благородно, да и Эдмунд будет переживать. Какое-то время. Пока не утешится с кем-то еще. Ведь он богат и знатен. Невеста для него всегда найдется.

От мыслей Милдрэд отвлек послышавшийся за дверью взволнованный, недовольный голос наставницы Клер:

– Ради всего святого, преподобный отец, девочка уже давно поживает. Да и пристало ли являться к юной леди в столь поздний час?

Итак, Генри Винчестерский все же решил пообщаться с ней не при родителях. А она уже надеялась, что епископ не станет ее донимать.

Быстро откинув полог над постелью, она вскочила и торопливо набросила длинный бархатный балахон с беличьей опушкой.

– Я готова принять вас, ваше преосвященство. – Распахнув дверь, девушка присела в поклоне, все еще торопливо поправляя длинные разметавшиеся волосы.

Епископ прошел и невозмутимо опустился в широкое кресло. Если он и был выпивши, то сейчас это не было заметно. При свете висевшего на цепи под сводом ночника Генри Винчестерский казался бледным; он все еще был в нарядном облачении, его лиловая пелерина сверкала множеством золотых нашивок, тонзуру на голове покрывала лиловая скуфья.

Темные волосы епископа были зачесаны углом на лоб и напояжены; даже свои тяжелые перстни он еще не снял, и они мерцали на его холеных пальцах, казавшихся странно тонкими, особенно по сравнению с внушительной комплекцией самого епископа, с его крупным полным лицом и стекающим в меховую опушку ворота подбородком.

– Не самое подходящее время для визита я выбрал. Но мне все же необходимо переговорить с вами, дитя. Как я понял, вы остались верны клятве, какую некогда принесли на святом Евангелии?

– Какую вы вынудили меня дать, – уточнила девушка.

Это было год назад. Тогда принц Юстас, воспылав к Милдрэд нездоровой страстью, обманом увез ее в Винчестер и хотел силой овладеть. Епископу Генри удалось замять ту историю, но он угрозами и посулами обязал Милдрэд молчать о случившемся. И она молчала. Ей хотелось верить, что, будучи под защитой отца, она избежит дальнейших посягательств со стороны Юстаса Блуаского. К тому же ей не хотелось огорчать родителей и обострять их отношения с сыном и наследником короля Стефана.

– Я ничего не сказала отцу – ни о том, как Юстас обманом увез меня, ни о том, что по его приказу были убиты люди из моей свиты. Не сказала даже, что и позже Юстас домогался меня в Шрусбери и только благодаря смелости верного человека мне удалось избежать бесчестия.

Последние слова она произнесла даже с гордостью. Ибо тем смелым и верным человеком был ее Артур. Но епископу незачем об этом знать. Она вообще не хотела с ним разговаривать, памятуя, насколько он хитер и как умеет подчинять людей своей воле. Но ведь не откажешь в визите его преподобию, особенно теперь, когда они у него в гостях... и, что там говорить, под его покровительством и защитой.

Генри Винчестерский внимательно смотрел на девушку. Какие огромные горящие глаза, какая чистая кожа и этот яркий пунцовый рот! Хороша. Немудрено, что Юстас все еще не избавился от той пагубной страсти, какую она ему вольно или невольно внушила.

– Вы разумная девочка, Милдрэд Гронвудская. И то, что вы молчите, свидетельствует как о вашем уме, так и о вашей осторожности. Я не спрашиваю, что вы придумали, чтобы успокоить родных, но тем самым вы избавили их от немалых проблем. Барон Эдгар Гронвудский в прошлую военную кампанию поддержал короля, и за это ему великий почет и монаршая милость. И вы, надеюсь, понимаете, что должны и впредь утаивать, какую роль в отношении вас сыграл мой неразумный племянник Юстас...

– Вы излишне осторожны, ваше преподобие. Вы соглашаетесь устроить нас в своей резиденции, чтобы проследить, каково отношение барона Эдгара к вашей семье, вы пожелали убедиться, что я сдержала клятву, и теперь явились ко мне среди ночи, предостерегая, чтобы я молчала и впредь. И все для того, чтобы Эдгар Гронвудский по-прежнему оставался сторонником Блуаского дома.

– Отчасти я пришел за этим. Но есть и еще кое-что, принудившее меня побеседовать в столь неурочный час.

Он вздохнул.

– Признаюсь, я надеялся, что увлечение вами принца Юстаса уже в прошлом. Увы! Даже сегодня на пиру он расспрашивал о вас лорда и леди из Гронвуда, а меня одарил отнюдь не лестным взглядом, поняв, что именно моими стараниями вы укрыты в Монтфичере. Однако как же изменилось его лицо, едва он узнал, что вы помолвленная невеста Эдмунда Этелинга и по прошествии турнира собираетесь с ним обвенчаться! Хорошо, если это только его досада и он смирится с этим. Однако я знаю, как упрям мой племянник, как он не любит отступать. Поэтому прошу: постарайтесь как можно меньше привлекать его внимание. Так будет лучше и для вас, и для ваших близких.

Милдрэд бессильно опустилась на крытую ковром ступеньку подиума, на котором стояло ложе. Ее только что такое надменное лицо стало взволнованным.

– Но ведь принц прибыл на турнир со своей супругой Констанцией Французской!

Епископ сложил на своем объемном животе руки, и перстни его зловеще сверкнули.

– Да. Нам сейчас как никогда нужно сблизиться с королем Луи. Ибо наш основной враг Генрих Плантагенет стал герцогом Нормандии, он набирает силу, и нам нужен союзник на континенте, дабы Генрих не думал о своих правах на английский престол, а стремился уберечь свои континентальные владения. Но чтобы расположить к нам Людовика, нужно, чтобы Юстас прилюдно появился с Констанцией и тем самым развеял слухи, что с принцессой дурно обращаются. Поэтому Стефан и настоял, чтобы сын привез супругу на турнир.

Милдрэд слушала, не особенно вникая. Ее волновало другое: наследник короля Стефана – страшный человек, для которого не существует ни божеских, ни человеческих законов. И то, что он прибыл с законной женой, с Констанцией, для Юстаса это только досадное препятствие, какое он легко обойдет. Присутствие в Лондоне короля и высшей английской знати? Здесь для Милдрэд все же была определенная надежда: Юстас – наследник Стефана, он нуждается в расположении высших лордов королевства.

Помедлив, она сказала об этом епископу.

Генри пожевал своими пухлыми губами, размышляя.

– Все так, дитя. Но неужели я зря выбрал для вашего укрытия Монтфичер? Зря расположил тут столько охраны? Надеюсь, Юстас поймет, что исчезновение благородной леди из-под опеки английского примаса¹⁹ вызовет настоящий переполох. Однако, милая девушка... Внемлите моему совету и постарайтесь не привлекать к себе внимания королевского сына. Более того, я пришел просить вас не присутствовать на предстоящем турнире.

Даже так? Милдрэд задумалась. Как она объяснит подобный отказ родителям? К тому же на турнире будет Артур! И Милдрэд нужно сделать так, чтобы отец и мать обратили на него внимание. Артур будет сражаться за их любовь, и ее родные должны видеть, что их дочь выбрала достойного. Об этом они и условились сегодня с возлюбленным. И вот ее вынуждают отказаться от их планов, выкручиваться и лгать родителям, что может вызвать их подозрение, ибо они не привыкли, чтобы Милдрэд вела себя подобно монахине, когда предлагается такое увеселение, как большой рыцарский турнир.

Она ответила епископу отказом. Генри Винчестерский вздохнул. Что ж, именно этого он и ожидал. Рыцарский турнир слишком привлекательное зрелище, чтобы юная леди отказала себе в удовольствии посетить его. И он только сказал, что постарается устроить гронвудских гостей в конце трибуны, так чтобы Юстас не мог видеть их со своего центрального места, а саму девушку попросил вести себя тихо, не устраивать вокруг себя водоворот поклонников, что, как он слышал, ей присуще, и не раздражать Юстаса излишним вниманием к жениху.

К Эдмунду? Милдрэд заверила, что она будет сама скромность.

На том они и распростились. Причем Милдрэд, нравился ей Генри Винчестерский или нет, вынуждена была поблагодарить его за заботу.

Рыцарские поединки должны были проходить на большом Смитфилдском поле за пределами Сити. Это место издавна было местом ярмарок и торгов лошадьми, а само поле в древности носило название Смусфилд – гладкое место, пустырь.

Большая арена Смитфилда располагалась между длинными амфитеатрами с местами для зрителей. Трава на арене была выкошена, а в торцах ограждений были устроены ворота для выезжающих на поле поединщиков. За воротами виднелись пестрые шатры рыца-

¹⁹ Примас – почетный титул главнейших епископов.

рей-участников, вокруг которых крутились оруженосцы, проводившие лошадей конюхи, суеились оружейники и кузнецы, готовые подлатать или исправить огрехи в вооружении и доспехах рыцарей. Да и вообще, все огромное пространство Смитфилда казалось донельзя оживленным из-за сновавших туда-сюда людей. Это были продавцы снеди и лоточники с напитками, торговцы мелким товаром, бродившие в толпе продавцы священных реликвий, а также воришки, шлюхи, обычные зеваки – все, кто рассчитывал извлечь выгоду или просто повеселиться при таком скоплении народа. Их даже приходилось отгонять от шатров рыцарей, дабы те могли спокойно собраться перед началом состязаний, облачиться в доспехи, опробовать коней или помолиться.

Ближе к полудню к ристалищу потянулась знать. И каждый, кто прибывал, вызывал интерес зрителей; их разглядывали и обсуждали, как принято обсуждать известных людей.

– Смотрите, смотрите, граф Херефорд прибыл! Как он хорош, как искусно правит своим великолепным скакуном!

– Говорят, он не будет принимать участие в состязаниях.

– Не будет, однако его пригласили стать одним из судей турнира. Не только же этим французам из-за моря судить наши поединки.

– Но у французов турниры проводятся постоянно. Говорят, сама королева Элеонора покровительствует подобным состязаниям и разбирается в них не хуже иных знатоков.

– Да что нам до этих лягушатников за морем? Поглядите лучше, кто едет – целый отряд тамплиеров! А они воины из лучших!

– А я слышал, что на турнире будет сражаться и рыцарь из соперничающего с тамплиерами ордена Святого Иоанна. Вот было бы славно, если бы он сбил спесь с храмовников.

– А из-за чего они соперничают?

– Кто их разберет. Но его шатер вон там, возле желтого, с извивающимся драконом шатра Эдмунда Этелинга, потомка саксонских королей.

– Этелинга? О, он славно воевал против анжуйцев прошлой осенью. Даже новоявленный граф Уилтширский Геривей Бритто его хвалил.

– Ах, что нам эти похвалы заносчивых норманнов! Главное, чтобы Этелинг показал, что и саксы обучены нормандской забаве преломлять копья.

– А вы слышали, что благородный Хорса отказался принять участие в турнире и уехал неизвестно куда?

– Чтобы наш Хорса да потворствовал нормандским забавам? Он слишком горд. Зато я знаю, что главным судьей-распорядителем турнира будет Уильям д'Обиньи, граф Арундел по прозвищу Сильная Рука. Причем он даже сам решил сразиться на ристалище, хотя и настоял, чтобы ему выбирали достойных поединщиков, но никак не юнцов, которых немало приехало на турнир и победа над которыми не принесет ему чести. Да и неинтересно.

– Так уж и неинтересно. Эти молодые и рьяные сынки рыцарей еще покажут себя. Ведь надо же парням где-то отличиться. Да и выгодно им участвовать в турнире, учитывая, что оружие и лошадь побежденного достаются по праву выигрыша. А это целое состояние.

– Да ладно вам. Вон, смотрите, Гуго Бигод появился. Забавно, еще год назад он сражался с нашим королем, а теперь едет подле благородного Лестера как ни в чем не бывало.

– А вон прибыл и сам Генри Винчестерский. Ишь как вырядился – сплошной шелк и атлас. И этот человек стремится доказать, что он все еще клюнийский монах? Но кто это с ним?

– Это Эдгар, барон Гронвудский. Благородный сакс, с которым считаются даже надменные норманны. А его дочка отвергла сватовство самого Херефорда, чтобы сочетаться браком с Эдмундом Этелингом! Того и гляди, они возродят старую королевскую династию.

– А где же она сама? Может, это та красавица в саксонской шали и узорчатом венце, что едет подле барона Эдгара?

– Да нет, это супруга Эдгара, леди Гита Гронвудская. А красавица Милдрэд... Ба, ба, ба, да милашка прячет свою красоту под вуалью. Это что – гордость или скромность?

Милдрэд и впрямь удивила родителей, пожелав одеться на турнир в скромное блио²⁰ из дымчато-серого бархата и покрыв голову голубой вуалью, легкой, как дуновение ветерка. Это так не походило на модницу Милдрэд, что ее родители озадачились, а леди Гита еле уговорила дочь украсить голову узким обручем с молочно-голубоватым камнем по центру, называемым «лунным».

Но сейчас, подъезжая к ристалищу, озираясь и рассматривая все это великолепие, девушка не удержалась, чтобы не откинуть складки вуали и получше все рассмотреть. Столько людей явилось в своих лучших нарядах и украшениях, как ярко украшены помосты для знати! И повсюду развевались пестрые штандарты, трепыхались на ветру флажки, а центральная королевская ложа была увита гирляндами цветов.

Генри Винчестерский, как брат короля, отправился к этому помосту, а барону с семьей надлежало занять места ближе к западным воротам ристалища.

– Это неплохое место, – отметил Эдгар. – Отсюда хорошо видно место сшибки и мы сможем рассмотреть любого из въезжающих в ворота участников турнира.

К тому же рядом находилась ложа графини Арунделской, бывшей королевы Аделизы, ставшей после кончины супруга Генриха Боклерка женой Уильяма д’Обиньи. Гронвудская чета дружила с этим семейством, они радостно приветствовали графиню, а Милдрэд обнялась с ее старшими дочерьми.

– Вы сегодня в сером! – удивлялись девушки. – А мы-то опасались, что известная щеголиха Милдрэд Гронвудская затмит нас своими нарядами. А как вам наши блио? Смотрите, у нас вдоль рукавов даже нашиты парчовые фестоны!

И пока Милдрэд расхваливала их одеяния, барон Эдгар и графиня Аделиза стали обсуждать принятые на этом турнире правила.

Основная цель конно-копейной сшибки заключалась в том, чтобы выбить противника из седла или «преломить» свое копьё о его щит. В первом случае демонстрировались сила и ловкость, во втором рыцарь показывал свое умение выдержать удар копья, не упав с лошади. Было известно, что рыцари, коим выпало сражаться друг против друга, должны участвовать в трех конных сшибках. Это при условии, если первая же из сшибок не покажет, кто сильнее. Распорядители турнира, чья ложа располагалась по самому центру напротив королевской, будут следить за боями и определят, кто выиграл, а также отмечать, чтобы не нарушались правила, какие были приняты на турнирах. К примеру, надо, чтобы лука седла была определенной высоты, нельзя наносить удар ниже пояса противника, нельзя целить в коня – это вообще позор.

Все эти правила сводились к одному: уменьшить увечья и избежать гибели кого-то из участников. Для этого на острия копий были надеты деревянные брусочки. Король Стефан лично настоял на подобном усовершенствовании, причем все копия изготавливали его мастера и за них заставили заплатить рыцарей – участников состязания. Это вызвало множество нареканий. Люди приезжали на турнир за славой, связями и возможностью обогатиться, а тут плати еще до того, как все началось. Да и за право состязаться велено было внести определенный налог. Поговаривали, что королевская казна вконец опустела, раз Стефан прибегает к подобным мерам. Но обыватели всегда любили поворчать насчет своих правителей, зато, когда заревели трубы, возглашая, что король с семьей приближается к ристалищу, все от души принялись орать и славить Стефана, устроившего для них столь желанное развлечение.

²⁰ Блио – модное в описываемую эпоху одеяние: верхнее платье, плотно облегающее тело благодаря шнуровке, но с расширяющимися длинными рукавами и шлейфом.

Король Стефан и его королева Мод неспешно ехали на прекрасных белых андалузцах²¹ и смотрелись отнюдь не как правители, у которых пустая казна. На обоих были изысканные короны с зубцами из крестов и лилий, алые мантии с горностаевым оплечьем. Однако многие отметили, каким усталым выглядел Стефан: он исхудал, под глазами темнели мешки, да и сами глаза казались какими-то тусклыми, словно даже сияние этого праздничного дня его не сильно ободрило.

Рядом с ним королева Мод держалась с большим самообладанием. Она была волевой женщиной и не раз приходила на помощь мужу в самые трудные минуты, собирая войска, расплачиваясь с наемниками, отправляя отряды. Король любил и ценил свою супругу, и это при том, что она была далеко не красавицей: коренастая и невысокая, с резкими чертами лица и вечно нахмуренными бровями, рано состарившаяся, но все еще энергичная. Правда, ходили слухи, что в последнее время королева стала прихварывать. Тем не менее в этот день она держалась бодро и приветливо, махала своему народу рукой и улыбалась. Не так часто в последнее время можно было увидеть Мод улыбающейся.

Зато ехавший за королевской четой принц Юстас был по своему обыкновению мрачен. Он был одет в длиннополый бархатный камзол рыжего цвета, но с черной пелериной, на которой особенно выделялась великолепная золотая цепь, сверкающая на солнце. У пелерины был жесткий высокий ворот, и принц ехал, слегка склонив голову, словно стараясь скрыть нижнюю часть лица. Но всем было известно, что у Юстаса нездоровая кожа, что шея и нижняя часть лица изъедены рубцами и шрамами от залеченных язвочек, отчего даже довольно приятные черты лица не делали его привлекательным. Одно время поговаривали, что сын Стефана едва ли не прокаженный, однако он так рьяно сражался в прошлом году, что эти слухи как-то постепенно сошли на нет. И все же в народе болтали, что мало кто способен выдержать его взгляд и мало кто может не опасаться за свою жизнь, если в чем-то не угодил ему.

В Юстасе была какая-то сила, приковывающая к нему внимание настолько, что почти никто не смотрел на Констанцию Французскую, находившуюся подле него. Да и что там смотреть? Ну разве чтобы убедиться, что слухи о ее помешательстве преувеличены, конем она правит умело, а если и знали, что она хорошенькая, то в ее широком лиловом одеянии и опущенной на лицо вуали мало что можно было рассмотреть.

Зато следовавших за ними новобрачных приветствовали от всей души – криками, аплодисментами и пожеланиями счастья. Второго сына Стефана Вильгельма Блуаского в народе прозвали Вильям Душка. У него были круглые румяные щеки, длинные золотистые кудри, приятная улыбка... и никакой значимости в лице. Так мог бы смотреться и сыночек лавочника или крестьянина с короной на голове. Было известно, что Вильгельм добр и обходителен, но этим его добродетели и исчерпывались. Ни ума, ни воли, ни желания править.

Зато доставшаяся ему в жены графиня Суррей, шестнадцатилетняя Изабелла де Варен, была наследницей самого крупного в Англии состояния. Она была прехорошенькая: нарядная, улыбавшаяся, темноглазая. Подле нее ехала младшая дочь Стефана Мария, одетая просто и непрезентабельно, и, как шла молва, сия принцесса больше всего желала стать монахиней.

Когда члены королевской семьи заняли свои места, Стефан поднял руку, и тотчас трижды прозвучали фанфары, призывая к тишине. Стефан сказал короткую речь, заявив, что очень рад тому, что столько славных рыцарей прибыло на лондонский турнир, а потом дал знак лорду-распорядителю начинать парад участников состязаний. И когда с новым сигналом труб одетые в броню рыцари на великолепных лошадях стали въезжать на арену, зри-

²¹ Лошади андалузской породы, выведенной в Испании. Андалузцы отличались танцующим легким аллюром, движения их кажутся несколько картинными. На таких лошадях любили показываться народу правители.

тели каждого встречали громкими овациями и пожеланиями удачи. Маршалы, надсаживая горло, выкрикивали их имена и девизы, сообщали, кому с кем выпало сражаться по жребию.

— О, сколько тут новомодных закрытых шлемов! — заметила баронесса Гита, разглядывая участников состязаний, многие из которых и впрямь были в скрывавших лица топхельмах. — Но как же тогда различать их в бою?

— По гербам на щитах, — пояснил ей муж. — Видишь, большинство рыцарей велели не просто оббить металлом свои щиты, но и разукрасить их специальными опознавательными знаками.

Графиня Аделиза склонилась к Эдгару и Гите:

— А известно ли вам, что несколько участников состязаний пожелали остаться неузнанными? И будут выступать инкогнито.

— Я слышал, что такое бывает, — отозвался Эдгар. — Говорят, на континенте это стало обыденным явлением... если такое вообще может быть обыденным. Ибо ничто так не интригует зрителей, как рыцарь без имени, особенно если он отменно сражается и рассчитывает на приз. Но, возможно, так пытаются выделиться и малоизвестные рыцари, опасющиеся, что они не столь достойно проявят себя на рыцарских состязаниях.

— Но как же тогда можно учесть, что участник принадлежит к достойному роду, если он не называет свое имя? — спросила леди Гита.

Графиня Аделиза с уважением взглянула на эту саксонку, которая только недавно приехала из отдаленного Норфолкшира, но так разумно рассуждает о порядках рыцарских состязаний.

— Ну, во-первых, сами доспехи, конь и воинская выучка вряд ли могут быть у простолюдина, будь он даже сыном золотых дел мастера. Благородные бои — это в крови рыцарства, всю жизнь посвятившего себя войне. К тому же, как бы ни скрывали свои имена пожелавшие остаться неизвестными рыцари, они обязаны назвать себя тем, кто вносит их имена в списки. Но тайна должна оставаться тайной, и эти списки не выставляются на обозрение без особой на то нужды. Хотя...

Тут бывшая королева с теплотой посмотрела на своего мужа, принимавшего парад участников.

— Уильям сказал мне, что в состязаниях примет участие некий рыцарь-госпитальер. Его имя священник не записал. Да и незачем это. Ведь в рыцарский орден поступают только дети из благородных семей.

— Я слышал об этом крестоносце от командора Осто де Сент-Омера, — заметил Эдгар. — И это его не порадовало. Ибо госпитальеры становятся все более популярными в Европе, ныне им покровительствует даже императрица Матильда, а это, возможно, означает, что госпитальер явился как ее шпион.

Взволнованная Милдрэд решила вмешаться.

— Просто твои тамплиеры, отец, переживают, что госпитальер прибыл просить короля покровительствовать еще одному орденскому братству. И самоуверенным храмовникам этого совсем не хочется, — заявила девушка. Она произнесла это излишне запальчиво.

Эдгар с удивлением посмотрел на дочь.

— С каких это пор у тебя столь нелестное мнение о тамплиерах? Ведь они даже простили тебе, что ты сбежала от них с острова Уайт. Если бы не это, они бы так не спешили бы в Бристоль, их корабль не потонул бы в водах Канала и твоя свита не погибла бы.

Милдрэд растерялась. Опять эта ложь... на какую вынудил ее епископ Винчестерский! И пока она размышляла, что ответить, ее отвлекла мать:

— Милдрэд, взгляни, Эдмунд подъехал. Следует дать ему отличительный знак, чтобы он мог сразиться в твою честь!

Девушка повернулась к арене, где перед их ложей на крепкой светло-рыжей лошади сидел ее жених. Он был в кожаной куртке, надетой поверх длинной кольчуги, и в округлом шлеме с опущенной пластиной забрала, скрывавшей верхнюю часть лица. Эдмунд склонил к перилам свое копьё с шариком на острие и посмотрел на свою невесту.

– Вуаль, – подсказала дочери леди Гита. – Отдай ему вуаль. Тогда все будут знать, что Эдмунд Этелинг прославляет тебя своими подвигами.

Видя, что девушка медлит, обычно спокойная баронесса сама скинула с дочери головной обруч и передала ее вуаль Этелингу.

– Похоже, и вас, миледи, раззадорили эти состязания, – засмеялся барон Эдгар, глядя на свою воодушевленную и веселую жену.

Но не только леди Гита была оживлена в преддверии рыцарских игр. Ведь это были не только мужские состязания, но и возможность для дам показать, что и они что-то значат в этом мире. Ибо рыцарям полагалось прославлять красоту женщин. Недаром столько участников турнира, прогарцевав по арене, спешили к трибунам, посылали воздушные поцелуи, склоняли копьё, высматривали прелестниц, расположением которых хотели заручиться. И уж тут надо было решить, ждать ли милости от своей супруги или постараться отличиться в глазах прекрасной незнакомки, которая снизойдет, чтобы отдать избраннику свой шарф, перчатку или вуаль. Иметь свою даму становилось так модно! О, сколько знакомств завязывалось во время турниров, сколько потом могло возникнуть браков, сколько родственных связей! Даже суровые саксонские таны, пренебрежительно относившиеся ко всяким куртуазным нововведениям, и те снисходительно смотрели на подобные правила и даже подталкивали своих родственников: смотри – у того рыцаря нет еще дамского талисмана, отметь его, а там... Что может быть за этим «там», знала только женщина. Недаром они принарядились, недаром так желали блистать. Это вам не просто брачная сделка... это нечто более волнующее, приятное, многообещающее...

Пожалуй, в другое время и Милдрэд была бы переполнена этим общим женским ликованием. И не отворачивалась бы, когда тот или иной из рыцарей гарцевал перед ее ложей в надежде, что и ему пожелает удачи эта известная красавица. Сейчас же Милдрэд отметила лишь две вещи: во-первых, она увидела, что принц Юстас склонился через перила и наблюдает, как Эдмунд Этелинг мчится по ристалищу, гордо подняв копьё с ее развевающейся голубой вуалью. А во-вторых...

– Смотрите, сюда едет госпитальер! – воскликнула она, непроизвольно сжав руку матери.

Да, это был ее Артур. Милдрэд во все глаза смотрела, как он ловко выехал на арену, как вскинул копьё, когда маршал турнира выкрикнул, что перед зрителями рыцарь ордена Святого Иоанна, пожелавший сражаться инкогнито. Многих привлекла такая таинственность, и они с любопытством смотрели на его черное облачение с белым крестом, на закрытый топхельм из вороненой стали. Ловкость, с которой всадник управлял конем, и непридуманная грация его движений сразу расположили к нему сердца зрителей. Проезжая вдоль галерей, госпитальер изящным движением склонил копьё, приветствуя короля и вельмож; под ним гарцевал длинногривый конь с металлической пластиной на лбу, звенела его упряжь. Барон Эдгар, хорошо разбиравшийся в лошадях, отметил, что такой конь явно имеет благородную примесь арабских кровей, но изумленно умолк, когда госпитальер пронесся мимо трибун и... склонил копьё к перилам ложи, где сидела Милдрэд.

Девушка опешила. Ну и озорник ее Артур! Или забыл, что орденские рыцари не должны проявлять внимание к прекрасным леди? Однако все равно она была счастлива, когда торопливо срывала с руки длинную шелковую перчатку. На турнире многие дамы, надеясь на внимание рыцарей, принесли с собой по несколько вуалей, лент и шарфов. Мил-

дрэд же, как обрученной девице, подобное не полагалось. Но то, как она накинула перчатку на копьё крестоносца, свидетельствовало о ее искренней радости.

– Он не должен был делать этого, – заметил Эдгар. – К тому же у тебя есть жених, которому ты уже дала знак своей благосклонности.

Но Милдрэд было все равно. Она так и сказала: все равно! Она желает удачи этому крестоносцу в черном!

У шатра Артура поджидали Гай, Рис и Метью, и, когда он спешился, тут же получил легкий тумак от Гая.

– Я ведь велел тебе не выделяться! А вы... двое безрассудных детей!

Гай облачился в одежду оруженосца: на нем были кожаный доспех с округлым металлическим шлемом и наглазье, скрывавшее лицо. Почти так же были одеты Рис и Метью. Причем Метью уже давно надоело носить это наглазье, он откинул его, как козырек, и невозмутимо сказал Гаю, что он в последнее время отпустил такую бороду, что вряд ли кто узнает в нем бывшего монаха. Даже Херефорд, который сидел среди судей-распорядителей турнира.

Сейчас Метью с интересом рассматривал коней и упряжь крутившихся вокруг рыцарей, даже давал советы Артуру: если уж его приятелю выпало по жребию выступить против того рыцаря из Лестершира – и Метью указал на него рукой, – то неплохо бы после выигрыша заграбастать его коня. Такой буланый стоит не менее стада коров. Ну и доспехи потянут не меньше. Бывшего монаха Метью в этих игрищах больше всего интересовала материальная выгода. Он даже сумел познакомиться с парой-тройкой торговцев, занимавшихся скупкой доспехов и лошадей.

Но тут парад рыцарей-участников подошел к завершению, громогласно протрубили трубы, призывая к тишине, а маршал-распорядитель вызвал на ристалище первых по жребию бойцов.

Этот поединок обещал быть красивым, ибо первым на ристалище выехал сам прославленный Уильям Сильная Рука, супруг Аделизы, а соперником ему был один из рыцарей-тамплиеров. Схватка наверняка будет увлекательной!

Едва маршал-распорядитель махнул ярким вышитым полотнищем, как оба противника, пришпоривая и понукая коней, понеслись навстречу друг другу, а трибуны заорали, зашумели, замахали руками. Рыцари сшиблись в самом центре арены, их копыта разлетелись в щепы, а они, не замедляя бега своих скакунов, пронеслись до конца ристалища, приняли у оруженосцев очередные копыта и вновь понеслись навстречу друг другу. Опять удар и слованные копыта. Так же блестяще оба рыцаря выдержали и третий удар.

Теперь судьям предстояло оглядеть их оружие, решив по обломкам копий, кто же все-таки более умелый боец. И так как копыта д'Обиньи были более расщеплены, а их древки более короткими, то именно его удары посчитали сильнейшими и он был признан победителем.

– Примите мои поздравления, миледи, – улыбнулся Эдгар своей соседке по ложе.

Глаза Аделизы сияли.

– О, я знала, за кого выхожу замуж, что бы вокруг ни говорили, будто я уронила достоинство, став супругой графа после короля!

А ее дочери и младшие сыновья так прыгали и верещали, что доски на трибуне ходили ходуном, и Милдрэд даже заволновалась, выдержат ли они столь бурное ликование.

Но возводившие зрительские помосты мастера постарались на славу, ибо помостам предстояло выдержать не один приступ ликования толпы. И как же увлекательно было наблюдать за вновь и вновь сходявшимися рыцарями-участниками, смотреть, как кто-то вылетал из седла после первого же удара, а кто-то выдерживал натиск и сражался во всех тройных сшибках, однако такой тройной бой выдерживали далеко не все. Некоторые с пер-

вой же сшибки были так оглушены, что во второй уже промахивались, не попадая в соперника, некоторые роняли от удара щит и сползали настолько, что лишь чудом удерживались в седле и доезжали до конца арены. Да и просто потерянное во время удара стремя считалось поражением. И уж совсем развеселились зрители, когда один из участников, загадочный, выступавший инкогнито, не просто упал с коня, а еще и запутался ногой в стремя и взбудораженный конь протащил его через всю арену, доставив оруженосцам уже в бессознательном состоянии. А когда с него сняли шлем, то оказалось, что это совсем молодой рыцарь из Суррея, это его первый турнир... и как бы не последний, так как у парня было сильно вывихнуто плечо и пошла ртом кровь. Ничего, монахи из расположенной неподалеку лечебницы Святого Бартоломею обязались взять на себя лечение изувеченных на турнире, и пострадавшего парня спешно отнесли туда на носилках.

– Ох, уж эти рыцари из захолустья, – заметил жене Эдгар. – Им так хочется славы, что они совсем не думают, чем для них может обернуться подобное состязание.

– А разве ты сам не был таким же? – лукаво улыбнулась леди Гита и коснулась пальчиками его руки, покоившейся за отворотом широкого рукава. – Разве и ты не начинал с таких вот опасных поединков? И все же... О, посмотрите, Эдмунд Этелинг готовится к бою.

Эдмунд и впрямь выехал на арену, опустил забрало и принял из рук оруженосца длинное копьё. По первому звуку трубы он послал вперед своего сильного рыжего коня, так что легкая голубая вуаль невесты за его плечом взлетела, красиво развеваясь. И Эдмунд не опорочил славы своей избранницы, сбив соперника с коня с первой же сшибки. Зрители рукоплескали ему, и Милдрэд тоже пришлось улыбнуться, когда он подъехал и вздыбил дико хрюпящего, еще не отошедшего от поединка скакуна перед ее трибуной.

У дальних ворот арены Гай и Артур наблюдали, как довольный своей победой Эдмунд соскочил с коня и, скинув шлем, жадно пил принесенное оруженосцем пиво.

– Как бы вы посоветовали мне биться с ним? – спросил Артур. – Нет, он не значится моим соперником на сегодня, но в будущем...

Гай немного подумал.

– У этого сакса хороший, крепкий конь, да и сам он хоть и тучен, но достаточно мощный и ловкий. Его простым ударом не свалить, но если бить, скажем, в верхний край щита, чтобы тот ударил по корпусу у горла...

Он не договорил, так как примчался взволнованный Рис и сообщил, что маршал-распорядитель велел им подготовиться, ибо через поединок сшибка Артура с рыцарем де Ревеллем.

Гай наблюдал за сыном. Тот держался спокойно, правда, стал необычайно молчалив. Гай стоял возле его коня, подтягивал подпругу и давал последние наставления:

– Главное – следи за направленным в тебя копьём, пытайся предугадать, куда он будет бить. Я узнавал про этого де Ревелля, он сражался в войсках графа Глочестера, а ты знаешь, что большинство его людей скорее хорошие воины, нежели турнирные бойцы. Но я тебя достаточно подготовил, да и Султан будет тебе хорошим помощником. И ты справишься, сынок!

Слышал ли его Артур, было непонятно. Его лицо скрывалось за шлемом, а сам он напоминал черную с серебром, неподвижную статую. Он молча принял от своего наставника широкий, сужающийся книзу щит, на темном фоне которого белел широкий крест госпитальеров. Артур был самозванцем, и поражение грозило ему разоблачением и позором. Он не мог этого допустить!

– Не сробею, Бог поможет! – воскликнул он и вывел коня на положенное место.

Настроился, разглядывая своего соперника. И едва впереди взмыло и опало при взмахе алое полотнище распорядителя, он так прищипорил коня, что Султан заржал и понесся вперед, заглушив стуком копыт даже где-то гремевший глас трубы.

Первая сшибка прошла для Артура удачно. Но треск копья был столь резкий и оглушающий, что Артуру показалось, будто это затрещали его кости. Однако он не выпал, он усидел в седле! И теперь Султан нес его туда, где на другом конце арены стоял с длинным очередным копьем маленький Рис.

Разворачивая коня, Артур выхватил у него древко и поскакал на вторую сшибку. Опять топот, свист ветра и напряжение во всем теле. Копье уверенно приняло нужное положение. Артур постарался ударить прямо в край щита противника, как только что советовал ему Гай, говоря про Эдмунда.

Удар!

Второй раз это было не так страшно. Артур даже подался вперед, а не откинулся на заднюю луку, как было в первой сшибке. Но главное – он не промахнулся... и даже не ощутил удара противника.

Галопом домчавшись до края арены, он уже хотел принять у Черного Волка следующее копье, но Гай вдруг отбросил его, и они с Метью почти повисли на морде храпящего Султана.

– Артур, успокойся, ты победил! Этот де Ревелль промахнулся и потерял стрема. Это поражение для него! Это твоя победа, малыш!

Артур медленно переводил дух, даже слышал, как засвистел выдыхаемый им сквозь прорези закрытого шлема воздух. Он победил? О, он победил! Это его первая победа!

Он тут же посмотрел в сторону ложи Милдрэд. Хотел даже поскакать туда, но только что смеявшийся и хлопавший его по колену Гай решительно удержал вороного, взяв лошадь под уздцы.

– Не глупи! Хватит того, что у тебя на плече ее перчатка. А то скоро тамплиеры вереницей явятся сюда выяснять, разрешено ли иоаннитам только принимать женщин в свой орден или они еще и сражаются в их честь.

Юноше пришлось смириться, хотя он видел, как Милдрэд, склонившись через перила, так что ее длинные волосы повисли вдоль лица, машет ему рукой.

– Вы видели, как он победил! – почти кричала она изумленным родителям. – Отец, что ты скажешь по поводу его боя?

– Тебя так заинтриговал этот госпитальер, девочка? Что ж, неизвестное всегда привлекательно. А что я скажу? Да, он сражался с умом. Он не такой мощный, как Ревелль, поэтому думал о поединке, а не бил прямо, как таран. Ему было бы трудно свалить такого бойца и он рассчитал, куда нанести удар. Я видел, как рыцарь поменял упор копья во второй сшибке и оно пошло вверх. И он так оттолкнул своего соперника при ударе, что тот невольно отвел копье и промазал. Что ж, клянусь честью, этот парень провел хороший бой.

Восхищенная Милдрэд даже расцеловала отца. И почти не обратила внимания, что с арены чьи-то оруженосцы уносили тело очередного поединщика, который упал после удара Вальтера Фиц Миля, и теперь брат графа Херефорда с видом победителя объезжал арену.

Вновь звучали трубы, опять выезжали на поединки рыцари. И снова Эдмунд Этелинг ловко преломлял копья о своих противников и неся к трибуне невесты, показывали боевые умения тамплиеры, дивил мастерством и выучкой седой граф Арундел. Проиграл первый же поединок граф Глочестерский, чем вызвал довольную улыбку на лице короля Стефана. Он не любил родственника своих соперников анжуйцев, хотя и пригласил графа в свою ложу, чтобы как-то развеять его разочарование от поражения.

Артуру еще дважды пришлось драться. Причем первый раз он сразился с Фиц Джилбертом, рыцарем, которого неплохо знал и который даже подошел к госпитальеру, учтиво представившись перед поединком. Это было галантно, но Артур догадывался, что за учтивостью Фиц Джилберта скрывалось намерение разгадать, кто таков загадочный госпитальер. Ничего у него не вышло. Более того, в первом же поединке Артур нанес ему такой

удар, что Фиц Джилберт откинулся на круп лошади, выронил копье и лишь чудом не свалился на землю, прежде чем его потерявшего управление коня поймали оруженосцы. Второй поединок Артур провел просто блестяще: трижды выехал на сшибку и трижды преломил копье с таким мастерством, что распорядители турнира даже не очень спорили, признав, что именно он превзошел своего противника в мастерстве.

– Кажется, я начинаю входить во вкус, – произнес Артур, зайдя в свой шатер. Он отпустил затянутые под горлом ремешки закрытого топхельма, снял его и жадно приник к протянутой Рисом чаше. Правда, невольно застонал от резкого движения.

Гай понял, в чем дело, и велел Артуру разоблачиться, чтобы помассировать ему спину.

– У тебя сегодня остался только один бой, – говорил он, разминая мышцы юноши. – И твоим соперником будет не кто иной, как Вальтер Фиц Миль. Ты ведь его знаешь, поэтому можешь предугадать, как он будет бить.

Они еще обсуждали, на что способен брат Херефорда, когда за пологом шатра раздался громкий голос Метью, с кем-то разговаривавшего. Гай прислушался и поспешил к выходу.

Его не было довольно долго, Артур успел передохнуть и вновь стал облачаться в доспех, когда вернулся озабоченный Гай.

– Вот что, парень, неважные дела, клянусь волосами Пречистой Девы! Похоже, тобой заинтересовался сам Вильям Ипрский, граф Кент. Он попросил распорядителей турнира дозволение поменяться с Вальтером для поединка с тобой. И будет лучше, если ты проиграешь ему.

Артур как раз шнуровал наручни. Он так и замер, услышав совет Гая.

– Я не ослышался, сэр? Вы предлагаете мне проиграть?

– Да. Ты, конечно, окрылен успехом, но учти, Вильям Ипрский – лучший военачальник короля Стефана и просто великолепный воин. Не стану утверждать, что он обязательно победит тебя, но... он и не должен тебе проиграть. Постарайся сыграть с ним вничью или даже уступить. Иначе... Видишь ли, твоим плащом госпитальера и так многие заинтригованы, а если ты сразишь этого прославленного вояку, тебе придется предстать перед королем и открыть свое имя. И если они станут визнавать... Учти, даже если ты назовешься Артуром ле Бретоном, люди короля станут наводить о тебе справки и могут выяснить, что онный госпитальер состоял при императрице, а то и прознают, что ле Бретон был прислан с поручением в Англию.

Артур неотрывно смотрел на Гая. На его скулах напряглись желваки.

– Я не уступлю! Иначе как я смогу смотреть в глаза отцу Милдрэд? Как дам понять, что не хуже этого увальня Этелинга, который не проиграл сегодня ни одного сражения!

– При чем тут это? Учти, ты не должен привлекать к себе внимание, а для своей саксонки ты и так сделал достаточно.

Артур молчал. Его уже вызвали на поединок, и он спешно шнуровал топхельм.

Когда он сел на коня, граф Кент уже ждал его в противоположном конце арены на огромном буром жеребце. Артур окинул его взглядом. Очень сильный противник – широкий в плечах и груди, в добротной кольчуге со стальным нагрудником, закрытый щитом с изображением позолоченной башни на светлом фоне. Его горшкообразный топхельм был увенчан таким же изображением зубчатой башни, и она горела в лучах солнца, придавая рыцарю особенно устрашающий вид.

– Помни, что я сказал, – услышал Артур голос Гая. – Сам король заинтересован в победе Вильяма Ипрского.

Он еще что-то говорил, но Артур уже не внимал ему, полностью сосредоточившись на графе Кенте. Вокруг стало так тихо, что был слышен скрип песка под копытами Султана. Его вороной уже отдохнул, переминался, жаждающая скачки. Но и Артур жаждал ее. Он успел почувствовать вкус победы, ему было до боли жаль терять добытое таким трудом и упор-

ством. К тому же на него смотрит Милдрэд. А у плеча Артура приколоты ее нежная голубая перчатка. Так неужели он не попытается прославить свою даму?

Рывок. Султан почти взвился на дыбы и рванул с места в карьер, быстро набирая ход. Навстречу несся мощный граф Кент. Казалось, сейчас он, словно былинку, сомнет стройного, менее крепкого госпитальера. Артур ударил в левый край щита графа, и того слегка развернуло при наскоке, так что ответный удар не был прямолинейным и лишь скользнул по щиту Артура, нанеся куда меньший урон. И все же сшибка получилась сильной, и лошади противников, взвившись на дыбы, стояли так какое-то время, отчего казалось, что оба всадника вот-вот опрокинутся вместе с лошадьми. Но поскольку Султан был под более легким наездником, он первый упал на все четыре ноги и, храпя, понесся дальше. Сзади тяжело бухнули и застучали копыта мощного жеребца графа Кента.

От волнения Милдрэд вскочила со своего места и громко вскрикнула. Кричали и другие зрители, восхищенные боем. В этом шуме девушка едва различила, как ее отец произнес:

– Под госпитальером просто отличный конь, он выиграл ему время. Теперь он успеет набрать больший разбег.

Артур стремительно выхватил у Риса протянутое ему следующее копьё. Он был в таком азарте, что почти ничего не соображал. Вороной Султан упруго выбрасывал ноги, все больше набирая скорость. Кент только-только взял новое копьё и понукал жеребца, чтобы тот поскорее выходил на сшибку. Уже в следующее мгновение он со всей своей мощью поскакал навстречу госпитальеру.

И тут Кент применил особо опасный прием. При встрече он не просто наскочил на противника – он сделал копьём выпад вперед, ударив первым. Артура рвануло в седле, он вскрикнул, но, тем не менее, нанес удар, так что его копьё разлетелось. Когда он доскакал до края ристалища, Гай крикнул:

– Ты попал в луку его седла! Удар не засчитан. Все верно, теперь ты можешь биться с ним на равных.

Да, теперь Артур терял преимущество. И если противник выдержит и третью сшибку, именно госпитальер будет считаться побежденным. Но разве крестоносцы привыкли уступать?

Артура охватила ярость. Он забыл, кто он, забыл, против кого сражается, забыл все советы мудрого Гая. Он хотел победить. Он был рожден побеждать! И это было для него главным!

Нет лучшего способа сравнять очки, как выбить противника из седла. Но разве возможно свалить такую гору, как граф Кент? Лучшего и самого прославленного воина короля Стефана! Соперник приближался. Артур видел, как горит вызолоченная башня на его шлеме. И в последний момент направил наконечник копья на шлем.

Выпад в голову был верхом мастерства и считался самым трудным: можно было скользнуть по шлему и не попасть в цель. Но при удачном ударе он был, по сути, неотразимым. И хотя от силы выпада Кента Артур почти откинулся на круп лошади, вскрикнув от боли в спине и едва удержав щит, он краем глаза заметил, как взбрыкнул выпавший из седла соперник.

Есть! Он победил!

Артур даже не слышал топота копыт Султана – такой стоял вокруг шум. Зрители подсакивали и кричали, восхищенные красивым поединком. Все видели, как менее крепкий госпитальер благодаря своему мастерству смог свалить такого бойца, как фламандец Вильям Ипрский, настолько прославленный, что Стефан за отвагу наградил его английским титулом графа Кента. И все же фламандцев в Англии не больно жаловали. К тому же такая победа над главным сторонником короля обрадовала его соперников. Граф Херефорд аплодировал

стоя, Сомерсет вскочил на скамью и кричал во все горло, Глочестер едва сдерживался, чтобы не возликовать подле мрачно насупившегося Стефана. А королева Мод сказала:

– Вам непременно надо принять этого рыцаря у себя, супруг мой.

И мало кого интересовало, что побежденный граф остался неподвижно лежать на земле, а его взволнованные оруженосцы старались снять с него шлем, ибо от удара Вильям задыхался и ему требовалось глотнуть свежего воздуха.

Артур почти упал с коня в объятия Гая.

– Ты видел? Это ты научил меня так сражаться! Я не мог подвести тебя.

Вокруг стояли аплодировавшие умелому бойцу рыцари, он даже круглую физиономию Эдмунда различил среди собравшихся. Но Гай уже тащил его в шатер, кричал обступившим их рыцарям и их оруженосцам:

– Там что, окончились состязания? Идите лучше смотреть следующие поединки.

– Но такой бой нам вряд ли еще удастся увидеть, – сказал стоявший где-то сбоку Вальтер Фиц Миль. – Мессир рыцарь, как ваше имя? Я хочу знать, как зовут крестоносца, с которым мне не удалось сегодня сразиться. А вдруг бы я вас победил?

Отстранить упорного Вальтера было сложнее всего. К тому же и Рис, и Метью при его появлении куда-то скрылись. И все же Гай сумел затащить сына в шатер, стал стаскивать с него шлем, скинул кольчужный капюшон и стеганую нижнюю шапочку. Волосы Артура мокрыми прядями упали на глаза.

– Скажи наконец, ты доволен мной?

– Доволен, доволен.

Гай потрепал юношу по голове и озабоченно промолвил:

– А теперь собираться. Ибо чем скорее мы исчезнем, тем больше надежды, что ты уцелеешь. Да и новое жилище нам придется подыскивать. Иначе... Я ведь предупреждал, что нам не нужны лишние вопросы и расследования.

Глава 5

В течение нескольких последовавших за этим единоборством дней на ристалище в Смитфилде проходили состязания менее прославленных поединщиков, по большей части сыновей рыцарей, которые не являлись старшими наследниками и вынуждены были сами находить себе способы к существованию²². Обычно таких было много, родители давали им вооружение и лошадей, снаряжали в путь и... езжай, голубчик, ищи себе путь в жизни. Вот и шатались такие молодые рыцари в поисках либо поживы, либо нанимателя. А по сути становились настоящими разбойниками на дорогах; азартные и рьяные, не гнушавшиеся даже нападением на путников, они считали, что таким образом можно проявить свою ловкость, приобрести сноровку. Да и денежки для хорошей жизни.

За годы войны в Англии такие безземельные рыцари стали настоящим бедствием. Они примыкали то к одной партии претендентов, то к другой; им было все равно, за кого сражаться. Некоторым везло, их принимали к себе тамплиеры и направляли в более благое русло – посылали сражаться с неверными в Святую землю.

Когда разнеслась весть о лондонском турнире, молодые сынки рыцарей стали являться в столицу толпами. И если они не были достаточно состоятельными, чтобы внести полагающийся взнос на участие в больших игрищах, если не были столь прославленными, чтобы во всеуслышание заявить о праве на бои с достойными соперниками, то не упускали возможности сразиться друг с другом. А что? Они, как и прочие, могли при удаче востребовать доспехи и коня побежденного противника, могли приглануться какой-либо вдовой даме или понравиться какому-нибудь лорду, который искал себе наемников на службу.

К тому же многих воодушевил тот факт, что поглядеть на схватки безземельных рыцарей приходил сам принц Юстас. Он садился на одной из трибун и из-под надвинутого на лицо черного капюшона наблюдал за схватками. Потом уходил, так никого и не кликнув. Однако все равно было известно, что Юстас выразил желание принять участие в большом общем бое «моле», который завершал турниры и являлся ярчайшим зрелищем. А так как одно место в групповом бое освободилось – место так ярко проявившего себя и так неожиданного исчезнувшего госпитальера, – принц решил сам выступить в схватке и показать, на что он способен.

Однажды к ложе, где восседал Юстас, подъехал возвеличенный им граф Уитшир, бывший наемник Геривей Бритто. Несмотря на полученный им титул, над новоиспеченным графом посмеивались: титул-то титулом, но земля ему досталась полностью обескровленная после войн. Некогда одно из богатейших графств Англии ныне являло собой пустырь. Пройдет немало времени, прежде чем сэр Геривей сможет получать сливки с этой выжженной, пустой территории. Пока же он, как и прежде, бегал выполнять поручения королевского сына, преданно заглядывая ему в глаза.

Вот и сейчас он опустил на одно колено перед Юстасом, поцеловал полу его накидки.
– Милорд?

Юстас перевел тяжелый взгляд на Геривея.

– Ты узнал?

– Да, ваше высочество. Это ничтожество Эдмунд из Девоншира и впрямь помолвлен с саксонкой Милдрэд. Они собираются пожениться сразу по окончании турнира.

²² Это по т. н. закону майората, когда все земли и наследство рода переходит старшему сыну (за вычетом приданого для сестер), а младшие сыновья сами устраивались в жизни. Таким образом удавалось сохранять крупные земельные владения в одном роде.

Глаза Юстаса оставались пустыми, но все же что-то в них изменилось. Они стали темнеть. Так бывало всегда, когда принц гневался: его зрачки расширялись, и от этого непроницаемые светлые глаза делались почти аспидно-черными.

Геривей заволновался. Он знал, что в минуты ярости принц бывает непредсказуем.

– Подумать только, – спешно заговорил он, лишь бы не выносить этого тихого бешенства, волнами расходившегося от принца, – ведь вы сами возвысили этого захудалого сакса в прошлом году, даровали ему право на беспошлинную торговлю оловом. И этот так называемый Этелинг теперь стал столь состоятельным и известным, что осмелился просить руки Милдрэд Гронвудской. Саксов это воодушевляет, они твердят, что леди Милдрэд и Этелинг смогут возродить их былую династию. Поэтому... Мессир, может, королю имеет смысл запретить подобный брак ради спокойствия в королевстве?

Геривей говорил торопливо. Он знал, как переживает принц из-за того, что понравившаяся ему леди достанется другому. Вот и советовал, хотя сам понимал, как нелепо вмешивать короля в подобную историю. Ибо Стефан не имел такой власти над подданными, чтобы разрешать или запрещать браки. Его власть в Англии только начала устанавливаться, и далеко не все верили, что это примирение продлится долго. К тому же Юстас сам дал столько свобод служившим ему саксам, что, вздумай он теперь разлучить столь популярную пару, многие саксонские соратники отвернутся от него. А сейчас, когда Генрих Плантагенет набирал на континенте силу, не время было распускать саксонские отряды.

– Хорса еще не прибыл? – неожиданно спросил принц о самом верном своем саксонском предводителе.

– Нет, милорд. Он все еще в Денло.

– Пусть остается там, я сообщу, когда он мне понадобится. И вот что, Геривей... Ты ведь являешься одним из распорядителей турнира, поэтому...

Тут Юстас задумался и сделал долгую паузу. Геривей ждал. Юстас глядел прямо перед собой, и глаза его были наполнены чем-то непередаваемо жутким. Но через миг он усмехнулся, скривившись в гримасе, отчего рубцеватые шрамы у его губ некрасиво взбугрились.

– Вот что, Геривей, проследи, чтобы в день большого состязания наконецник на моем копье был острым. Пусть насадку на нем склеят для видимости, однако непрочно: мое копье должно остаться смертоносным.

Геривей проглотил ком в горле. То, что предлагал принц, было недопустимо. И все же он сказал:

– Я все сделаю, мой принц.

Подумаешь, еще одно убийство. Ни принца, ни его верного приспешника подобное не смущало. Смерть – прекрасный способ избавиться от неудобных людей. И Геривей не видел ничего особенного в том, что Юстас замыслил избавиться от мешавшего ему сакса, сразив того в схватке. Если, конечно, справится с ним. Ибо хоть сын короля и отменный боец, но и Эдмунд Этелинг показал, на что он способен.

Принц поднялся, запахнулся в свой длинный плащ. И, уже уходя, указал Геривею на пару молодых рыцарей. Пусть Геривей с ними переговорит и предложит службу.

Юстас сел на коня и медленным шагом поехал от ристалища. На некотором расстоянии за ним двигались трое вооруженных до зубов телохранителей. Принц, оставив позади Смитфилдское поле, ехал по проезду, который назывался Старый Вал и огибал стены Сити. Некогда тут, возле укреплений, и впрямь были вал и ров, но с тех пор как город разросся вокруг старого Сити, ров давно обмелел, покрылся растительностью, а на его склонах под стеной горожанки выращивали травы. Выходящие к проезду Старого Вала улочки так и назывались: Полынный выезд, Ромашковый выезд. Когда-то давно тут, за стенами Сити, располагался район, где исстари селились саксы. Здесь они расчищали леса для своих построек, и именно тут был тогда Лондон, или Люндевик, Лондонское Поселение, как его называли в старину.

Сам же Сити тогда был мало обитаем, ибо дикие саксы недолго обитали оставшиеся после римлян каменные жилища. Это позже, когда викинги стали завоевывать Англию, саксонское население вновь предпочло селиться за укреплениями, где не единожды выдерживало осады завоевателей с Севера. Но особенно разросся, похорошел и стал признанной столицей Лондон уже при королях-норманнах. Здесь стали венчаться на царство правители, здесь заседал королевский суд, ну и сам Лондон продолжал расти и богатеть.

Юстас подумал об этом, когда выехал на широкую Стренд. Некогда это была простая проселочная дорога, ведущая в Вестминстер. Ныне же вдоль нее высились замки знати, окруженные высокими оградами, а густые ухоженные сады спускались к самым причалам, ведь каждый особняк имел собственную пристань у реки.

Юстас еще издали увидел зубчатые парапеты особняка Монтфичер. Да уж, Генри Винчестерский постарался оградить прекрасную саксонку от племянника. Но и без этого Юстас не имел возможности предъявить права на столь знатную леди. И вот что странно: как оказалось, Милдрэд скрыла от родителей, какую роль в прошлом сыграл в ее судьбе сын короля. Юстас понял это, когда общался с ними на пиру в Вестминстере. Вряд ли такой человек, как Эдгар Гронвудский, был бы столь учтив с принцем, если бы знал, что тот посягал на честь его дочери. Почему же Милдрэд промолчала? Не желает ссоры родных с королевской семьей? Или... Юстас надеялся, что Милдрэд просто поняла, насколько сильно любит ее принц, и не захотела ставить его в неловкое положение. О, она была удивительная, эта веселая, светлая девушка, разбудившая в нем столь сильное чувство. Ранее Юстас и не предполагал, что может испытывать что-то подобное. Прежде в нем постоянно жили иные чувства: пустота, зависть и скука. Это было тяжело и беспросветно – знать, что ты вечный изгой, что, кроме страха и пренебрежения, ничего не вызываешь, что собственные родители скорее смирились с сыном, нежели привязаны к нему, что рядом нет никого, кто бы внес в жизнь радость. И вдруг она – Милдрэд. Изумительная красавица, которая однажды улыбнулась ему без страха и заискивания. И если бы он тогда сдержался, если бы не поддался этой вечно сосущей его изнутри черной бездне, которая требовала хватать все, что не хотят отдать добровольно...

И все-таки он не виноват, что он мужчина, а она красавица, манящая, как спелый плод, который так хочется попробовать. И пусть Юстас не имеет на нее прав, пусть не может предложить все, что хотел бы... Да и ничего достойного он бы не смог предложить этой солнечной девушке. Ибо он женат. Женат на высокородной Констанции, французской принцессе, которую запугал настолько, что она стала сумасшедшей. Милдрэд же достанется другому. Нет, не достанется! Потому что Юстас уничтожит, убьет, затравит любого, кто вознамерится хотя бы прикоснуться к его прекрасной, такой желанной леди.

Едва он подумал об этом, как увидел жениха своей избранницы. Тот стоял у приоткрытой калитки в Монтфичер и разговаривал с какими-то женщинами. Юстас остановил коня немного в стороне, за свешивающей длинные ветви ивой, и, чуть раздвинув их, стал наблюдать. Увы, Милдрэд он не увидел, зато стал свидетелем, как ее мать Гита Гронвудская премоило беседовала с Эдмундом. Это была моложавая, довольно привлекательная женщина, имевшая привычку носить шаль на саксонский манер: легкая ткань покрывала ее голову и плечи, а спереди, на уровне ключиц, была собрана изящными драпировками с помощью сверкающих заколок в форме снежинок. Такими же ажурными снежинками был украшен и обруч, походивший на корону, который удерживал ткань на голове. Сама шаль была из серебристо-серого газа, в тон светло-серым глазам баронессы. Милдрэд мало походила на мать, но обеих женщин отличали непередаваемая грация и изящество. И с годами Милдрэд будет так же хороша, как и баронесса Гита. Недаром верный Юстасу тан Хорса и по сей день вздыхает по ней. Говорят, когда-то он неоднократно сватался к леди Гите, но она предпочла ему Эдгара Гронвудского. И Хорса настолько возненавидел Эдгара, что из мести готов

был поспособствовать тому, чтобы Юстас заполучил его дочь. Что это и дочь Гиты, Хорса не думал. К тому же леди Милдрэд была очень похожа на отца.

Сейчас леди Гита мило улыбалась Эдмунду. Видимо, она куда-то собралась, за ней стояли несколько ее женщин и пара охранников. А вот Эдмунд, похоже, только приехал; он был в нарядном плаще и удерживал под уздцы лошадь в богатой наборной сбруе. И когда леди Гита отошла, жестом указав Эдмунду на открытую калитку, Юстас даже нервно дернул повод своего коня. К невесте приехал женишок, разрази его гром!

От резкого рывка гнедой принца вскинул голову, попятился и заржал. Леди Гита повернулась, и Юстасу ничего не оставалось, как выехать и продолжить свой путь по Стренду. Баронесса низко присела, кланяясь королевскому сыну, и он, проезжая мимо нее, милостиво кивнул. Но когда он уже миновал ее, одна из сопровождавших леди Гиту женщин сказала, осеняя себя крестным знамением:

– Точно демон. Всегда в черном и так зыркает своим недобрым глазом. Миледи, поговаривают, что встреча с Юстасом Блуаским сулит беду.

– Что за глупости, Клер! Это наш будущий король, и подобные речи можно приравнять к измене.

Она двинулась дальше, так как хотела успеть к началу вечерней мессы в церковь Святого Клементя Датского. Баронесса была очень набожной женщиной и старалась не пропускать богослужений, а вот дочери велела остаться и принять жениха. Ибо леди Гите казалось, что чем ближе становится срок свадьбы, тем старательнее Милдрэд избегает Эдмунда. Даже то, что Эдмунд отличился на турнире, не произвело на нее никакого впечатления. Зато как она восхищалась победой госпиталяра! Она только и говорила о нем, расспрашивала отца об ордене Святого Иоанна, визнавая, насколько его рыцари свободны общаться с женщинами, даже интересовалась, могут ли госпитальеры оставить свое братство, если захотят вступить в брак. Но едва Гита или Эдгар попытались выяснить, что означают эти вопросы, как девушка тут же начала отшучиваться; она говорила всякие нелепицы и все время смеялась. Милдрэд вообще в последние дни была необыкновенно весела, но и необыкновенно задумчива. Зато когда сегодня мать приказала ей отправиться на прогулку с женихом, у Милдрэд сделалось такое лицо, как будто ее хотели напоить горьким отваром из трав.

Баронесса размышляла обо всем этом во время мессы. В церкви Святого Клементя было немного прихожан. Здесь было полутемно, тихо потрескивали свечи, голубоватый дым от ладана плыл между массивных, как столбы, подпор. Церковь была очень старая, выстроенная во времена, когда король Альфред²³ победил захвативших Англию датчан, однако позволил тем из них, кто принял христианство и женился на местных девушках, остаться в Лондоне. И эта церковь скорее походила на убежище, чем на Божий храм: узкие окна в неимоверно толстых стенах, массивные полукруглые своды, на капителях бочкообразных колонн скалились морды жутковатых драконов. Такими же искаженными масками была украшена и каменная чаша со святой водой у входа, к которой подходили верующие, макали в нее кончики пальцев и сотворяли крестное знамение. Когда по окончании мессы к чаше со святой водой приблизилась задумчивая Гита, чья-то сильная мужская рука уже опустилась в воду, а затем потянулась к ней. Гита, не поднимая глаз, слегка улыбнулась и коснулась поданной ей на пальцах незнакомца святой воды. Любезность – просто любезность. Обычно святую воду подавали, когда пытались галантно ухаживать или желали привлечь внимание. Но она уже немолодая женщина, у нее дочь на выданье. Хотя все же приятно...

Баронесса уже хотела отойти, когда негромкий мужской голос произнес:

– Здравствуй, Гита. Слава Иисусу Христу!

²³ Альфред Великий – англосаксонский король (ок. 849–899 или 901 гг.).

Удивленная баронесса увидела перед собой представительного высокого мужчину в длинной кожаной тунике и с мечом на поясе. Под полукруглой аркой выхода горел факел, и в его желтоватом свете она смогла рассмотреть, что рыцарь хоть и не молод, но еще привлекателен: длинные темные волосы с сединой на висках, небольшая ухоженная борода и усы, которые свидетельствовали о том, что он следит за своей внешностью, а глаза... темные, с пушистыми ресницами, и над ними брови – прямые и гордые. Гита была уверена, что знает этого человека, так фамильярно назвавшего ее по имени. Но не могла вспомнить.

– Во веки веков, – как и полагалось, ответила она и, обойдя его, двинулась из храма.

И тут мистрис Клер почти дернула ее за длинный рукав.

– Миледи, ну как можно быть такой неучливой! Ведь некогда этого достойного рыцаря вы считали своим гостем и другом.

Больше она ничего сказать не успела, так как баронесса повернулась и поспешила назад. Надо же, Клер помнит его, а она...

– О, Гай, прости меня! – Гита протянула руки своему другу. – Ради всего святого... О Небо! Как же я рада тебя встретить!

Рыцарь улыбнулся.

– А я уже решил, что благонравная супруга гронвудского барона сочтет ниже своего достоинства общаться с объявленным вне закона!

Увы, Гита вспомнила, что Гай де Шампер все еще считается изгнанником и врагом короля. Но какое ей было до этого дело, если Гай когда-то оказал им с Эдгаром столько услуг²⁴, если он их верный друг! Просто они так давно не виделись, что она не узнала его в полутемной церкви.

Обычно по окончании службы прихожане не спешили расходиться: они собирались небольшими группами перед церковью, беседовали со знакомыми и родичами. Тем более что летний вечер был таким ясным и теплым, в воздухе с писком носились стрижи, а массивная колокольня церкви Святого Клементя еще розовела в закатных лучах солнца.

Гита и Гай стояли за столбами внешней галереи церкви, где их никто не мог побеспокоить. И все же Гай поспешил накинуть темный капюшон оплечья.

– Я сразу узнал тебя, Гита. Ты мало изменилась.

– О, Гай, ты тоже почти такой же. Даже странно, что я не узнала тебя. Сколько же лет прошло? И все же Клер вмиг распознала в тебе того красивого рыцаря, который некогда гостил в Гронвуд-Кастле и которому она некогда усердно строила глазки.

– Оказывается, Клер и поныне обращает внимание на мужчин?

– Не говори так, Гай. Клер – достойная супруга сенешаля Пенды, добродетельная матрона, и о ее бурном прошлом уже никто не вспоминает. Я даже определила ее наставницей нашей дочери. Ну а ты-то как? Как вышло, что ты в Лондоне? О, Пречистая Дева, от тебя ведь так долго не было вестей!

Гита была непривычно для нее разговорчива и все не могла насмотреться на Гая де Шампера. Пока он не прервал ее фразой:

– Простите, миледи, но мне и моему другу необходима помощь.

Глаза Гиты стали серьезными. Конечно же, он изгой. Английское рыцарство так и не приняло его в свои ряды. Но она сказала:

– Все, что в моих силах, Гай. Все, что смогу.

Приятно, когда давние друзья остаются таковыми и через годы. И Гай поведал, что он является наставником того самого госпитальера, который отличился на турнире. Казалось бы, молодой рыцарь прославился, однако есть причины, вынуждающие его не привлекать к себе внимание.

²⁴ Об этих событиях написано в романе «Поединок соперниц».

– Но, тем не менее, он это сделал, – заметила баронесса.

– Да, миледи. Молодость, неопытность, жажда успеха. Артур ле Бретон, как зовут моего подопечного, не подозревал, что его победа наделает столько шума. Но теперь встречи с ним желает сам король Стефан, что для госпитальера было бы весьма нежелательно.

У Гиты сразу возникли вопросы. Почему сей иоаннит не хочет предстать перед королем? Почему он скрылся, когда его имя у всех на устах? И как вышло, что английский рыцарь-изгой стал покровителем члена столь прославленного ордена, как братство Иоанна Иерусалимского?

Ей было неловко сразу обрушивать на Гая столько вопросов, но, к ее облегчению, он сам пояснил. Во-первых, этот молодой рыцарь во Франции был человеком императрицы. И его встреча с королем Стефаном может быть превратно истолкована покровительствующей иоаннитам Матильдой. Во-вторых, он прибыл инкогнито, чтобы не ставить в неловкое положение собратьев по ордену. К тому же Артуром ле Бретоном заинтересовались тамплиеры, которым, возможно, не понравится, что король собирается принять госпитальера, и они... Скажем так: будучи братьями по оружию в Святой земле, в Европе оба ордена соперничают за свое влияние, а потому здесь крестоносцы могут не совсем благородно поступить с Артуром ле Бретоном. Поэтому Гай и просит, чтобы его подопечный пока укрылся у гронвудской четы... до тех пор, пока все не стихнет.

– А сейчас я со своим подопечным вынужден постоянно переезжать с места на место. Нас ищут как констебли короля, так и тамплиеры.

– Дорогой друг, я рада помочь, но я жена своего мужа, а он сам близок к ордену Храма. И вряд ли он станет утаивать от них...

– В том-то и дело, что нам с Артуром желательно, чтобы Эдгар замолвил за него слово перед храмовниками. Они не должны видеть в нем соперника, ибо молодой человек всерьез подумывает оставить орден. Он понял, что жизнь орденского братства претит его натуре. Артур намерен вернуться к мирской жизни и завести семью. Дело в том, что мой Артур влюблен.

– Ты сказал – мой Артур? – переспросила Гита.

– Да. Этот юноша дорог мне. Я настолько готов поддержать его, что даже осмелился тайно прибыть с ним в столицу. Но теперь нам непросто. Нам даже пришлось отослать его оруженосцев с конем, на котором выступал Артур, чтобы по нему нас не выследили. Последнюю ночь мы провели в Степни²⁵, а это место не самое изысканное и не подходящее для городских людей.

Гита ужаснулась, услышав о подобном. О, конечно, она немедленно отправится к мужу и постарается его уговорить. Пусть и Гай пойдет с ней, ибо Эдгар наверняка обрадуется ему и не откажет в помощи. И пока Эдгар не сообщит обо всем храмовникам, они вполне могли бы укрыться у них в Монтфичере от людей короля. К тому же и епископ Генри в последнее время почти не появляется там, предпочитая проводить время в Вестминстере.

И Гита приложила столько усилий, так горячо просила за Гая де Шампера и его молодого друга, что, конечно же, сумела уговорить мужа. Эдгар даже сказал Гаю, когда тот ушел за своим спутником:

– Ни за кого иного моя жена не хлопотала бы так. Но она всегда к тебе очень тепло относилась. Знаешь, Гай, одно время я даже ревновал ее к тебе.

Но еще до того как гости прибыли в Монтфичер, с прогулки в сопровождении жениха вернулась Милдрэд. Причем раздраженная настолько, что едва выдавила из себя учтивые слова, прощаясь с Эдмундом.

– Ты излишне резка с ним, девочка, – заметил ей отец.

²⁵ Степни – предместье восточнее Тауэра, в описываемый период деревенский округ, где селился всякий сброд.

Но девушка продолжала кипятиться. Да знает ли отец, куда отвез ее жених? Сначала, как обычно, он пытался привлечь ее к обсуждению его рудников, потом рассказывал о свиньях в его поместье, а когда темы иссякли (между обрученными это случалось постоянно), Эдмунд предложил невесте посетить травлю медведей в Саутворке, заверив, что это презабавное зрелище. Однако когда Милдрэд насмотрелась, как разорванные медведем собаки волочат по песку свои кишки, и стала упрашивать жениха уйти, видя, что псов вновь и вновь натравливают на израненного мишку, а он ревет и рвется с цепи, Эдмунд даже не слушал ее. Видите ли, он поставил заклад, а потому ему не было дела до того, что его невесте стало дурно и что она еле выбралась из толпы. Да еще и публика там такая собирается... бррр.

Милдрэд рассказывала это отцу, когда они сидели подле обложенного камнем очага в холле Монтфичера. Вокруг них сустились убиравшие со стола слуги, которые прислушивались и посмеивались. Эдгару это не нравилось, но в Монтфичере было слишком мало места, чтобы уединиться: по сути этот особняк состоял из одного длинного высокого холла с более поздними пристройками по бокам, таким башенкам, в одной из которых обустроился сам епископ со своими людьми, а вторую, красивую башенку с соларом²⁶, отвели для проживания Милдрэд. Правда, было еще помещение под скатом кровли над холлом, но оно оказалось довольно неудобным, и под вечер, когда накалялась черепичная кровля, там становилось очень душно. Поэтому барон и его дочь предпочитали нижний холл, хотя здесь трудно было уединиться и сделать так, чтобы слуги не совали свой нос в их дела.

В итоге Эдгар негромко произнес, обращаясь к дочери:

– Я догадываюсь, что ты не преминула высказать Эдмунду свое неудовольствие, Милдрэд. Хотя, будь ты мудрее, наверняка постаралась бы сдерживать свой капризный нрав, особенно учитывая, что ему завтра выступать в бое «моле», а это куда опасней одиночных поединков с копьями.

Милдрэд потупилась. Покосилась на слуг, гасивших в холле факелы. Теперь свет исходил только от очага, где недавно разогревали еду, да вверх, под деревянным потолком оставили так называемый ночной факел. Один из любопытных пажей все еще крутился рядом, пока барон жестом не отослал его. Милдрэд же пообещала, что завтра непременно подойдет к Эдмунду перед схваткой и пожелает ему удачи. Она хотела еще что-то добавить, но тут вошла непривычно оживленная баронесса и сообщила, что к ним прибыли. Эдгар сразу встал, но прежде чем выйти, повернулся к дочери:

– Сейчас мы пойдем в малый холл наверх. Не самое уютное место, но все же мы приказали там расположить наших гостей.

– Каких гостей? – полюбопытствовала девушка.

Ее родители заговорщически переглянулись.

– Ты помнишь Гая де Шампера, нашего дорогого друга, который помог тебе переправиться к графу Херефорду, когда принц Юстас объявил об осаде приграничных замков?

Милдрэд кивнула. Да, именно так она объяснила родным, почему ей пришлось оставить монастырь в Шрусбери и перебраться в Херефорд.

– Сейчас сэр Гай здесь, – негромко произнес Эдгар. – И будет нашим гостем, но об этом не стоит болтать, так как он так и не получил королевского прощения.

Милдрэд медленно привстала. Она помнила, что ей говорил Артур во время их встречи перед турниром, и сердце ее гулко забило. Гай обещал за них похлопотать, и если он тут...

Сквозь бешеный стук сердца она услышала, что рыцарь прибыл не один, а со своим молодым другом Артуром ле Бретоном.

– Я знаю, – вымолвила юная леди побелевшими губами.

Ее родители переглянулись.

²⁶ Солар – комната для уединения и отдыха в замке.

– Что ты знаешь?

Милдрэд пришлось собраться с духом, чтобы унять дрожь в голосе. Она машинально сняла и надела на запястье бренчащий подвесками браслет, и этот серебристый нежный звук немного успокоил ее.

– Я знаю этого Артура.

– Крестоносца?

Она посмотрела отцу прямо в глаза.

– Когда я его знала, он еще не был крестоносцем. По крайней мере, не говорил мне этого.

И не успели ее родители опомниться, как девушка едва не вприпрыжку кинулась к удивленной вверх лестнице. Им оставалось только последовать за ней.

Милдрэд, застыв на пороге верхнего помещения, смотрела на поднимавшихся с длинных скамей под скатом крыши рыцарей. В свете высокой свечи были видны их мечи на поясе, их схожие кожаные куртки... Да и вообще, они были очень похожи – один постарше, другой совсем молодой, но оба черноволосые и темноглазые, с одинаковой гордой статью.

Эдгар и Гита невольно переглянулись. Такое сходство...

Но Милдрэд уже шагнула к гостям, склонилась в приветственном поклоне, а потом повернулась к родителям. Лицо ее сияло.

– Я рада, что сэр Гай де Шампер – наш гость. Но не менее я рада, что с ним прибыл и Артур ле Бретон. Ибо этот человек оказал мне немало услуг, пока я пробиралась через охваченную войной Англию.

Она говорила быстро, чтобы из ее речи гостям было ясно, как им держаться и что они могут не утаивать. Да, продолжила Милдрэд, именно этому Артуру ле Бретону сэр Гай повелел переправить ее в Херефорд, а оттуда в укрепленный Девайзис. При этом рыцарь был учтив и заботился о ней. И она рада представить его родителям, потому что этот человек само благородство, смелость и... доброта, добавила она, не зная, какими еще эпитетами наградить мнимого крестоносца.

Поздно ночью, когда был съеден сытный ужин и гостям принесли тюфяки и подушки, а необычно разговорчивая и просто светящаяся от радости Милдрэд в сопровождении Клер удалилась к себе, Эдгар и Гита тоже отправились почивать. В тесном Монтфичере они занимали устроенную в толстой стене комнатку, по сути большую нишу, где не было окон и места хватало только для того, чтобы расположить их ложе и сундук с вещами. Дверей в комнатке-нише не имелось, и уединиться тут можно было, лишь занавесившись широкой драпировкой. Там супруги молча разделись и легли.

– Ты не спишь, жена? – шепотом спросил через время Эдгар.

– Как я могу уснуть, если я поняла, за кем столько времени так тосковала моя дочь.

Они помолчали еще немного. Из-за драпировки снизу, из холла, доносилась какая-то возня, кто-то из челяди еще разговаривал, но раздавался и громкий храп уснувших слуг, которые расположились на тюфяках, брошенных на пол. И когда Эдгар понял, что вряд ли кто поднимется на идущую вдоль холла галерею и станет подслушивать, он повернулся к Гите и сказал, что им следует все обсудить.

Они долго шептались в темноте. Вспомнили, как были удивлены, когда Эдмунд Этелинг привез к ним Милдрэд и дочь объявила, что они помолвлены. В тот день она сказала, что по доброй воле согласилась стать его невестой, но при этом упорно настаивала, чтобы венчание было отложено. Когда же Милдрэд спросили, как долго она намерена тянуть, дочь ответила: о, сколько понадобится. Ни Эдгар, ни Гита не понимали, что означает ее «сколько понадобится». Но они видели, что Этелинг, ослеслаивленный тем, что все же добился согласия желанной леди, готов был ждать. Тогда Эдгар решительно определил срок венчания. Гита с готовностью поддержала мужа, Эдмунд тоже согласился приехать в Лондон к поло-

женному сроку. Одна Милдрэд была необычно молчалива и отнюдь не выглядела счастливой. Из скромности – решила тогда ее мать. Потрясение после опасного путешествия – подумал Эдгар. Но оба были рады, что их дитя наконец-то остановило свой выбор на достойном человеке. Да и проживавшие в Денло саксы ликовали; можно было даже Хорсу позвать на торжество, ведь именно он когда-то так ратовал за подобный союз. К тому же Хорса как-никак был сводным братом барона Эдгара, прижитым на стороне его отцом. Другое дело, что Хорса никогда не был другом гронвудской четы, да и Милдрэд знать о нем не желала, даже разгневалась, услышав шутки по поводу его присутствия на свадьбе.

Это возмущение девушки по поводу Хорсы было единственным сильным проявлением ее чувств. В остальном же обычно веселая и живая Милдрэд сама на себя не походила. Шли дни, недели и месяцы, а она уединенно сидела у себя, редко куда выезжала, много и горячо молилась. На попытки матери поговорить по душам дочь или отмалчивалась, или ссылалась на то, что повидала много зла и насилия и ей необходимо время, чтобы прийти в себя. И все же Гита заметила, что Милдрэд как будто кого-то ждет. Дочь интересовалась приезжавшими в Гронвуд-Кастл людьми, спешила на каждый звук трубы у ворот замка, однако сразу же, словно разочаровавшись, возвращалась к себе.

Родители тревожились: Милдрэд, нелюдимая и замкнутая, просто таяла на глазах. Вот тогда-то леди Гита и намекнула мужу, что, похоже, их девочка в кого-то безнадежно влюблена. Эдгар сначала лишь посмеялся: кто мог не ответить на чувство столь красивой, богатой и обаятельной девушки, как Милдрэд Гронвудская? Однако позже, перед самым отъездом в Лондон, барон все же попробовал поговорить со своей девочкой. Сказал, что они очень любят свое единственное дитя, желают ей счастья и хотят, чтобы она познала такую же радость в супружестве, как и ее родители. И если Эдмунд Этелинг при его несомненных достоинствах ей не по душе, если она имеет на примете иного достойного рыцаря, то они готовы выслушать ее.

– Я никогда не забуду тот ее взгляд, – шептал жене Эдгар, едва различая во мраке лицо Гиты. – словно Милдрэд услышала что-то невозможное, что-то немыслимое, что ей горько и стыдно слышать. И твердо ответила, что поедет в Лондон и готова обвенчаться с Эдмундом Этелингом. Сказала, что это дело ее чести, ее долг. Но ведь она сама разыскала Эдмунда во время той своей поездки, сама заговорила с ним о браке. И, видит Бог, мне нравится этот союз. Мне по душе Этелинг!

– Но он не Артур ле Бретон, – так же тихо, но с нажимом произнесла Гита. – Ты видел этого рыцаря: он очень хорош собой, учтив, у него прекрасные манеры. Как же при его появлении сразу расцвела наша девочка! И я могу ее понять. Однако... Теперь мне ясно, отчего она так грустила и сама настояла на браке с Эдмундом. Крестоносец, рыцарь-госпитальер... Милдрэд не надеялась, что между ней и орденом братом Артуром ле Бретоном что-то возможно. Вот и надумала ему в отместку выйти за Этелинга.

Они помолчали какое-то время. Потом Эдгар почувствовал, как рука его жены шарит по вышитому покрывалу, ища его руку.

– Но ведь Гай сказал, что этот Артур собирается оставить орден Святого Иоанна и намерен жениться. Не для этого ли они прибыли к нам? Скажи, ты заметил, как они похожи? Может, Артур... сын Гая?

– Он ничего об этом не говорил, – холодно ответил Эдгар. – К тому же ты не понимаешь, Гита, насколько непросто рыцарю выйти из орденового братства.

– Но ведь и ты некогда оставил орден тамплиеров, – напомнила ему жена.

– У меня все было по-другому. Я был последним в роду Армстронгов, меня ждали почести и титул. Кроме того, меня поддержал на этой стезе сам магистр ордена. С этим же Артуром ле Бретоном не все ясно. Он скрывается точно беглец или преступник. Н-да, похоже, этот парень натворил каких-то дел или просто из самоуправства решил снять орденовский

плащ. За такое не похвалят. Это может принести немало проблем, грозит позором, опалой, разорением. Нет, не желал бы я такого супруга для своей дочери!

После довольно продолжительной паузы барон решительно добавил:

– Я дал Эдмунду слово. Их с Милдрэд помолвка освящена в церкви. Разорвать ее теперь, когда все о ней знают, когда уже созваны на свадебный пир гости, было бы бесчестьем для нас. Так что, кем бы ни был этот Артур ле Бретон, как бы ни смотрела на него наша Милдрэд, я не откажусь от принятого решения!

Баронесса ничего не ответила. Эдгар знал, что Гита никогда не пойдет против его воли. Она была хорошей женой, верной подругой и чудесной хозяйкой. Они вместе прожили много счастливых лет. Но даже она, заметив, как их взбалмошная дочь просияла при появлении крестоносца, готова была встать на сторону этого смазливового юнца. А парень действительно походил на Гая, да и Гай, как они с женой заметили, был очень привязан к нему. И Гай их друг. Однако и Эдмунд Этелинг за все это время проявил себя с самой лучшей стороны, даже на турнире прославился. Хотя и не так, как этот красавчик крестоносец, от которого млеют дамы. И все же Эдгар не станет ради какого-то сомнительного госпитальера разрушать уже продуманное благополучие собственной дочери. Нет.

Он произнес это вслух:

– Нет!

И тут неожиданно Гита придвинулась к нему и крепко поцеловала в губы. Эдгар не смог не ответить ей, обнял, запуская пальцы в длинные шелковистые волосы жены. Они вместе так долго, но все же не разучились находить упоительное счастье друг в друге. И Гита... такая достойная и сдержанная при всех, могла стать шаловливой и пылкой, когда они оставались одни. И такой ласковой, такой... бесстыдной! О, он обожал ее бесстыдство!..

Позже, когда они еще не отдышались от бурного соития и голова баронессы покоилась на сильном плече мужа, она вдруг негромко сказала:

– Пообещай, что твое «нет» не будет окончательным. Обещай, что еще подумаешь.

Эдгар улыбнулся, не размыкая век. Ну и хитрая же лиса! Соблазнила его, утомила ласками, а теперь, когда он, разнеженный и удовлетворенный, сжимает ее в объятиях, все же пробует настоять на своем. Хотя о чем она просит? Ведь пока этот госпитальер и словом не заикнулся, что имеет виды на их дочь.

Эдгар так и сказал: еще и проблемы нет. А когда Гита уже уснула, лежал в темноте и вспоминал, какими глазами смотрел этот госпитальер на их девочку. Словно сама Пречистая ему явилась.

Несмотря на то что Монтфичер был старым уютным особняком, от него к Темзе спускался прекрасный ухоженный сад. И когда наутро баронесса пришла поторопить Милдрэд на турнир, ей сообщили, что юная леди решила прогуляться в зарослях над рекой.

Баронесса сама отправилась в сад за дочерью, прошла по усыпанной гравием дорожке, высматривая, где может быть девушка, а когда спускалась по каменной лестнице с верхней террасы, неожиданно замерла. Ибо увидела их.

Там, на нижней террасе, виднелась красивая белокаменная беседка. Ее изящные колонны были увиты розами, и среди каскадов мелких бледно-розовых цветов проглядывали коралловые бутоны, а их опавшие лепестки покрывали ступени беседки. Милдрэд в легком светлом одеянии с распущенными волосами сидела на расположенной по кругу беседки скамье, а госпитальер в своем темном кожаном одеянии устроился на ступенях у ее ног. И все вокруг них сияло от солнечного блеска, легкий ветер покачивал завитки цветов, их тени колебались, а воздух вокруг наполнился ароматом роз и гудением пчел.

Баронесса видела, как ее дочь потянулась к госпитальеру и убрала с его лба длинные черные пряди, а он поймал ее руку, прижал ладонь к своей щеке. Гита постаралась сохранить

хладнокровие, негромко кашлянула, привлекая внимание. Артур тут же поднялся и ответил поклон. Милдрэд осталась сидеть, даже когда мать приблизилась и сказала, что ей пора собираться на турнир. Девушка как будто медлила, словно ей не хотелось уходить отсюда, из этого райского уголка, от этих запахов и гудения пчел, от рыцаря, который был создан для нее. И которого она дождалась. Теперь ее мать не сомневалась в этом.

Артур остался в беседке. Из Монтфичера до него долетали людские голоса, гомон, смех, ржание лошадей. Артура раздражал этот шум. Увы, он означал начало сборов; все были воодушевлены предстоящим турнирным боем, в котором он не может принять участие, а его Милдрэд поедет туда, чтобы с благословения родителей наблюдать за успехами своего жениха. Несмотря на то что они с Гаем были тут, в ее семье, Гай сказал, что пока не время говорить о разрыве помолвки. К тому же Артур видел, что родители Милдрэд рады Гаю, однако на него самого поглядывают озадаченно и отчужденно. Особенно отец Милдрэд. Тот, кто мог решить судьбу дочери.

Не в силах побороть бурлившее в нем волнение, Артур сбежал с террасы и взобрался на стену, окружавшую земли Монтфичер. Приливы и отливы Темзы заметно подточили ее, кладка тут разрушилась, так что залезть и усесться на ее вершине не составило труда. Он долго сидел на свежем ветру и смотрел на реку, пока его не отыскал Гай, сообщивший, что все уже отбыли.

– Конечно, – едко произнес Артур. – Им не терпится поглядеть, как отличится этот толстяк Эдмунд.

Стоя под стеной, Гай невозмутимо кивнул. Да, сегодня многие отличатся. Во время «моле» рыцари собираются в две группы, выстраиваются в шеренгу по обоим концам ристалища и ждут положенного сигнала. А потом, после сигнала, маршал – распорядитель турнира перерубает разделяющий арену канат – и всадники, взяв копыя наперевес, всей гурьбой несутся навстречу друг другу. Происходит великолепная сшибка, многие падают, но те, кто удержится в седле, даже если сломают копыя, вступают в схватки. И бьются, пока хватает сил. Распорядители строго следят за боем, но обычно все равно не удается избежать ранений и увечий. И тут особенно надо подсуетиться оруженосцам, которые должны следить за своими рыцарями и быть начеку, если те потерпят поражение и надо поспешно вывести их – или вынести – с арены. Конечно, бой «моле» – это не настоящая битва, но когда после конной сшибки всадники вступают в схватку, их очень трудно контролировать. Быть одним из рыцарей, сражающимся против стены рыцарей, – это нечто! Это ужас и восторг. При этом надо учесть, что сейчас в Лондоне в «моле» участвуют противники из только что примирившихся лагерей, с которых перед боем взяли клятву, что они будут сражаться только для совершенствования воинского искусства. Но, опять-таки, общий хаос, сшибающиеся и отбивающиеся рыцари, ржущие в общей сутолоке кони, пытающиеся выкрикнуть призывы командиры, звуки клинков, ворчание и рычание от усилий. К тому же правила во время «моле» весьма вольные: выбив противника из седла, победитель имеет право атаковать его и пешего, а несколько рыцарей могут напасть на одного. И тут уже надо действовать по обстоятельствам, спешить на выручку, скрываться или взывать к рыцарям из своего отряда, дабы получить помощь. Можно поступить иначе – отъехать в зону, которая считается недостижимой для боя, скрыться за стеной маршалов-распорядителей. Но сделать это непросто. Обычно рыцаря, стремящегося передохнуть, сразу замечают, преследуют и побеждают. Усталого бойца легче свалить или заставить признать поражение. И тогда – выкуп. А это немалые деньги. Деньги и славу сулят участникам турниры. А слава дает рыцарю не меньше преимуществ, чем золото. Прославленный рыцарь становится почитаемым, его все хотят принять у себя или пригласить в свое войско.

Есть и еще одна любопытная деталь: десяти особо отличившимся рыцарям судьи раздают специальные призы. Причем обычно это женские украшения: изящные браслеты, оже-

релья, серьги, роскошные пояса, головные обручи – все необыкновенно ценное, с богатой отделкой. Описание их сообщается повсеместно, так что любое такое украшение становится предметом зависти и славы. И хотя рыцарь, получивший в награду подобный приз, может его весьма выгодно продать, дабы покрыть издержки на турнир, подобное поведение не приветствуется и даже осуждается. А вот преподнести такое украшение избранной даме сердца – это почетно как для призера, так и для его леди.

Артур в конце концов не выдержал и резко перебил восторженный рассказ Гая:

– Вы рассказываете мне все это, чтобы я понял, какое я ничтожество, раз не могу участвовать в «моле»? Или чтобы уразумел, что неплохой боец Эдмунд из Девоншира обязательно отличится, получит роскошный приз и преподнесет его своей невесте? Разве после такого мы вправе просить у барона Эдгара отказаться от брака его дочери с этим саксом?

Гай неопределенно улыбнулся.

– Эдмунду надо будет очень постараться, чтобы ему повезло.

Но что Эдмунду настолько *не повезет*, ни Гай, ни Артур не могли и предположить.

Они узнали об этом ближе к вечеру, когда заметили прискакавшего в Монтфичер оруженосца барона, молодого Торкеля. Столпившиеся вокруг юноши слуги выглядели взволнованными. Когда Гай и Артур подошли, им тут же выложили: жених Милдрэд погиб на турнире. Надо же, сокрушались они, и это как раз за неделю до свадьбы!

Гай посмотрел на сына. Целая гамма чувств промелькнула на лице юноши: удивление, невольная радость и, наконец, растерянность. Затем он замкнулся и, повернувшись, ушел.

Гай принялся расспрашивать Торкеля, как все случилось.

Эдмунд Этелинг перед началом турнира был весел и находился в прекрасном расположении духа. Он подъехал к ложе невесты и ее родителей, голубая вуаль Милдред по-прежнему развевалась у него на предплечье. Эдмунд поведал, что хотел сражаться в отряде, который возглавил принц Юстас, однако судьи что-то напутали, и оказалось, что Эдмунд зачислен в отряд Роджера Херефордского, возглавлявшего другой отряд вместо предполагавшегося изначально графа Кента. Известно, что Кент, увы, не смог принять участие в большом бое, так как все еще не оправился после сшибки с госпитальером: у него головокружение и он неважно видит. Так что соперников Юстаса возглавил граф Херефорд. Эдмунду это не очень нравилось, поскольку он неожиданно оказался среди тех, с кем воевал в прошлом году. Но Эдгар его успокоил, сказал, что суть турниров – боевые тренировки, приобретение боевых навыков, но никак не сведение счетов.

Но на деле, видимо, не все было так, сокрушался Торкель. Ибо когда началась схватка, Эдмунду нанесли смертельное ранение. Кто это сделал, определить не удалось. Когда началось побоище, там такая пыль стояла! И это несмотря на то, что перед боем арену полили водой. Вот маршалы турнира и не смогли определить, кто победил Эдмунда. Именно победил, так как на турнирах всякое случается, и несчастный случай, приведший к смерти, вряд ли кто сочтет убийством. К тому же кроме Эдмунда на турнире погибли еще два человека, и это не считая увечий участников и раненых лошадей, хотя в правилах строжайше запрещается ранить или калечить животное. Да и людей тоже. Это ведь турнир... Всякое может случиться.

Гай с этим согласился, но про себя решил, что, видимо, молитвы его сына были истолкованы таким образом, чтобы убрать с пути соперника. Однако Гай не думал, что Артур желал такой участи незадачливому жениху Милдрэд. Он стал расспрашивать Торкеля, как к гибели Эдмунда отнеслась сама леди и ее родители, и оруженосец ответил, что сейчас они отправились в обитель Святого Бартоломею, где лекари обмывают и облачают тело Эдмунда, последнего потомка саксонской династии.

Да, невеселая участь выпала несостоявшемуся тестю Этелинга. Но об этом Гаю вечером рассказала леди Гита. Она уже успокоилась, хотя на лице женщины еще были заметны

следы слез. Баронесса прибыла вместе с дочерью, которая тут же удалилась к себе и никого не принимала. Эдгар занялся предстоящим погребением. Маловероятно, что по такой жаре тело Эдмунда отвезут в Девоншир, вот барон и хлопотал, чтобы останкам Этелинга была оказана последняя честь и его погребли в Вестминстере. Королевская кровь как-никак, пусть и из побежденной династии. Еще Гита добавила, что ее мужу вызвался помочь в этом принц Юстас, за которого в прошлом году сражался тан.

Сам Эдгар вернулся поздно ночью. Они с Гаем спустились в сад, и барон сказал, что раз Милдрэд не стала женой Эдмунда, то его имущество будет передано в казну. Разрешение на погребение среди английских королей все же получено, завтра состоятся отпевание и похороны, на которые придет довольно много народу, ибо саксы, несмотря на то что они привыкли к норманнским королям, все еще хранили память о старой династии и хотели почтить последнего из нее.

– Ты разузнал, как случилось, что Эдмунд погиб? – спросил Гай.

Они сидели в той же беседке, где утром так счастливо и беспечно общались Милдрэд и Артур и где сейчас царила темень. Было новолуние, в вышине раскинулось пустое бездонное небо с мерцающими кое-где огоньками звезд. И все же летняя ночь была прекрасна. От мощной, поднимаемой приливом Темзы веяло свежестью, было слышно, как она журчит за огибающей сад стеной; время от времени долетал отдаленный крик лодочника. Аромат росистых трав и фиалок, растущих в саду, смешивался с запахом тины под стеной. А в ветвях груши соловей пел так упоительно, как будто в мире и не могло быть никаких бед.

Барон Эдгар заговорил не сразу. Сказал, что как бы он ни контролировал ход «моле», как бы ни высматривал Эдмунда в строю, но когда бой начался, очень трудно было проследить за ним в общей схватке: грохот копий, ржание лошадей, стальная лавина, схлестнувшаяся с другой стальной лавиной. Но все же в какой-то миг Эдгар рассмотрел Эдмунда. Тот как-то безучастно носился на коне вдоль дальних восточных ворот, он не держал в руках копья, но и не выхватил никакого иного оружия. Как позже понял Эдгар, он был уже мертв... или умирал. Но его безвольное тело еще оставалось в седле, удерживаемое высокими луками и застрявшими в стремянах шпорами. Лишь когда Эдмунд все же упал, когда его оруженосцы пробились к своему господину и, прикрываясь большими щитами, смогли вынести его с ристалища, они поняли, что Эдмунд мертв. И все же они отнесли господина к лекарям в аббатство Святого Бартоломею. Там его раздели и осмотрели. Похоже, что Эдмунда пронзили во время первой же сшибки: копьё глубоко вошло в область груди, сломав ребра, и острие вылезло наружу между лопаток, прорвав звенья кольчуги. Такой удар можно было нанести только острым оружием, и выходит, что кто-то выехал на ристалище, проигнорировав все существующие правила.

– Думаю, тебе не стоит никому говорить о своих подозрениях, – сказал Гай. – Наверняка завтра на погребение придут немало саксов, и лучше не возбуждать их подозрительность. Пожалуй, неплохо, что в Вестминстере не будет Хорсы. Вот кто не упустил бы случая поднять шум и потребовать дознания.

Эдгар сказал, что у него беспокойно на душе, что Хорса сейчас в Денло. Поэтому, едва будут завершены дела с похоронами, Эдгар намерен поспешить в Норфолкшир, чтобы приглядывать за своим незаконнорожденным братцем. Сделав паузу, он спросил у Гая:

– А ты, друг, куда поедешь?

Тот медлил с ответом, соображая, как в создавшейся ситуации поставить вопрос о сватовстве Артура к Милдрэд. Сейчас нельзя, но позже... Девушка все равно теперь свободна.

– По сути, Эдгар, мне некуда пока податься. Нам с Артуром просто нужен уголок, где мы сможем переждать некоторое время.

Эдгар все понял и сам предложил им погостить в Гронвуд-Кастле. Конечно, Эдгар не скроет от храмовников, что Артур ле Бретон станет его гостем, но сообщит об этом только

лишь в Колчестерской комтурии, где всем заправляет его друг Ричард Гастингс, которому он может поведать о том, что Артур ле Бретон собирается выйти из рядов госпитальеров. И они вряд ли станут волноваться, что *бывший* госпитальер гостит у Эдгара Армстронга как частное лицо. К тому же у себя во владениях Эдгар – полный хозяин и только ему решать, кого звать в гости.

На другой день все отправились на похороны в Вестминстер. При отъезде Артур хотел переговорить с Милдрэд, но девушка прошла мимо, и он даже не мог разглядеть ее лицо под вуалью. Гай заметил его растерянность, но постарался успокоить:

– Лучше учись у девушки владеть собой. Нам надо выждать время, а теперь, когда твоей милой уже не угрожает поспешный брак, оно у нас есть. Нас пригласили в Гронвуд-Кастл, и все, что от тебя сейчас требуется, это понравиться ее родителям. Если сумеешь их расположить, считай, что полдела сделано. А пока что отправляйся за Султаном, которого прячут в лесу Рис и Метью. Сэр Эдгар любит добрых коней, так что тебе будет кем похвалиться перед ним. А когда пройдет положенное для траура время, мы сможем завести речи о сватовстве.

Об этом же времени думала и Милдрэд, пока стояла на отпевании Эдмунда в соборе Вестминстера. Ей было стыдно, что она чувствует облегчение и готова едва ли не благодарить Небо за то, что свадьба не состоялась. О нет, лучше бы, конечно, Эдмунд остался жив, пусть и с разбитым сердцем. Ибо едва она встретила Артура в Лондоне, как поняла, что не пойдет с таном под венец. Она была готова упорствовать и бороться. И вот она свободна. И Артур был с ней! Теперь, если их ложь удастся, она сможет воссоединиться с тем, кто ей милее всех на свете.

Грешно было думать о таком, когда священник пел над телом *Requiescat*²⁷. Да и жаль было Эдмунда. Она вспоминала, как добр был к ней жених, терпел вспышки ее раздражения, старался добиться ее благосклонности. Но она... Даже в последний день на ристалище Милдрэд еле нашла в себе силы послать ему улыбку. И он... Заботливый, стремящийся угодить ей Эдмунд. Он оказал ей последнюю услугу, погибнув так вовремя.

Милдрэд расплакалась. Горько, надрывно, кусая губы, чтобы не разрыдаться в голос. И сквозь пелену слез не сразу различила, как кто-то склонился перед ней. Темная тень, негромкий знакомый голос, выражающий сочувствие. Но от звука этого голоса ее бросило в дрожь. Принц Юстас!

Она увидела прямо перед собой его неподвижное лицо с рубцами, устремленный на нее взгляд и едва не отшатнулась. Но сдержалась, ограничившись легким поклоном. Сквозь длинную тонкую вуаль девушка наблюдала, как он отходит, но даже когда принц удалился, еще несколько минут не могла унять дрожь.

– Хорошо, что принц почтил похороны Этелинга своим присутствием, – услышала она голос отца.

Да, ее родители стояли рядом, и Юстас не смел при них повести себя так, как он делал это раньше. Милдрэд была защищена от него. В этот миг больше всего на свете девушке хотелось надеяться, что Юстас ушел не только из храма, но и из ее жизни навсегда.

Отпевание подходило к концу. Гроб закрыли и на ремнях опустили в могилу. Милдрэд шагнула вперед и бросила на гроб букетик розмарина.

– Покойся с миром, Эдмунд.

Они покинули Лондон через несколько дней после похорон Этелинга. Барон Эдгар отбывал с многочисленной свитой, охранниками и оруженосцами, за верховыми двигались возы, где расположилась прислуга и хранилась поклажа. В одном из таких возков с удо-

²⁷ Да упокоится – название и начало заупокойной молитвы (лат.).

вольствием устроились Рис и Метью. Им до чертиков надоело скрываться в лесах севернее Лондона, словно каким-то преступникам, Метью наконец мог переодеться в привычное бенедиктинское облачение и, как степенный монах, явиться перед челядью барона. Теперь он устроился в одном из возов, даже понравился вознице и сам взялся править лошадьми. Рис тоже был рад расположиться на тюках с вещами и только смущенно сопел, когда его пытались задевать бойкие горничные леди Милдрэд.

Леди Гита ехала на коне подле супруга. Не часто покидавшая Норфолкшир, она скоро начинала скучать по родным местам и теперь волновалась, как там у них дома. Эдгар тоже желал поскорее вернуться. Да и Милдрэд казалось, что чем дальше они отъедут от столицы, тем скорее она избавится от чувства вины перед погибшим Эдмундом. Несмотря на то что она ехала в траурном одеянии, в такой погожий солнечный день не хотелось думать о горестном, хотелось верить в будущее, тем более что и Артур ехал с ними на своем вороном, белолобом Султане. С ним был Гай де Шампер, и присутствие этого рыцаря вселяло в девушку надежду. Она уже поняла, что ее родители считаются с ним, и верила, что ловкий Черный Волк найдет способ, как помочь им с Артуром. Пока же влюбленные ехали в отдалении друг от друга. Артур замечал, что сэр Эдгар смотрит на него, но держался невозмутимо. Сложнее стало, когда Эдгар подозвал его к себе и принялся задавать вопросы, на которые мнимому крестоносцу было непросто отвечать.

Барон интересовался, из какого рода Артур, и юноша начинал выкручиваться, скупно отвечая на вопросы о бретонской родне. Припоминая, что рассказывал настоящий Артур ле Бретон, он старался повторять его слова. Но когда Эдгар, как и некогда тамплиеры, спросил имя его туркополье, Артуру пришлось назвать первое пришедшее на ум имя, и он невольно занервничал. Хорошо, что Эдгар перевел разговор на Святую землю, и Артур в душе возблагодарил Черного Волка, который в свое время так много поведал ему о тех краях.

И все же Артур предпочел бы избежать этих разговоров, тем более что Эдгар вдруг сказал:

– Странно, сейчас вы говорили на прекрасном англо-норманнском, но совсем не как француз.

– Это потому, что я немало времени провел в Англии, милорд.

– В качестве госпитальера или как посланец императрицы Матильды?

– Как человек ее сына, – ответил Артур и перевел дыхание. По крайней мере, это было сущей правдой.

Эдгар хотел еще что-то спросить, но тут к ним быстрой рысью подъехала Милдрэд. Она издали наблюдала за напряженным разговором отца и возлюбленного и решила, что ей лучше вмешаться.

– Отец, мы будем двигаться до самого вечера или, возможно, сделаем остановку? Смотрите, вон там вполне неплохое место, чтобы немного передохнуть.

И она указала хлыстом в сторону раскидистых буков у небольшого пруда.

Они расположились под деревьями, расстелили скатерти, достали из корзин провизию, откупорили бочонок с пивом. Рис вскоре развеселил всех, заставив Гро выделять забавные трюки, а потом взял лютню и, подсев к баронессе с дочерью, потешил их, сыграв плавную, красивую мелодию.

Перекусив, все заняли свои места, и обоз снова тронулся в путь. Но теперь Милдрэд, упредив порыв отца вновь приступить к расспросам госпитальера, сама поехала рядом с ним, болтая о всякой всячине. Артур же благоразумно отстал и двигался в середине кавалькады, по привычке проводника отмечая все вокруг.

Старая римская дорога, по которой они ехали, была довольно оживленной, мимо то и дело проезжали всадники, двигались телеги и возы, попадались группы пешеходов. В отличие от Западной Англии, где постоянно шли войны, здесь никто не страшился встретить

путников, крестьяне продолжали работать на полях, пасшие свиней или коз деревенские подростки, наоборот, старались приблизиться, желая рассмотреть проезжавший кортеж. Когда же на пути попадались селения, никто не начинал бить тревогу, все было просто и обыденно: долетал звук ударов из кузницы, слышался людской гомон, кудахтали куры и ворковали голуби, а стиравшие у запруд белье поселянки даже лукаво улыбались проезжавшим мимо всадникам.

Молодой оруженосец Торкель не преминул сказать Артуру:

– Ты заметил вон ту кудрявенькую, у которой так высоко подоткнуты юбки и такие пухлые ножки? О, да с кем я говорю! Ты же почти храмовник!

Сам Торкель не упускал случая затронуть по дороге то одну, то иную из встречных поселянок. Он был весьма пригож собой, круглолицый, с вьющимися русыми волосами, ловкий и статный. К тому же Торкель был высокого мнения о себе и с важностью поведал ехавшему рядом Артуру, что он происходит из хорошего рода, что у него имеется богатая усадьба Ньюторп, но после того как его мать вторично вышла замуж и родила супругу целый выводок ребятишек, она посчитала, что старшему сыну будет неплохо стать оруженосцем в Гронвуде, дабы однажды он получил рыцарский пояс и смог привести в дом знатную жену.

Ближе к вечеру Эдгар выслал вперед людей, чтобы заранее позаботиться о хорошем ночлеге – многие придорожные харчевни совсем не годились для благородных дам. В итоге они остановились в большом цистерцианском монастыре, где Артур рассчитывал уловить момент для разговора с Милдрэд, однако девушка поспешила удалиться, хотя и послала ему долгий нежный взгляд. Юноша же удостоился беседы с леди Гитой. У Артура сложилось впечатление, что баронесса благосклонна к нему, поэтому с готовностью отвечал на все ее вопросы, рассказал, как сэр Гай жил в Уэльсе, поведал о его жене, и леди Гита посокрушалась, узнав, что Гай потерял недавно родившегося сына. То, что у Гая есть две незаконнорожденные дочери, не показалось ей существенным, и она спросила, кому же перейдет наследство после рыцаря? Похоже, ее это особенно интересовало, она испытующе смотрела на Артура, но не успел он ответить, как баронесса задала совсем иной вопрос: если Артур ле Бретон решил оставить орден, дабы вступить в брак, то есть ли у него уже на примете невеста? При этом Артур непроизвольно посмотрел на дверь, куда удалилась Милдрэд. Правда, он тут же спохватился, стал что-то говорить, но неожиданно запнулся под ироничным взглядом леди Гиты. Однако она ничего не сказала ему, просто улыбнулась и пожала руку. А когда ушла, Артур еще какое-то время стоял на крыльце монастырского странноприимного дома, с радостью понимая, что у него появилась союзница.

Чего нельзя было сказать об отце Милдрэд. Ох уж эти отцы! Как же они пекутся о чести своих дочерей! Артур заметил, что Эдгар всякий раз оказывался рядом, как только юноша подъезжал к облаченной в траурные одежды Милдрэд. И так было всегда до того дня, пока Эдгару не пришлось оставить обоз. Перед отъездом он подозвал Гая де Шампера и сказал:

– Мы приближаемся к Колчестеру, где, как я говорил, расположена комтурия храмовников. Мне придется заехать туда как по своим делам, так и для того, чтобы сообщить, что к моей свите примкнул рыцарь-иоаннит.

Гай понимающе кивнул. Что касается Артура, то он, едва барон отбыл, почувствовал явное облегчение. Тем более что леди Гита сама попросила молодого рыцаря догнать уехавшую вперед Милдрэд и охранять ее. Девушка же, заметив, что Артур ее нагоняет, тут же прищипорила свою вороную лошадку. Юноша настиг ее только в отдаленной придорожной роще, где они, скрытые за ветвями деревьев, склонились друг к другу в седлах и стали упорно целоваться.

– Ты мой, – шептала Милдрэд между поцелуями.

– Да, кошечка, я твой без остатка. И все сделаю, чтобы мы всегда были вместе!

Они дождались подтягивающегося обоза, поехали впереди, негромко переговариваясь, или просто молчали, переполненные своим счастьем.

Опять ночевка, а затем снова в путь. Молодые люди теперь не разлучались. Метью и Рис, поглядывая на них, шептались, перейдя на валлийский: по всем приметам выходило, что их ловкий приятель все же сумеет добиться своей саксонки. Наблюдали за влюбленными и иные члены свиты. А строгая Клер даже обругала Торкеля, когда тот стал говорить, что любой орденский рыцарь забудет свои обеты, когда ему строит глазки такая красotka. Вот Клер и высказала Торкелю, чтобы не болтал лишнего. Сам еще недавно то и дело крутился вокруг молодой госпожи, а теперь... Теперь просто завидует! Вот уж Клер пожалуется на Торкеля его матушке Элдре!

Самим же влюбленным не было никакого дела до всех этих пересудов. Они словно плыли в упоении своего счастья и не рассуждали по поводу того, что пока ничего не решено. А еще они верили, что созданы друг для друга, верили, что само Провидение поможет им.

Мир вокруг был прекрасен. Легкие ночные дожди оканчивались с рассветом, и целыми днями светило нежаркое июньское солнце. Воздух благоухал ароматами цветущего льна и мальвы, был наполнен жужжанием пчел, собирающих мед на красно-белом ковре из клевера. На реках и озерах можно было увидеть лебедей, отражающихся в зеркальной воде, неподалеку от селений шумели колеса водяных мельниц, издали долетал благовест колоколов.

После остановки в аббатстве Бери-Сент-Эдмундс путники свернули с большого тракта на дорогу к Гронвуду и прибыли туда на закате, когда все окрест сопровождалось игрой цветов от желтого до оранжевого и пурпурного. Теплые блики сумерек уже скользили по глади речки Уисси и поверхности рва, окружавшего замок, отражались на светлых стенах цитадели, на скатах крыш и на лицах высыпавших встречать их людей.

Артур с интересом огляделся. Конечно, Милдрэд рассказывала ему о Гронвуде, но все же он не ожидал увидеть такую мощь, такое оживление и ликование, царившие вокруг. Они проехали через раскинувшийся вокруг Гронвуд-Кастла городок, и всюду слышались приветственные возгласы. Миновали мост и мощный барбакан²⁸, проехали внешний двор, и наконец копыта коней зацокали по плитам внутреннего двора.

Когда они спешили, в многоголосье собравшихся людей можно было различить и взволнованные речи. Кто-то спросил, отчего они прибыли раньше положенного срока, причем юная леди явилась не с женихом и вся в черном. Пока баронесса обращалась к собравшимся с приветственной речью, весть о том, что жених Милдрэд погиб на турнире, уже разошлась среди челяди. А одна толстая старуха даже довольно громко заметила:

– Неладно это. Что же, нашей леди теперь всю жизнь ходить в трауре по женихам? Того и гляди люди скажут, что она несет смерть своим избранникам.

Леди Гита даже запнулась и гневно взглянула на говорившую. Но поняла, что подобный слух и впрямь может распространиться, а людям рты не закроешь.

Что касается Милдрэд, то ее куда больше воодушевили разговоры молоденьких служанок, успевших рассмотреть, какой красавец приехал в свите леди, и решивших, что наверняка у него что-то намечается с их хозяйкой. Ведь все заметили, как он поспешил снять ее с седла.

На другой день в Гронвуд прибыл барон. И перво-наперво спросил, где его дочь.

– Она поехала показать Артуру ле Бретону усадьбу Незерби, – пояснила леди Гита. И добавила с неким вызовом: – Я сама им это позволила!

Позже барон переговорил с Гаем.

²⁸ Барбакан – башенное укрепление над главными воротами замка.

– Я поведал тамплиерам, что в моем замке будет гостить бывший иоаннит. Их это не особенно взволновало, поскольку они учли, что он и впрямь снимет орденский плащ и не прислан распространяться всюду о своем ордене.

– Да уж поверь мне, так все и есть, – усмехнулся Гай.

Милдрэд с Артуром вернулись ближе к вечеру. Эдгар с неким удивлением взирал на свою одетую в траур, но необычайно оживленную дочь. Да и ее спутник выглядел просто сияющим. Молодые люди почти не расставались, болтали, смеялись чему-то, а вечером в соларе просидели за партией в шахматы. Когда позже Милдрэд пришло время удалиться, Артур тоже поспешил откланяться. И все бы ничего, но немного погодя барон распахнул окно и, выглянув наружу, был неприятно поражен: на крепостной стене прогуливалась парочка – его дочь и Артур.

– Что все это значит? – Он указал Гаю и жене на молодых людей, которые, держась за руки, брели по зубчатой куртине²⁹. – Что станут говорить о них люди?

– Разве они ведут себя предосудительно? – Гита с улыбкой смотрела в окно. – Ты только погляди, какая ночь, Эдгар! Какой воздух!.. И молодой месяц светит с неба.

Лицо барона оставалось суровым.

– Наша дочь только что потеряла жениха. Она обязана год носить по нему траур, прежде чем снова начнет морочить головы поклонникам.

И тут его обычно такая покладистая супруга вспылила.

– Опять год траура? Эдгар, опомнись! Милдрэд уже восемнадцать! Может, тебе хочется, чтобы твою дочь считали перезревшей невестой? Того и гляди пойдет весть, что с наследницей Гронвуда что-то не так. И люди станут говорить, что Милдрэд сопровождает злой рок и она приносит гибель любому, кто к ней посватается.

Эдгар, опешив, уставился на жену. Что за глупости? Кто осмелится опорочить гронвудскую красавицу? Да и на рынке невест Милдрэд по-прежнему будет считаться одной из самых завидных партий. Но при условии, что ее репутация останется незапятнанной.

– Сэр Гай, – довольно сурово обратился барон к своему гостю, – боюсь, что вашего молодого друга не научили сдержанности в присутствии юных леди. Вам бы следовало переговорить с ним и научить его учтивости.

– Мой Артур достаточно хорошо воспитан, чтобы честь леди не пострадала. И я не вижу вреда, если эти двое, так приглянувшиеся друг другу, и далее будут общаться. Ибо они влюблены, разве вы не видите? А я желаю счастья нашим детям.

Все. Это было сказано. И сначала Гита, а потом и Эдгар повернулись и удивленно посмотрели на Черного Волка.

– Наши дети? – переспросил барон. – Вы намекаете, что этот госпитальер ваш сын?

Они переглянулись с женой, и Гита сказала:

– Вообще-то, мы с мужем подозревали нечто подобное. Не так ли, Эдгар?

Гай как-то смущенно улыбнулся. Он отошел к столику, где остались расставленные молодыми людьми шахматы, взял фигурку белого ферзя и стал теревить ее, невольно выдавая этим свое волнение.

– Говорите, заподозрили, что Артур мой? А вот я, к своему стыду, долго не догадывался об этом.

Гай рассказал, как Артура подбросили младенцем в приют для подкидышей в Шрусбери, когда он сам еще был изгнанником в чужих краях. Тогда за ним охотились люди старого короля Генриха и за его голову была назначена награда. Эдгар и Гита помнили то время, ибо именно в тот момент он, изгнанник и беглец, появился в Денло³⁰. Позже Гай

²⁹ Куртина – участок крепостной стены между замковыми башнями.

³⁰ Об этих событиях рассказывается в романе «Поединок соперниц».

отправился в графство Шрусбери, оттуда – в Уэльс, где сошелся с валлийцами и попытался отвоевать свои земли. Он и понятия не имел, что в аббатстве в Шрусбери растет его сын. А вот сестра Гая Риган, принявшая при пострижении имя Бенедикта, уже тогда обратила внимание на этого ребенка, который так был похож на ее брата. У женщин особое чутье на это. Вот почему она взялась опекать Артура, а позже постаралась свести его с братом. Но если Гай и проникся симпатией к смышленому пареньку, то все намеки Бенедикты вызывали у него одно лишь глухое раздражение.

– Но Риган не сдавалась, – продолжал рыцарь, глядя на внимательно слушавших его Эдгара и Гиту. – И недавно она выведала, что Артур все же мой сын. Причем привела такие доказательства, против коих я не мог возразить.

Гай не стал уточнять, какую жизнь вел все эти годы Артур, – незачем им знать о бродяжничестве его сына. Поэтому, все так же перебирая фигурки на шахматной доске, Гай сказал о том, что уже сообщил надежным людям в Уэльсе, что Артур его сын. Ибо в том краю не имеет значения, законнорожденный наследник или нет, главное – чтобы отец признал его своим, и тогда все его имущество, а также имя переходят указанному продолжателю рода.

– Я по-прежнему изгой в Англии, – говорил рыцарь Черный Волк, – но в Уэльсе я уважаемый человек и имею хорошее состояние. К тому же, если однажды Генрих Плантагенет сможет заполучить корону, у меня появится шанс отсудить свои приграничные земли. Но в любом случае мое родовое имя унаследует Артур. Конечно, если возвысится Плантагенет, это будет проще сделать, учитывая, что Артур был его приближенным и находился в милости. Но даже если Генрих Анжуйский откажется от прав на английскую корону, то мой сын однажды смело назовет себя именем моего рода. А род наш древний и уважаемый. Мой дед Юон де Шампер получил свои владения за службу Вильгельму Завоевателю, и отныне мы зовемся господа де Шампер, владельцы маноров Тависток, д'Орнейль и Круэл. И все это я завещал Артуру, как и свои валлийские усадьбы. Ну, за вычетом приданого моим дочерям.

Он повернулся и посмотрел на Эдгара и Гиту.

– Конечно, все это еще спорные земли, но кровь-то у моего сына благородная. И он искренне любит вашу дочь. Да и девушка равнодушна к Артуру. Артуру де Шампер! – добавил он с гордостью. – Поэтому от его имени я хочу просить у вас руки Милдрэд Гронвудской из рода Армстронгов. Вы не потеряете достоинства, если не станете противиться привязанности своей дочери и моего сына!

Произнеся все это, Гай бурно задышал, и было видно, что он сильно взволнован и с нетерпением ждет их решения.

И тут Гита спросила:

– А кто же его мать?

Даже в золотистом свете свечей стало видно, как побледнел Гай.

– Вы поняли, что Артур – мое незаконнорожденное дитя. И та, что произвела его на свет, не моя супруга, никогда не была и не могла ею стать. Ибо она замужем. Да и род ее столь высок, что нас ничего не могло связать, кроме пылкого чувства. Не будь этого чувства, эта леди никогда бы не снизошла до меня. Но ее кровь... Благородная кровь, столь высокая, что она возвышает даже того, кто имеет положение бастарда.

Он опять стал передвигать фигурки на доске, волнуясь и не осмеливаясь досказать начатое. В итоге его рука так дрогнула, что он смел половину шахмат с доски на ковер, посмотрел на разбросанные фигурки, но не спешил их поднимать.

– Матильда, – произнес он негромко. – Императрица Матильда. Но тогда... Когда мы любили друг друга, она звалась еще и графиней Анжуйской.

Эдгар и Гита пораженно молчали, и в покое стало совсем тихо, только легко, как шелк, потрескивали свечи в высоких шандалах.

Наконец барон сказал:

– Я припоминаю какие-то слухи, что ты опозорил графа Анжу и он потребовал от короля Генриха твою голову. Так вот в чем была причина... Но как, ради всего святого, удалось скрыть подобное, когда Матильда всегда на виду и за ней следят столько глаз?

Гай как-то устало склонился над шахматным столиком, опустил голову на руки. Когда заговорил, голос его звучал глухо:

– Поэтому я и не мог предположить, что Артур мой, ибо связь у меня была только с императрицей, супругой Анжу. Правда, ведь и я слышал сплетни, что вроде Матильда родила бастарда, который вскоре умер. Но тогда мне это казалось нелепицей. Чтобы Матильда, замужняя дама, императрица, графиня, наследница престола – и смогла тайно родить?.. Но оказалось, что она особенная. И может все!

Гай вскинулся, глаза его засияли. Он словно забыл, что говорит с людьми, поддерживающими врагов его возлюбленной. Однако они не прерывали его, и Гай не стал таиться.

Это все его сестра. Как он говорил ранее, Риган всегда подозревала, что Артур их с Гаем родня. И когда она узнала, что юноша потерял голову и сердце от любви к прекрасной Милдрэд, решила сама во всем разобраться. Для этого ей понадобилось разрешение на отъезд, и она, покинув свою паству, уехала за море. Риган, когда-то давно бывшая фрейлиной императрицы, с превеликим трудом добралась до города Анжер и добилась встречи с последней. Но оказалось, что с тех пор как Матильда доверяла ей, прошло слишком много времени. С Риган она держалась холодно и отчужденно, а когда аббатиса стала делать некие намеки, то просто не пожелала ее слушать.

– Может, в этом была и моя вина, – рассказывал Гай. – Я ведь сопровождал императрицу, когда она совершила свой побег из оксфордского пленения. Тогда все было слишком сумбурно и сложно, но помнится, что Матильда с каким-то особым интересом осведомилась: есть ли у меня дети? Почему она не спросила напрямик? Увы, с тех пор как мы потеряли голову от любви, прошло слишком много времени, многое изменилось, Матильду обуревали иные заботы и... И она... уже любила другого человека. Бриан Фиц Каунт из Уоллингфорда занимал все ее мысли. Он и ее война за корону. Но все же Матильда спросила о моих детях. Помнится, я сказал, что имею двух внебрачных дочерей. А она все уточняла, есть ли сыновья? Но я не придавал тогда значения ее вопросу. Отшутился, что, дескать, еще достаточно в силе, чтобы заиметь наследника. Императрица заметно расстроилась, но больше не стала допытывать меня. Лишь сказала, что, видимо, так было суждено. И словно потеряла ко мне всякий интерес. Еще бы, ее ведь уже ждал Уоллингфордский Бриан!

Гай произнес это с нескрываемым отчаянием. Супруги переглянулись. Они поняли, что Гай всю жизнь любил только одну Матильду, высокородную, но недостижимую для него женщину. И эта любовь и поныне заставляла его страдать.

– Но разве Матильда сама не ведала, где ее сын? – осторожно спросил Эдгар, когда молчание Гая затянулось.

Тот перевел дыхание. И поведал все.

Оказывается, сколько бы Риган после своей встречи с императрицей ни пыталась добиться еще одной аудиенции, ей постоянно отказывали. А ведь она хотела предъявить Матильде алмазный крестик, который был на подброшенном в приют ребенке, и рассказать о судьбе малыша. Поистине упорству Риган, ее преданности Артуру можно только позавидовать. Но императрица не желала больше касаться этой темы, как и не желала вести речи с сестрой человека, ради любви к которому когда-то поступилась своей честью. Риган рассказала, как она ездила за двором Матильды, как ее гнали, но она, сильно поистратившись в пути, все же не отступала. Было в ее разговоре с императрицей что-то такое, что казалось недосказанным, чего та решительно не желала касаться. И это давало сестре Гая надежду.

Наверное, она рано или поздно смирилась бы, но, видимо, ей слишком хотелось добиться цели, и Господь откликнулся на ее молитвы.

Нет, с Матильдой ей так и не довелось больше свидеться, однако как-то, уже в Ле-Мане, Риган заметила одна из придворных дам императрицы. Некогда они обе состояли в ее штате, и сия дама – звали ее Ивета де Кемвилль – узнала былую наперсницу, увидела жалкое состояние той и приняла ее к себе на постой. Ивета де Кемвилль все еще входила в окружение императрицы, была обеспеченной и довольной своей жизнью особой. Уже овдовев, она неплохо жила в Ле-Мане, и если ее что-то не устраивало, так это скука. Поэтому она была даже рада встретить знакомую из прошлого, они подолгу беседовали, причем облагодетельствованная за долгую верную службу Ивета жила в роскоши, пристрастилась к вкусной еде и вину... Именно благодаря излишнему пристрастию к этому напитку она как-то и проговорила. Сначала она выпрашивала у Риган о брате, вспомнила, как Матильда настолько им увлеклась, что сделала своим любовником. И забеременела от него. Но тогда уже разразился скандал из-за Гая, и рыцарь вынужден был скрываться, а Матильда с двумя верными служанками – самой Иветой и еще одной дамой – под видом богомолья отбыла в один из уединенных английских монастырей, где втайне разродилась младенцем мужского пола. По ее приказу ребенка отправили в графство Шропшир, чтобы передать мальчика отцу. Но что-то там у них не сложилось, и в итоге никто не ведал, куда запропастился малыш.

Ивета, захмелев, призналась, что первое время Матильда очень сокрушалась, что не может отыскать ребенка, но потом у нее родились сыновья от супруга, жизнь пошла своим чередом, и она постаралась позабыть тот досадный инцидент, порочащий ее честь. Однако те милости, что императрица расточала Ивете, были связаны именно с тем, что та доказала верность госпоже в столь трудное для нее время.

– Представляете, что почувствовала моя сестра, услышав подобное? – Гай повернулся к внимательно слушавшим его супругам. – Все сходилась. И по срокам, и по деталям. А таковой деталью является нательный алмазный крестик, какой был на подкидыше Артуре. Когда Риган показала его захмелевшей Ивете де Кемвилль, та сразу узнала его. Сказала, что Матильде подарил его отец, король Генрих, и она потом велела сделать себе такой же. Теперь его носит старший сын императрицы Генрих Плантагенет. Ивета даже удивлялась, откуда такой же крестик у Риган. Ибо именно его надела на шею бастарда Матильда, прежде чем велела унести малютку.

На другой день сия дама раскаивалась в своей пьяной откровенности, умоляла Риган забыть их разговор, чего-то боялась и даже призналась, что она и жива-то до сих пор лишь потому, что столько лет хранила все в тайне. Аббатиса пообещала молчать и сумела успокоить подругу, сообщив, что немедленно возвращается в Англию. Но как только Риган переплыла Канал, она спешно приехала ко мне в Уэльс и все рассказала.

Гай умолк. Молчали и его слушатели. Наконец Гита тихо спросила:

– А Артур знает?

Гай отрицательно покачал головой. Потом встал и приблизился к сидевшим в нише окна супругам.

– Я прошу вас ничего не говорить ему. Для всех мой сын должен оставаться рыцарем ле Бретоном. Однажды я ему все поведаю. Но пока... Вы же понимаете, кто его мать... И я рассказал вам это, несмотря на то что вы союзники короля Стефана, лишь потому, что верю в вашу честь, которая не позволит вам разгласить эту давно поглощенную временем тайную историю. Ведь это вопрос доброго имени дамы!

После раздумья Эдгар спросил, когда Артур вступил в орден Святого Иоанна, которому покровительствует Матильда, и не догадалась ли она, кто сей молодой рыцарь? Гай поспешил заверить, что не догадалась, да и Артур по большей части общался с принцем Генрихом. По сути так оно и было. Даже после своих признаний Черный Волк не спешил сообщать

щепетильному в вопросах чести Эдгару, что Артур имеет к госпитальерам не более отношения, чем он сам. Особенно теперь, когда Эдгар хлопотал об отставном госпитальере перед храмовниками. Да, барон должен видеть в Артуре лишь рыцаря, равного по крови и положению его единственной дочери. Может, они с Артуром потом и сознаются в своем обмане. Но это будет позже, когда все уладится.

Эдгар отвернулся к окну. Снаружи порой долетали звуки ночи: отдаленный крик совы, голоса перекликающихся на стенах замка стражников.

– А эти все еще гуляют. И ночь им не ночь, – произнес он, заметив свою дочь и сына Гая, медленно прохаживающихся вдоль зубчатого парапета стены.

Эдгар догадывался, что именно по воле Милдрэд молодой рыцарь остается с ней. Вряд ли бы юноша осмелился на такое, а вот Милдрэд всегда была своенравной. Она часто прикидывалась покорной, но при этом умела настоять на своем. И Эдгар поощрял в ней это умение. Милдрэд слишком знатна и богата, чтобы находиться у кого-то в повиновении. Когда Эдгар узнал, что с его девочкой непочтительно обошлись в доме предназначенного ей в супруги Роджера Херефордского, он сразу решил, что не такой муж нужен для Милдрэд. Может, поэтому и дал согласие на ее обручение с Этелингом, ибо видел, что с таким супругом Милдрэд останется госпожой в своих владениях. Но было и еще кое-что; Эдгар даже самому себе не признавался, что втайне ревновал свою единственную обожаемую девочку к любому, кто бы ни стал ее мужем. Но дочери все равно вырастают, и их привязанность к отцам переходит на иного мужчину. Эдгар же хотел всегда оставаться для своей малышки единственным. Поэтому спокойно свыкся с мыслью, что Милдрэд не любила Эдмунда. Привыкнет, думал он, но именно отец всегда будет первым в ее сердце. Однако он ошибся, ибо Милдрэд уже тогда была влюблена. Гита первая поняла это. И вот этот возлюбленный дочери появился. А Милдрэд стала такой, какой никогда не была ранее: безмерно счастливой.

Это была потаенная отцовская ревность. Эдгар сам стыдился ее и убеждал себя, что если желает для дочери счастья, то должен ответить согласием Гаю. Гай – его друг, давний и верный, они с Гитой многим ему обязаны. И разве не счастье, что их дети нашли и полюбили друг друга, разве не замечательно, что они могут породниться с таким славным человеком, как Гай де Шампер?

Но Эдгар всегда был практичным и рассудительным человеком. Он понимал, что если сын Гая и его дочь станут парой, то при власти Стефана им придется содержать себя только за счет приданого невесты. Более того, молодой человек даже не сможет дать жене своего истинного имени. С ее рукой он получит титул барона Гронвудского, но пока она будет называться просто Милдрэд де Бретон. Не самое почетное имя для его девочки. Однако пути Господни неисповедимы, и если по воле Провидения корона Англии однажды перейдет к Генриху Плантагенету, гронвудская леди, возможно, несказанно возвысится. Но кто способен предвидеть грядущее?

Опершись локтями о колени и закрыв ладонями лицо, Эдгар погрузился в размышления. Но вот он поднял голову и увидел, как пристально и взволнованно смотрит на него Гай.

– Во имя Бога, Эдгар, дай свое согласие! Сделай счастливыми наших детей!

Гита тоже выжидающе смотрела на мужа. Она не станет перечить любому его решению, но не думает ли она... Некогда Эдгар ради высокого положения избрал не ее, а куда более знатную особу³¹. И тот брак был полной противоположностью союзу, какой он познал, сочетавшись с Гитой, которую любил. Возможно ли, чтобы он не желал подобного счастья своему ребенку?

Эдгар резко поднялся и решительно вложил свои руки в ладони Гая де Шампера.

– Во имя Бога! – ответил он.

³¹ См. «Поединок соперниц».

Глава 6

День в Гронвуд-Кастле начинался с раннего пения петухов. Потом страж на башне протяжно трубил в рог, возвещая приход утра.

Дочь гронвудского барона обычно не вставала в такую рань, ибо сейчас только начинали растапливать печи, а ночевавшая внизу дворня неспешно пробуждалась и приступала к уборке. Но даже в полусне юная леди начала улыбаться. Ведь этот день – как и каждый предыдущий и каждый последующий – стал для нее поводом для радости. Она засыпала и просыпалась с этим ощущением. Оно было таким же ясным и сияющим, как проникавшие в окно ее покоев лучи солнца. Милдрэд не запахивала занавески вокруг ложа, солнечный свет постепенно достигал ее, и девушка просыпалась сияющая и светлая, как и наступавший новый день.

Сбросив расшитое покрывало, она рывком соскочила с постели и, как была в одной рубашке, босиком подбежала к окну.

Внизу, во дворе замка, еще таился сумрак, но зубчатые парапеты стен Гронвуда уже озаряло солнце. Слышался людской гомон, на куртинах замка сменялась стража, издали веял теплый летний ветерок. Мир был прекрасен. Мир был полон счастья. Счастье, счастье, счастье – вот что ощущала Милдрэд Гронвудская с того самого момента, как отец объявил, что согласен на ее обручение с рыцарем Артуром ле Бретеном.

Милдрэд не смущало, что на пути к ее браку вставала эта ложь – рыцарское звание ее возлюбленного бродяги. Да и сэр Гай уверил, что он объявит Артура своим наследником, передаст ему свое состояние. Все остальное будет зависеть от самого Артура. Но в нем Милдрэд не сомневалась. Этот плут добьется своего, он обещал ей это, да и сам не захочет разочаровать будущих тестя с тещей. И Милдрэд радовало, что у ее избранника сложились столь теплые и дружеские отношения с ее родителями. Барон и баронесса с каждым днем убеждались в многочисленных талантах Артура, а сам он, впервые обретя семью, был тронут их благосклонностью и делал все возможное, чтобы их расположение только крепло.

С утра они все собрались на раннюю мессу в замковой часовне. Эдгар приветливо потрепал мнимого госпитальера по плечу, леди Гита улыбнулась, когда тот поцеловал ей руку. Все стали перед распятием: Милдрэд – подле своих родителей, Артур – между Гаем и сенешалем Пендой, – и капеллан начал читать молитву. И все же взгляды молодых людей то и дело встречались, и девушка не могла сдержать улыбку, когда Артур незаметно посылал ей воздушный поцелуй. Это мог заметить только стоявший у алтаря капеллан отец Джордан, но он отвел глаза, стараясь сохранить достойное выражение лица. Ибо даже он не пенял этой одетой в черные одежды юной деве, которая не пыталась углубиться в молитву, а то и дело косилась в сторону жениха.

Было решено, что, дабы соблюсти приличия, Милдрэд еще пару месяцев будет ходить в трауре, и только после этого состоится оглашение ее помолвки с рыцарем Артуром. Венчание же, по общему согласованию, должно состояться после Рождества Девы Марии – восьмого сентября. И хотя до указанного срока полагалось не распространяться по этому поводу, все в замке догадывались, что ждать момента, когда зазвучат свадебные колокола, осталось недолго.

После мессы присутствующие стали спускаться в зал. На повороте винтовой лестницы Артур умудрился обойти Гая и поймал ручку своей невесты.

– Ты сегодня словно солнышко! Даже в своем траурном покрывале.

– Фи, сэр. И это все, что вы можете сказать о моей красоте? Неважный вы трубадур, если не находите более нежных слов для дамы сердца.

Юноша не успел ответить, так как они уже оказались на лестничной площадке над залом и были у всех на виду. Но пока они спускались по ступеням, Милдрэд бросила на Артура лукавый, манящий взгляд. О, как же ей нравилось его дразнить! Теперь, когда она знала, что он принадлежит ей... а она ему... даже присущая ей ранее девичья стыдливость отступила. Ей хотелось быть с ним чаще и ближе... и чтобы он много чего себе позволял.

Артур заметил эту перемену в своей милой. Она сводила его с ума, но он должен был сдерживаться, ибо, облеченный доверием ее родителей, не смел да и не хотел переступать черту, какая полагалась в отношении обрученных в преддверии брака. Поэтому, когда все расселись на возвышении за столом, Артур был вынужден переключить свое внимание на одного из гостей барона, пожилого тучного Бранда, и слушал, что тот говорил о своих богатствах – мельницах, заливных лугах, отарах овец. Артур думал, каково этому толстяку похвалиться тут, в замке, где все так роскошно и полно стремления сделать свою жизнь богатой, уютной и представительной.

Юноша поднял глаза к высокому голубому своду над залом с рисунком из золотых звезд, напоминавшему ночное небо. Стыки свода соединяли позолоченные, украшенные резьбой нервюры³². Все это было великолепно и походило на храм, и даже легкая копоть от каминов и факелов не могла погасить сияние неповторимой красоты. К тому же благодаря высокому тройному окну с одной стороны донжона³³ освещения в зале хватало почти до вечерней трапезы. Поэтому с наступлением летних дней здесь не зажигали камины – их было два, больших, выступавших у стен по бокам зала и расположенных один напротив другого. Колпаки-вытяжки каминов были украшены гербом лорда Эдгара – алой лошадиной головой на светлом фоне.

Такая же эмблема красовалась на больших щитах, развешанных на стенах. Щиты эти имели каплевидную форму и были столь велики, что Артур решил, что ими неудобно пользоваться даже коннику. Однако ему пояснили, что щиты эти скорее парадные, охрана использует их в особо торжественных случаях, когда в Гронвуд-Кастл прибывает некое значимое лицо. Тогда стражи выстраиваются в приветствии, удерживая их перед собой для внушительности. Однако щиты эти применяют и во время гронвудских турниров, сдерживая с их помощью наиболее ретивых зрителей, дабы те в пылу не выскочили на арену.

Кроме щитов, стены украшали и длинные тканые гобелены, на которых были вытканы различные картины из мирской жизни: охота, пахота, конный гон – или же турнирные сцены, напоминающие о тех ристалищах, какие бывали в Гронвуде. Приятно было разглядывать эту вышивку, сидя за длинными столами, расставленными вдоль зала. Эти столы были предназначены для не очень знатных гостей барона и челяди. Главный стол стоял на возвышении напротив входа в донжон и был покрыт прекрасной скатертью. Это был единственный стол с ножками, в то время как нижние столы представляли собой всего лишь уложенные на козлы столешницы, которые после трапезы протирали и устанавливали вдоль стен, отчего в зале сразу становилось много места, ибо тут не только трапезничали – тут жили, отдыхали, ожидали приказов, а по ночам спали, разложив тюфяки и овчины прямо на покрытом тростниковыми циновками полу.

Обычно в Гронвуде всегда бывало несколько гостей, и леди Гита с дочерью следили, чтобы тех хорошо приняли, расположили их свиту, а самих усаживали на полагавшиеся им места и развлекали беседой. Слуги несли к столам все новые кушанья, сверху, с деревянной галереи, доносилась негромкая музыка, снизу долетал гомон и смех, было слышно, как взвизгнула служанка, которую притянул к себе на колени один из ратников барона. Но на него тут же прикрикнул сидевший неподалеку Метью и потребовал отпустить девицу.

³² Нервюры – выпуклые ребра свода, образующие каркас, укрепляющий кладку свода.

³³ Донжон – главная башня в замке, где проживала семья сеньора.

Этого облаченного в сутану богатыря в Гронвуде уважали. Сейчас Метью уплетал за обе щеки запеченных в тесте угрей, хлебал сдобренную маслом овсянку. Метью любил хорошо поесть, и в Гронвуде, где всегда щедро угощали, он просто благоденствовал. Заметил Артур и Риса, оживленно беседовавшего с одной из горничных леди Гиты. Артур задержал на нем взгляд, когда увидел, как девушка что-то поясняет рыжему валлийцу, показывая вышивку по краю своей пелерины. Рис слушал внимательно, даже осторожно, словно прощупывал узор. А потом коснулся края пелерины, принял у хохочущей служанки ее чепец и примерил на себя. Это вызвало смех, но Артуру стало не по себе. А тут еще и сидевший рядом с ним Гай заметил:

– Ты бы переговорил с Недоразумением Господним. Похоже, его странная натура опять возжелала превратиться в девицу. Не хватало еще, чтобы о столь необычном поведении твоего оруженосца пошли сплетни и люди стали догадываться, что он... невеста кто.

Кажется, подобные мысли возникли и у Милдрэд, которая обменялась с юношей быстрым взволнованным взглядом. А потом они просто смотрели друг на друга, забыв об окружающих. Только когда Бранд стал рассказывать про Хорсу, оба отвлеклись и прислушались.

Старый тан говорил, что Хорса в своей усадьбе ведет замкнутую жизнь, ни с кем не общается, все больше занят по хозяйству. У Хорсы был взрослый сын, который все эти годы занимался усадьбой, но еле сводил концы с концами. Однако теперь, когда отец разбогател на службе у принца, у них появилась возможность поправить свои дела и в усадьбе чинят частоколы, даже камня навезли, чтобы вымостить двор.

– Все говорят, что Хорса наконец уgomонился, – уверял Бранд. – Пора бы. Да и не молод он уже, чтобы вытворять очередные глупости. Поэтому ты бы простил его, Эдгар. Столько лет вражды! А ведь вы с Хорсой не чужие.

Эдгар не ответил, но лицо его посуровело. Да и Милдрэд стала хмуриться, особенно когда услышала, что Хорса намеревается приехать на большую Гронвудскую ярмарку, какую традиционно проводят в середине июля.

– Отец, где бы ни появлялся Хорса, там всегда смута и беспорядки. Вспомните, что он еще недавно хотел затеять в Норфолке мятеж и только волей Провидения удалось избежать этого!

– А мне Хорсу жалко, – неожиданно вступилась за бывшего поклонника леди Гита. – всю жизнь он был изгоем, все время его планы терпели крах. Эдгар, если Хорса появится на Гронвудской ярмарке, возможно, это и впрямь будет поводом, чтобы наладить с ним отношения. Благородный Бранд прав: вы не чужие. К тому же нынче вас ничто не разделяет, ведь вы оба служите Блуаскому дому, а то, чего столь страстно добивался Хорса – обручения Эдмунда Этелинга и Милдрэд, – все же произошло. И не наша вина, что добрый юноша погиб, мир праху его.

Эдгару не нравилось, что жена просит за Хорсу. Но тут подала голос подруга баронессы аббатиса Отилия, сидевшая подле нее:

– Случится неладное, если Хорса приедет в Гронвуд-Кастл.

Она сказала это негромко, но все ее слышали и стали переглядываться. Эта невысокая миниатюрная женщина, вот уже много лет состоявшая настоятельницей монастыря Святой Хильды, слыла в народе святой и предсказательницей, а леди Гита дружила с ней с юности и порой приглашала погостить у них в Гронвуде. Сейчас баронесса специально вызвала настоятельницу Отилию, дабы та взглянула на жениха дочери и высказала о нем свое мнение.

Об этом они и говорили после трапезы, когда поднялись на красивую галерею, расположенную над главным входом в донжон.

– Ты напрасно полагаешься на мое мнение, Гита, – сказала аббатиса, не поднимая своих кротких глаз. – Кроме того, что сей рыцарь пригож и учтив, мне нечего добавить. Другое

дело, что я вижу, насколько счастлива твоя дочь. Это ли не повод, чтобы выдать ее за этого пройдоху?

– Пройдоху? – удивленно переспросила баронесса. – О Небо! Что означает это твое определение по отношению к рыцарю-госпитальеру?

Преподобная Отилия выглядела смущенной. Стала извиняться за грубое слово, твердила, что сама не заметила, как оно сорвалось с уст. Нет, она ничего дурного не хочет сказать, она видит, что Артур ле Бретон – человек благородный, душа его светла и он искренне любит Милдрэд. Но... Отилия застыла на какой-то миг, словно прислушиваясь к чему-то в глубине себя, а потом изрекла:

– Чем скорее вы их обвенчаете, тем лучше. Я не могу это объяснить, но барон поступил неправильно, не соединив сразу эти две любящие души.

Леди Гита поправила сползшую ей на плечи легкую шаль, и руки ее при этом дрожали.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что нам надо поторопиться, чтобы... Ну, чтобы то тайное, что было между влюбленными, не стало явным? О, Дева Мария!.. Не беременна ли моя дочь?!

Аббатиса затрясла головой. Нет, нет, она не это имела в виду. Она сама не знает, почему какой-то внутренний дух порой заставляет ее говорить столь странные речи. Но ей кажется... Преподобная Отилия замялась, подбирая слова, и на ее бледном, рано постаревшем лице читалась мука. Наконец она решилась: ей кажется, что вокруг Милдрэд сгущается тьма. Но, возможно, ей это просто померещилось из-за того, что девушка слишком часто носит траурные покровы.

Едва она это сказала, как в галерее показалась сама юная леди. Она действительно была вся в черном, но шла так быстро, что широкие легкие рукава ее траурного блио просто летели за ней, а обрамленное черной барбетой³⁴ личико горело гневным румянцем.

– Матушка, отец опять увел от меня Артура. Мы только стали разучивать на лютне новую канцону³⁵, как он потребовал его к себе. Он что, хочет, чтобы я сторонилась Артура до самого венчания?

Гита смутилась такому проявлению пылкости дочери, да еще и перед сторонним человеком. И она стала говорить, что Милдрэд не следует забывать, что раз ее отец явил великодушие, приняв в семью человека без особых средств, то ей не следует вмешиваться. Эдгар всего лишь желает обучить юношу всем тонкостям ведения дел в Гронвуде и окрестных манорах.

– Отец хочет обучить Артура всему сразу? – проворчала Милдрэд. – У нас для этого вся жизнь впереди, а он целые дни держит подле себя Артура.

– Хватит! – решительно прервала дочь баронесса. – Твое поведение недопустимо! Постыдилась бы преподобной Отилии. А будешь вести себя неразумно, я отошлю тебя к ней в монастырь поучиться смирению! И уж там...

– Не надо этого делать! – неожиданно перебила ее настоятельница. – Я всегда рада вашей дочери, но вам и впрямь лучше не разлучать их с юношей. Это их спасет. И... И... Ради всего святого, гоните прочь Хорсу! – почти выкрикнула она, и лицо ее при этом приобрело несколько странное выражение. Потом Отилия быстро заморгала и стала трясти головой, как будто приходила в себя. Судорожно сжав нагрудный крест, она произнесла уже более спокойно: – Я ничего не могу объяснить, но буду настаивать, что вместе с Хорсой в ваш дом может прийти беда.

³⁴ Барбета – часть головного покрывала, проходящая лентой под подбородком и облегающая щеки.

³⁵ Канцона – лирическое стихотворение о рыцарской любви в средневековой поэзии, зачастую исполнявшееся под звуки лютни.

Милдрэд сильно побледнела. Связанная клятвой на Евангелии, она не могла сказать, какую роль в ее судьбе сыграл Хорса, выслуживаясь перед принцем Юстасом. Это было то страшное прошлое, от которого она хотела оградить родителей. И, видя, как взволнована мать после ухода преподобной Отилии, она сама отвлекла ее, когда со двора долетели голоса отца и Артура. Они куда-то уезжали, им подвели коней, и было приятно видеть, как эти двое прекрасно ладят и понимают друг друга.

Артуру и впрямь было интересно с Эдгаром Гронвудским: вместе они объезжали земли барона и тот объяснял, что и как тут устроено, что можно произвести в его владениях, а что лучше закупить на стороне. Он показывал будущему зятю табуны своих лошадей, они заезжали в окрестные усадьбы, и барон знакомил Артура со своими вассалами, говорил, сколько всадников или пеших сможет выставить в случае войны каждое поместье, какой доход дает то или иное крестьянское хозяйство, сколько арендаторов живет на землях гронвудского барона и с кого надо брать оброк натуральным продуктом, а кто в состоянии внести денежный вклад.

Но порой барон оставлял дела и звал Артура и Гая поупражняться с оружием на плацу. Это каждодневное занятие было обязательным для каждого воина, но мужчины получали от него особое удовольствие. Они ежедневно упражнялись то с мечами, то с секирами, а однажды Гай попросил юношу показать барону, как он ловок в обращении со своим длинным шестом. Причем и Гай, и Эдгар взялись насадить на юношу с оружием, но тот так ловко отбивал или уводил в сторону их выпады, так умело делал подсечки и выбивал оружие, что барон пришел в восторг.

Милдрэд часто наблюдала за их учениями, и ей было приятно, что отец наконец-то проникся симпатией к ее избраннику. И если сначала она волновалась, что Артур совершит какую-то оплошность, какой-то прокол и барон заподозрит его во лжи, то вскоре поняла, что ее возлюбленный слишком большой проныра, чтобы позволить отцу коснуться скользких тем. К тому же едва возникала двусмысленная ситуация, как тут же появлялся Гай и приходил юноше на выручку.

Да, все это было неплохо, если бы не одно «но». Ибо как бы ни хотелось Милдрэд проводить больше времени с женихом, как бы ни желала она остаться с ним наедине, рядом обязательно кто-то оказывался, их всюду сопровождали, за ними присматривали. Раньше девушка думала, что Гронвуд-Кастл достаточно обширный замок, где всегда можно укрыться, но на самом деле ничего подобного не было. Поэтому молодым людям почти не удавалось уединиться. В итоге, повстречавшись, влюбленные расходились... до следующего раза. Ибо следующий раз наступал непременно. Милдрэд ждала очередного свидания и все это время находилась в состоянии необыкновенной живости, этакой странной смеси напряжения и легкости, будто хлебнула крепкого вина. Все видели, как пылают ее щеки и сияют глаза, и как было не догадаться, что она влюблена и ищет встреч. Частенько обрученные, выбравшись из какого-то укромного закутка, были крайне взбудоражены: Артур выглядел растрепанным, глаза его блестели, а у девушки губы были кроваво-красными после поцелуев.

Милдрэд наслаждалась тайными краткими свиданиями и даже не подозревала, что после их пылких объятий и поцелуев ее возлюбленному порой приходилось туго. Не смея переступить определенную черту, он оставался охваченным таким возбуждением, что зачастую ворочался до утра, не в силах уснуть. А потом словно заведенный работал с оружием, желая хоть как-то утомить себя, почувствовать расслабленность.

И все же Артур пребывал в состоянии полного счастья. Любовь Милдрэд, возможность находиться подле Гая, уважение, какое он испытывал к Эдгару, приветливость леди Гиты – все это дарило ему такое ощущение, словно он впервые приобрел семью. И с ним были его друзья Метью и Рис, он сдружился с самоуверенным, но простодушным Торкелем, ему нра-

вилось поддразнивать ворчунью Клер, он проникся уважением к степенному и деловому сенешалю Пенде.

По вечерам обитатели Гронвуда собирались в большом зале. С делами было покончено, и наступало самое любимое время, когда люди могли поболтать, попеть или, рассевшись на скамьях вдоль стен, заняться всякими поделками. Кто-то чинил домашнюю утварь, кто-то чистил снаряжение, женщины обычно рукодельничали, а молодежь затевала веселую возню, заигрывая друг к другу и смеясь. В последнее время Рис забавлял окружающих трюками, какие умел исполнять Гро, сенешаль Пенда беседовал о чем-то с братом Метью, а леди Гита обсуждала с Клер рисунок нового гобелена.

Артур сидел неподалеку от Гая и Эдгара, наблюдая за игравшей с маленькой белой собачкой Милдрэд, и при этом прислушивался, о чем беседовали барон и Гай де Шампер.

– Доходят вести, – говорил Эдгар, – что брак королевской четы во Франции вряд ли сохранится. Ибо все усилия советников короля и старания Папы не допустить развода Людовика и Элеоноры ни к чему не приводят. Но если ранее требования развода исходили только от взбалмошной Элеоноры, то теперь и Людовик серьезно подумывает об этом. Он заявил, что если за тринадцать лет брака королева родила ему только двух дочерей, то, видимо, в их союзе что-то не так и само Небо против этого супружества. Королева же, узнав о подобном заявлении мужа, еще более подлила масла в огонь, произнесла фразу, какую ныне повторяет вся Франция... если не вся Европа: «Я думала, что вышла замуж за мужчину, но оказалось, что за монаха!»

Гай отвечал, что если французская королевская чета пойдет на разрыв, то Людовик может лишиться половины своих владений, учитывая, что их владелицей является Элеонора. Но Артур уже не слушал, вспоминая своего юного покровителя Генриха Плантагенета, который всегда мечтал о французской королеве. Тогда он казался Артуру наивным юнцом, а его мечты – забавными, несбыточными и даже смешными. Но что будет, если Элеонора Аквитанская и впрямь освободится от уз брака? Тогда мальчишка Плантагенет окажется куда ближе к достижению своей мечты. И все же... Генрих намного младше Элеоноры, да и кто он в ее глазах? А она, что уж тут говорить, – самая прославленная женщина во всем подлунном мире.

Артур настолько задумался, что не сразу заметил, что к нему обращаются.

– Вы замечались, друг мой? – окликнул его Эдгар.

Он погладил голову узкомордой борзой, ласкавшей к нему, и стал пояснять:

– У нас в Англии многие считают, что, получив в наследство Нормандию, Плантагенет не станет более зариться на английский престол. Не совсем удачная для него прошлогодняя кампания и управление землями во Франции отвлекут его от нашего королевства. Поэтому все больше распространяются слухи, что теперь именно англичане станут наседать на Генриха, постараются отвоевать у него некогда утерянную Нормандию. Если такое случится, то к нам наверняка придут гонцы от его величества и я должен буду выполнить свой долг вассала и собрать войска, чтобы поддержать Блуаский дом. Вот я и думаю, Артур, не вступишь ли ты в мое войско? Твоя служба под знаменами Стефана может показать, что ты уже не принадлежишь к ордену иоаннитов, и они не смогут предъявить тебе никаких претензий, поняв, что ты стал рыцарем английского короля.

– Сэр, простите, но мне все же более по душе Генрих Плантагенет, – твердо ответил Артур, хотя и понимал, что это крамольные слова в доме союзника Стефана.

Сидевшая неподалеку от них Милдрэд даже заволновалась, но тут вмешалась ее мать, сказав, что ее супругу не пристало рассуждать о военной кампании, ведь вскоре состоится венчание молодых и неловко будет отправлять новобрачного в бой прямо после свадьбы. Гита была права, и Эдгар перевел разговор на предстоящую вскоре большую Гронвудскую ярмарку.

О, эта тема волновала всех. Ярмарка! Конечно, она проводится в основном из-за конских торгов, какие устраивает Эдгар, но будут тут продавать шерсть и тростник, птицу и рыбу, гончарные изделия, оружие и всевозможные иноземные товары. Однако кроме торговли и мены, ярмарка еще и праздник, какой в Гронвуде умели делать с особым размахом. Вот и теперь Эдгар сообщил, что будет проведен небольшой рыцарский турнир, состоятся куртуазные посиделки, а затем они устроят великолепный пир. Следует еще позаботиться об играх и танцах для молодежи, а также имеет смысл позвать как можно больше веселых фигляров и даже пригласить кого-то из прославленных трубадуров.

Слушая отца, Милдрэд развеселилась и поспешила осведомиться, кто из знатных гостей посетит их в дни ярмарки. Многих из названных она знала и была рада предстоящей встрече. В какой-то миг барон сообщил, что давний соперник Эдгара, граф Норфолкский Гуго Бигод, выразил желание приехать в Гронвуд со своим семейством. При этом барон покосился на супругу, давнюю ненавистницу Бигода, однако, к его радости, Гита приняла новость спокойно, и он уже с явным облегчением добавил, что явятся в Гронвуд и рыцаритамплиеры из Колчестера во главе со своим предводителем Ричардом Гастингсом. При этом Эдгар повернулся к Артуру и негромко произнес:

— А вот тебе, парень, вряд ли придется насладиться нашей ярмаркой. Если, конечно, ты не желаешь объясняться с храмовниками.

Бесспорно, Артур не желал этого и потому уныло кивнул, когда Эдгар заявил, что на время отошлет его в имение Тауэр-Вейк, расположенное среди заливных лугов фенов. Тут в разговор вступила леди Гита и настояла, чтобы и Милдрэд на какое-то время перебралась в фенленд.

— Ты ведь сам понимаешь, Эдгар, что девочке неприлично принимать участие в столь шумных увеселениях, когда она в трауре.

Это выглядело благопристойно. И Эдгар даже не догадывался, что, настаивая на приличиях, его супруга вспоминала советы своей подруги аббатисы: ни под каким предлогом не разлучать обрученных.

В любое другое время Милдрэд бы заспорила, узнав, что ее ушлют на время ярмарки. Однако известие, что они уедут с Артуром, только воодушевило ее. И это не укрылось от внимания отца. Он повернулся к Гаю де Шамперу:

— Друг, думаю, вам тоже стоит отправиться с молодыми людьми. Конечно, наставница Клер будет присматривать за ними, да и честь Артура будет порукой, что он поведет себя с Милдрэд достойно. Однако я еще и сам не так стар, чтобы запомнить, как может вскружить голову любовь. Поэтому приглядывайте за ними. Тем паче что и вам, Гай, не стоит привлекать к себе внимание, когда в Гронвуде соберется столько именитых людей.

Старая кремневая башня Тауэр-Вейк располагалась на небольшом островке среди озера, и к ней вела длинная насыпная дамба. Это было мощное строение, созданное скорее как укрепление, нежели как жилище. И все же, когда сопровождавшие Милдрэд Гай и Артур вошли в нее, то поняли, что, несмотря на воинственный вид башни, это достаточно богатое жилище.

Здесь были очаги с хорошей вытяжкой, стояла добротная мебель, небольшие оконца были забраны тонкой слюдой, пол был покрыт свежим тростником, а верхние плиты верхних покоев устилали пушистые овчины. Правда, эти покои предназначались только для леди Милдрэд, ее наставницы Клер и прибывших с ними женщин, а все остальные расположились внизу, причем для Артура и Гая выделили на двоих одно широкое ложе, занавешенное красиво вышитой портьерой.

По прибытии Милдрэд выслушала отчет управляющего Хродерава, его жена Эйвота сытно накормила всех, а потом время текло за разговорами, песнями, шутками. Артуру нра-

вилось, что и тут сохранялась та же спокойная и доброжелательная атмосфера, как и в Грон-вуде. Другое дело, что его охватила грусть, когда он понял, что даже в этом замкнутом мире они с невестой по-прежнему будут лишены возможности уединиться. Несмотря на то что они могли гулять вдоль берега озера или держаться за руки, сидя подле очага, вечером девушка под надзором Клер уходила в верхние покои, и ему только и оставалось, что ворочаться возле уже подремывающего Гая и мечтать о своей милой.

Гай сонно ворчал:

– Не вертись, спи. Завтра на рассвете поедem на охоту.

Они отправлялись на охоту почти ежедневно. Милдрэд тоже вставала с ними до восхода солнца; они садились на оседланных лошадей, ехали в предутреннем тумане по хорошо уложенной гати, направляясь в заливные луга фенленда.

Артур еще никогда не видел столь обширных пространств. Фены тянулись до самого горизонта, и над их отражавшими солнечный свет заводями лишь изредка вставали купы плакучих ив и ольхи на небольших островках. Артур решил, что от такой земли нет никакого прока – ни тебе сеять, ни устроить лов на зверя. Но, как оказалось, он ошибался: эти плоские влажные земли были превосходными пастбищами, тут паслись многочисленные отары тонкорунных овец, а еще Милдрэд поведала, что в фенах выкашивают столько сена, что его хватает до марта. К тому же фены давали тростник, которым крыли дома, из которого плели циновки на полы или просто устилали им пол, чтобы от холодного камня не стыли ноги. Местный тростник даже продавали в отдаленные маноры, а это тоже неплохая статья дохода.

Да и насчет охоты Артур был не прав: несметное количество птиц гнезилось на равнинах фенленда, охотиться тут можно было круглый год. Правда, Артура и Милдрэд огорчало то, что даже в это время им не удавалось побыть вдвоем, вечно рядом кто-то оказывался, не говоря уже о пристально следившем за ними Гае.

Однажды ночью, когда Артур лежал подле рыцаря и ворочался не столько от похрапывания Гая, сколько от своих неутоленных желаний, он ощутил, как кто-то осторожно потряс его за плечо. Это был охранник, которому надлежало нести дозор на смотровой площадке башни. Сейчас он стоял у их ложа, прижав палец к губам, а потом сделал юноше жест следовать за ним. И пока Артур заправлял рубаху в штаны, стражник попробовал монету на зуб, а едва молодой рыцарь приблизился к нему, негромко шепнул:

– Иди наверх. Леди ждет тебя на площадке башни.

Артур так и кинулся, едва не наступив на кого-то из слуг, спавших на полу. Быстро взлетел по огибавшей каменную стену башни лестнице, прокрался мимо дверей в женские покои и увидел над собой откинутый люк, ведущий на смотровую площадку.

Миг – и он был наверху.

Стояла великолепная ночь. С усыпанного мерцающими звездами неба проливалась свой бледный свет луна, а у зубчатого парапета башни стояла и смотрела на него Милдрэд. Она была в накинутом поверх рубахи плаще, капюшон был отброшен, и ее длинные светлые волосы разметались по плечам. А вокруг – ни души, лишь где-то в селении на берегу порой лаяла собака да в фенах кричала ночная птица.

– Ну что? – весело прошептала Милдрэд. – Может, поболтаем о чем-нибудь?

Он шагнул к ней и прижал к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.